

Д.И. Ермолович

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ НА СТЫКЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

**Заимствование и передача имён собственных
с точки зрения лингвистики и теории перевода**

*С приложением правил
практической транскрипции имён
с 23 иностранных языков,
в том числе таблиц слоговых соответствий
для китайского и японского языков*

Москва
«Р.Валент»
2001

Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. — М.: Р.Валент, 2001. - с. 200 - ISBN 5-93439-046-5

Книга восполняет пробел, связанный с недостаточным вниманием к именам собственным в сопоставительной лингвистике, а также в преподавании иностранных языков и перевода.

Излагается оригинальная концепция смысловой структуры и номинативных свойств имён собственных. Подробно рассматриваются особенности разнообразных категорий имён и названий, сложности и «подводные камни», связанные с их межъязыковым функционированием. Формулируются принципы стратегии переводчика в передаче собственных имён.

Книга снабжена приложениями с современными рекомендациями по практической транскрипции (транслитерации) имён и названий с 23 иностранных языков, в том числе с китайского и японского. Такие правила в изданиях для массового читателя не публиковались в нашей стране много лет, а для некоторых языков публикуются впервые.

ISBN 5-93439-046-5

ББК 81.2 Англ.-923

© Д.И.Ермолович, 2001

© Оформление — издательство

«Р.Валент», 2001

О ЧЁМ ЭТА КНИГА И ЧЕМ ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗНА

Имена и названия всегда играли особую роль. С выяснения имени начинается знакомство людей друг с другом. Собственные имена чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. От нарицательных слов их, кроме прочего, отличает тенденция к универсальности использования. Например, переходя к разговору на другом языке, нам приходится использовать иные нарицательные слова в отношении знакомых предметов и понятий, однако знакомого нам человека мы будем называть одним и тем же именем, независимо от того, на каком языке мы станем к нему обращаться.

Таким образом, имена собственные становятся как бы опорными точками в межъязыковой коммуникации и тем самым в изучении иностранного языка и переводе с него. Они исполняют функцию межъязыкового, межкультурного мостика. Это ценное свойство собственных имён, однако, породило распространённую иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и при переводе с него. Из-за этого их, как правило, не включают в отечественные двуязычные словари, о них почти ничего не говорится в учебниках по языку и переводу.

Но такой подход основан на глубоком заблуждении. Имена собственные действительно помогают преодолеть языковые барьеры, но в своей изначальной языковой среде они обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, способностями к видоизменению и словообразованию, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. При передаче имени на другом языке большая часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени.

Увы, как в средней, так и в высшей школе нашей страны сложилась труднопреодолимая «традиция»: лингвистические свойства и принципы передачи имён собственных изучаются крайне слабо даже в вузах, готовящих специалистов по иностранным языкам. Считается, что имена собственные «переводятся» как бы сами собой, автоматически, сугубо формально.

Результатом подобного формального подхода являются многочисленные ошибки, разночтения, неточности в переводе текстов и использовании иноязычных имён и названий. А иной раз наоборот — возводимая в абсолют «точность» передачи приводит к возникновению неудобопроизносимых, неблагозвучных или бессмысленных имён и названий. (Примеры таких неточностей и недоразумений читатель найдёт в книге.)

Такое положение отчасти объясняется и слабой научной разработанностью вопроса. Хотя ономастика (наука о собственных именах) не была лишена внимания лингвистов, ими мало исследовался вопрос о закономерностях межъязыкового переноса лексических знаков этой категории. Отсюда и явные пробелы в освещении данной темы всевозможными учебными курсами.

Данная книга ставит перед собой несколько задач. Во-первых, необходимо **преодолеть устоявшийся стереотип** в отношении имён собственных, сложившийся в практике изучения и преподавания иностранных языков, а также в переводе, продемонстрировать сложности и «подводные камни», связанные с межъязыковым функционированием имён и названий.

Во-вторых, в этой работе предпринята попытка хотя бы в первом приближении **представить концепцию смысловой структуры и функциональных особенностей имён собственных** с точки зрения общей и сопоставительной лингвистики, а также теории перевода. Разъясняются факторы, влияющие на использование имени в новой языковой среде. Формулируются принципы, на которых переводчикам рекомендуется **строить стратегию перевода** текстов, содержащих собственные имена.

В-третьих, ставится задача **вооружить читателей** не только общетеоретическими, но и **конкретными практическими знаниями**, связанными с особенностями тех или иных категорий собственных имён.

Книга построена на материале английского и русского языков, однако в полной мере учитывается и подчёркивается тот факт, что читатель может иметь дело с именами собственными, происходящими из самых разных языков, и что ему ни в коем случае не следует допускать «англизации» таких имён (увы, в наши дни это уже стало прискорбной массовой тенденцией, особенно в отношении имён собственных из восточных языков).

В приложениях приводятся **указания по регулярной практической транскрипции (транслитерации)** собственных имён английского языка на русский и с русского на английский, а также с основных европейских языков и некоторых азиатских языков (турецкого, китайского, японского).

Настоятельно рекомендуется использовать в дополнение к этой книге также двуязычные лексикографические издания, представляющие собой наиболее точные и современные своды соответствий для основных категорий имён собственных, а именно: Ермолонич Д.И. *Англо-русский словарь персоналий*. М., 2000 (3-е изд. с дополнениями; имеется также русско-английский указатель); Горская М.В. *Англо-русский и русско-английский словарь географических названий*. М., 1999. Другие полезные издания указаны в библиографическом списке.

В систематическом виде сведения, изложенные в этой книге, публикуются впервые. Книга должна оказаться полезной всем, кто серьёзно изучает английский язык или работает с ним, то есть лингвистам, педагогам и переводчикам, а также представителям тех неязыковых профессий, которые в силу своей работы являются активными участниками межязыкового и межкультурного взаимодействия — журналистам, критикам, экономистам, менеджерам, рекламистам, специалистам по информатике и другим отраслям науки и техники.

Условные обозначения

— обратить особое внимание

— дискуссионный или трудный вопрос.
Проблема в стадии разработки.

— распространённая ошибка

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ТИП ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ . . .	8
1.1 Общелингвистические свойства имён собственных	8
1.2 Значение имён собственных	11
Глава 2. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ПЕРЕДАЧИ, ИМЁН СОБСТВЕННЫХ НА ДРУГОМ ЯЗЫКЕ	14
2.1 Принцип графического подобия (транслитерация).	15
2.2 Принцип фонетического подобия (транскрипция).	19
2.3 Учёт национально-языковой принадлежности имени.	21
2.4 Принцип этимологического соответствия (транспозиция) . . .	24
2.5 Принцип благозвучия.	25
2.6 Сохранение тождества имени.	27
2.7 Адаптация имени к грамматической системе принимающего языка	27
2.8 Способность имени к словообразованию.	28
2.9 Учёт исторической традиции.	29
2.10 Учёт характеризующих компонентов значения имени	30
2.11 Учёт конкретной прагматической задачи.	31
2.12 Выводы и общие рекомендации переводчику.	32
2.13 Виды соответствий.	35
Глава 3. ПЕРСОНАЛИИ	37
3.1 Антропони́мы	38
3.1.1 Общие свойства антропонимов	38
3.1.2 Единичные и множественные антропони́мы.	39
3.1.3 Личные имена и их уменьшительные варианты	42
3.1.4 Русские отчества	54
3.1.5 Переносные значения множественных антропонимов . . .	60
3.1.6 Переносные значения единичных антропонимов.	63
3.1.6.1 Антропонимические сравнения.	64
3.1.6.2 Антропонимическая метафора — общая характеристика . . .	65
3.1.6.3 Виды антропонимической метафоры в английском языке . . .	67
3.1.6.4 Виды антропонимической метонимии в английском языке . . .	70

3.1.7	Личные имена общеевропейского происхождения	76
3.1.8	Проблема передачи рода имён и фамилий	81
3.1.9	Проблема склонения фамилий	84
3.2	Персоналии смешанного типа	86
3.3	Прозвищные персоналии	87
3.3.1	К определению прозвищ	87
3.3.2	Основные типы прозвищ	89
3.3.2.1	Классификация прозвищ по степени зависимости от ситуации	89
3.3.2.2	Классификация прозвищ по их составу	91
3.3.2.3	Множественные и единичные прозвища	96
3.3.2.4	Прозвища в аспекте перевода	99
Глава 4.	ПРОЧИЕ КАТЕГОРИИ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ	105
4.1	Топонимы	105
4.1.1	Компоненты значения топонимов	105
4.1.2	Топонимы в переводе	108
4.2.	Зоонимы	113
4.3	Лстронимы	120
4.4	Названия судов, космических кораблей и аппаратов	122
4.5	Названия компаний и организаций	123
4.6	Названия литературных и художественных произведений	129
	Заключение	132
5.	Приложения.	
	ПРАВИЛА РЕГУЛЯРНОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ	
	ТРАНСКРИПЦИИ (ТРАНСЛИТЕРАЦИИ)	
	ИНОЯЗЫЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН	134
5.1	Таблицы практической транскрипции с английского языка на русский	135
5.1.1	Передача английских фонем	135
5.2	Таблица практической транскрипции с русского языка на английский	138
5.2.1	Гласные	138
5.2.2	Согласные и безгласные	138

5.3	Правила и стандарты технической транслитерации русских слов буквами латинского алфавита	139
5.4	Таблицы практической транскрипции (транслитерации) с основных европейских языков, пользующихся латиницей, на русский	141
5.4.1	Венгерский язык	141
5.4.2	Голландский язык	143
5.4.3	Датский язык	146
5.4.4	Испанский язык	148
5.4.5	Итальянский язык	150
5.4.6	Латышский и литовский языки	153
5.4.7	Немецкий язык	156
5.4.8	Норвежский язык	159
5.4.9	Польский язык	162
5.4.10	Португальский язык	166
5.4.11	Румынский язык	170
5.4.12	Сербский и хорватский языки	173
5.4.13	Турецкий язык	175
5.4.14	Финский и эстонский языки	177
5.4.15	Французский язык	180
5.4.16	Чешский и словацкий языки	187
5.4.17	Шведский язык	191
5.5	Таблица соответствий для слогов японского языка на латинице и кириллице	194
5.6	Таблица соответствий для слогов китайского языка на кириллице и латинице	195
5.7	Передача некоторых китайских имён собственных на русском и английском языках	198
6.	Дополнительно рекомендуемая справочная литература	199

ГЛАВА 1. Имена собственные как тип языковых знаков

1.1. Общелингвистические свойства имён собственных

Слова и фразеологические словосочетания обобщённо именуются лексическими единицами, или словесными знаками. Человек пользуется словесными знаками для того, чтобы с их помощью выразить своё восприятие действительности, работу своей мысли. Словесные знаки есть результат стремления человека к экономии сил, к удобству в общении: если нужно привлечь внимание другого человека к какому-либо предмету, обязательно каждый раз подводить его к этому предмету и показывать на него. Такое указание на предмет можно заменить словом (или несколькими словами).

Поэтому у словесных знаков есть форма и содержание. Форма у словесного знака двойная — звуковая (фонетическая) и письменная (графическая). Это условный набор некоторых звуков и графических знаков (букв), который осознаётся как единое целое. Формальная сторона словесного знака доступна и наглядна, именно с ней имеют дело в первую очередь лингвисты и переводчики.

А содержание словесного знака определяется теми исходными предметами и понятиями, к которым он относится. Если содержание словесного знака неизвестно, то определить его нелегко, так как словесные знаки условны, да и указывать на предмет они могут по-разному.

Связь между формой и содержанием словесного знака обозначается в лингвистике термином **номинация**. Нас будет интересовать так называемая предметная (идентифицирующая) номинация, то есть обозначение предметов. Понятие *предмет* в этой книге следует понимать широко: оно включает как неодушевлённые предметы, так и живые существа, в том числе людей.

В зависимости от характера номинации имена предметов подразделяются на два вида: **нарицательные** и **собственные**.

Имена нарицательные обозначают некоторое множество похожих предметов. В речи они могут относиться или к какому-то одному предмету из этого множества, или ко всем этим предметам сразу как к определённой категории (например, *корабль*, *мальчик*,

учреждение, газета). Об именах нарицательных в лингвистике говорят, что они обладают **классифицирующей номинацией**.

Нарицательное имя может обозначать класс предметов или какой-то отдельный предмет внутри этого класса. Это бывает, когда:

а) индивидуальные признаки предмета не имеют значения: He is too young to climb a **mountain**;

б) в описываемой ситуации только один предмет данного класса. Для иллюстрации последнего случая можно привести примеры из фантастического романа А. и В. Стругацких «Улитка на склоне», где обстановка действия включала единственный «Город» и единственный «Лес». А в сообщении «*Приезжайте встретить меня на вокзал*» предполагается, что адресату сообщения понятно, какой именно вокзал имеется в виду, из обстановки, опыта, на основании логического вывода;

в) индивидуальные признаки предмета описываются дополнительными определениями: "They set up outposts on *the mountain overlooking the city*"; «**Гражданин, потерявший удостоверение**, обратитесь в справочное бюро»; «Актриса вспоминала тот **город**, где она начала служить в театре».

Однако часто возникает необходимость выделять какой-то предмет из множества похожих предметов вне зависимости от ситуации общения и не называя уточняющих признаков. В таком случае удобно присвоить этому предмету отдельное имя, которым нельзя будет назвать любой другой похожий предмет. Такое имя называется *собственным*. **Имена собственные** (в дальнейшем — ИС) служат для особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к описываемой ситуации и без обязательных уточняющих определений. ИС выполняют функцию **индивидуализирующей номинации**.

У ИС следует разграничивать **прямую (первичную) и переносную (вторичную)** номинативные функции. В прямой номинативной функции ИС служит для указания на тот предмет, которому оно присвоено в индивидуальном порядке. Переносная номинативная функция ИС характеризуется переносом наименования на другой предмет, в связи с чем оно получает способность приписывать какие-то свойства ряду объектов. Через номинативный перенос возможен переход ИС в нарицательные слова.

Предмет, обозначаемый именем собственным, будем называть **носителем имени**, или **референтом**. Референтами ИС могут быть люди, животные, учреждения, компании, географические и астрономические объекты, корабли и другие самые разнообразные предметы.

К именам собственным можно причислить также **названия** книг, фильмов, других произведений литературы и искусства. В дальнейших главах этой книги будут подробнее рассмотрены особенности разных видов ИС и названий.

Важно отметить, что именам собственным в определённой степени присуща и классифицирующая номинация. Ведь они выделяют предмет из класса аналогичных предметов, значит, неявно заключают в себе указание на этот класс. Так, каждая из кличек *Бобик*, *Барбос*, *Шарик* относится к какой-то отдельной собаке, но благодаря тому, что это именно собачьи клички, возможен переход этих ИС в нарицательные имена: слова *бобик*, *барбос*, *шарик* утрачивают индивидуализирующую функцию и могут указывать в принципе на любую собаку.

С другой стороны, носители языка имеют в речи известную степень свободы в пользовании номинативными единицами — они могут присваивать, например, людские имена собакам, кораблям, тайфунам и т.д.

Связь индивидуализирующего имени с понятием в языке и речи можно проиллюстрировать следующим примером. В драматической сцене Гоголя «Игроки» шулер Ихарев даёт название «Аделаида Ивановна» карточной колоде. Ясно, что данное наименование не будет связано с понятием «карточная колода», если его услышит непосвященный, но эта связь будет установлена немедленно при знакомстве с референтом в конкретной ситуации.

Однако если отвлечься от конкретной ситуации, то, взятое изолированно, имя *Аделаида Ивановна* любым носителем языка будет соотнесено всё же с понятиями «человек», «женщина», «член русскоязычного коллектива» даже независимо от того, кому принадлежат эти имя и отчество.

Предметов, достойных присвоения индивидуального имени, так много, что ИС находятся как бы за рамками основного лексического состава языков. Как отмечал лингвист Э. Пулграм, «я не могу позволить себе интереса к знанию имени любого человека только ради самого знания, потому что слишком много имён отяготили бы тогда мою память»¹.

Аналогичным образом, невозможно знать названия всех существующих географических объектов, компаний и т.д. Однако каждому человеку волей-неволей приходится знакомиться с собственными именами более или менее значительного числа людей, животных и других одушевлённых и неодушевлённых предметов.

¹ Pulgram E. Theory of names. Berkeley, 1954, p. 26.

Под этими именами они известны в каком-то кругу носителей языка, или **сфере общения**.

Из-за этого ИС оказались как бы на периферии языковой системы. Носителей имён слишком много, их известность слишком различна. Вот почему ИС оказались вне сферы внимания многих толковых и двуязычных словарей, учебников, пособий для переводчика. И несправедливо: эта лексическая категория обладает сложными формальными, содержательными и ассоциативными характеристиками, знание которых совершенно необходимо людям в процессе преодоления языковых и межкультурных барьеров.

1.2. Значение имён собственных

Как уже отмечалось, ИС имеют формальную и содержательную стороны. Однако что считать содержанием (то есть значением) имени собственного? С одной стороны, в лингвистике отмечается, что ИС, относящиеся к отдельным предметам, «никак не характеризуют их, не сообщают о них ничего истинного или ложного»², но в то же время, «поскольку имя собственное относится к единичному предмету, его содержание соответствует всей совокупности его свойств в их нерасчленённой целостности»³.

Такая сложность семантики ИС, порождающая различные подходы к проблеме, привела к появлению взаимоисключающих концепций значения ИС. Одни авторы утверждают, что ИС лишены значения, другие считают их значение неполноценным или лежащим в ином, нежели у нарицательных, информативном плане, а третьи приписывают им ещё более содержательное значение, чем нарицательным именам.

Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Во-первых, все ИС обладают значением предметности, то есть частью их содержания (значения) является как бы сообщение о существовании некоего предмета (или сущности, которую мы представляем себе как предмет).

Во-вторых, большинство ИС обозначают какой-то класс предметов, среди которых один предмет выделяется особо. В системе языка с логической точки зрения индивидуализирующая номинация возможна только среди предметов, уже как-то классифицированных на основе обобщения. Странно было бы вообще говорить об «антропонимах», «топонимах» и других категориях ИС, если бы они не были связаны соответственно с понятиями

² Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977, с. 190.

³ Там же, с. 191.

«человек», «территориальный объект» и т.п. или если бы эта связь была чем-то полностью зависящим от контекста и личного желания говорящих.

В-третьих, ИС, обозначая индивидуальный предмет, закрепляют в своём значении некое соглашение, уговор именовать данный предмет определённым образом.

В-четвертых, ИС несут в себе какую-то информацию именно об этом предмете, о его свойствах. Эта информация может быть богатой или бедной, и она бывает в разной степени известна в разных сферах общения. Если эта информация получает распространение в масштабах всего языкового коллектива, то это значит, что сведения о данном предмете являются частью языкового значения имени собственного.

Таким образом, в значении ИС можно выделить по меньшей мере четыре компонента:

- а) **бытийный, или интродуктивный** — существование и предметность обозначаемого. Данный компонент значения представляет собой как бы свёрнутое сообщение: «*Существует такой предмет*». Этот компонент является общим для всех предметных словесных знаков — нарицательных и собственных;
- б) **классифицирующий** — принадлежность предмета к определённому классу. Такой класс будем называть денотатом имени. Денотатами антропонимов, например, являются люди (а денотатами многих антропонимов — также классы мужчин и женщин); денотатами зоонимов — животные; денотатами топонимов могут быть континенты, океаны, моря, страны, реки, острова, населённые пункты, улицы и т.д. Данный компонент значения представляет собой как бы свёрнутое сообщение: «*Этот предмет — человек (река, строение и т.д.)*»;
- в) **индивидуализирующий** — специальная предназначённость данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата. (Как уже отмечалось, такой отдельный предмет называется референтом имени). Вместе компоненты (а), (б) и (в) представляют собой как бы свёрнутое сообщение: «*Есть такой человек, который зовётся Джоном*»; «*Река, о существовании которой мы сообщили, называется Ниагара*» и т.п.;
- г) **характеризующий** — набор признаков референта, достаточных, чтобы собеседники понимали, о чём или о ком идёт речь. Данный компонент значения, например, ИС *Ниагара* представляет собой как бы свёрнутое сообщение: «*эта река протекает в Северной Америке и образует один из самых больших водопадов в мире*».

Представления и знания, связываемые разными людьми с одним и тем же референтом, конечно, могут различаться. Например, разные носители английского языка могут связывать разные представления, скажем, с городом *Эксетер* (Exeter) в Англии. Однако в той местности, где этот топоним имеет особо существенное значение для жизни и общения, общим для говорящих будет знание о том, что это небольшой, но древний город в графстве Девоншир (плюс, возможно, ещё несколько признаков, например, наличие в нём старинного собора и т. п.).

Участники определённой сферы общения вкладывают в свою речь фоновые знания о конкретном предмете, а если эта сфера общения распространяется на весь языковой коллектив, то из их фоновых знаний складывается индивидуализирующий компонент значения ИС в языке как системе.

Однако этими компонентами значение ИС также не ограничивается. Дело в том, что в языке и речи возможен перенос индивидуального наименования на другой объект, в связи с чем ИС получают способность приписывать какие-то свойства ряду объектов, то есть приобретают свойства нарицательных. Подробнее об этом пойдёт речь в разделах, посвящённых конкретным категориям ИС (антропонимам, топонимам и т. д.).

Вопрос о значении ИС имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного» языка. Однако иной раз весьма существенным элементом их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие барьеры. А без сохранения своего значения ИС не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда — возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена. Здесь — огромное поле знаний для освоения переводчиками и всеми, кто изучает или преподаёт иностранный язык в сопоставлении с родным.

Эти проблемы рассматриваются в данной книге в основном на материале английского и русского языков, однако широко привлекаются сведения и из других языковых сред. Хочется надеяться, что этот труд, в котором анализируются и систематизируются такие сведения, станет руководством для студентов, переводчиков и преподавателей в освоении трудного, но интересного языкового материала.

ГЛАВА 2. Общие проблемы заимствования и передачи имён собственных на другом языке

Одна из важнейших особенностей ИС заключается в том, что, поскольку они закрепляются за предметом в индивидуальном порядке, то должны в принципе служить для обозначения этого предмета не только в какой-то одной языковой среде, но и в других языковых и культурных средах. Другими словами, имя собственное не должно (в принципе) заменяться на какое-то другое обозначение, когда о его носителе говорят или пишут на другом языке.

Следовательно, ИС — это объект межъязыкового и межкультурного **заимствования**. Применительно к переводу с одного языка на другой говорят о *передаче* ИС.

Передача иноязычных ИС — сложная и многогранная проблема. Она связана с многочисленными недоразумениями, курьёзами, ошибками. На такие ошибки и курьёзы часто обращается внимание в этой книге. Однако важно понимать, что их причиной являются не только пробелы в знаниях переводчиков, журналистов, комментаторов и других языковых посредников, но и некоторые глубинные причины, свойственные вообще заимствованию как явлению межъязыковой коммуникации.

Можно утверждать, что явлению заимствования имени из одного языка в другой свойственна вообще некоторая диалектическая противоречивость. Дело в том, что стремление сохранить за объектом уникальное имя подразумевает целый ряд задач. К сожалению, эти задачи не могут быть реализованы во всей полноте в силу ряда объективных ограничений, а также потому, что некоторые из этих задач в конкретных ситуациях заимствования противоречат другим.

Рассмотрим подробнее эти задачи и связанные с ними проблемы, что позволит нам сформулировать некоторые общие подходы к их разрешению, актуальные прежде всего для переводчика. Дальнейшие рекомендации будут приведены в главах, посвящённых отдельным категориям ИС.

2.1. Принцип графического подобия (транслитерация)

Обычно лингвисты рекомендуют ориентироваться на фонетику имени при межъязыковой передаче ИС. При этом они исходят из того, что устная речь первична, а письменная вторична. Это справедливо лишь в плане истории языка, но далеко не всегда — в реальной межъязыковой коммуникации. Часто как раз имеет место обратное — знакомство с именами и названиями на чужом языке происходит с помощью письменных источников.

При заимствовании ИС их передача может ориентироваться и на письменную (графическую) форму. Возможен простой **перенос графической формы имени** без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке. Такое чаще всего практикуется, когда языки пользуются общей графической основой письменности. Такой практики придерживаются в большинстве стран, пользующихся латинской графикой. Ведь письменный облик имени выполняет ещё и функцию юридической идентификации. В западноевропейских языках имена собственные, заимствуемые из одного языка в другой, как правило, не меняют орфографию: так удобнее читателям, которые благодаря этому подходу могут легко ориентироваться в любых письменных источниках.

Например, при использовании в англоязычном тексте имени из языка, письменность которого основана на латинице, ИС не претерпевает изменений. При этом в принципе желательно, чтобы воспроизводились и те буквы и диакритические знаки, которые отсутствуют в английском алфавите. Так, при передаче польского имени *Wałsa* в серьёзных публикациях и изданиях научного характера (энциклопедиях и т. п.) сохраняется буква с подстрочным знаком. Однако в реальной практике (особенно в газетах, журналах, популярных справочниках) эта рекомендация часто игнорируется, и необычные для английского языка дополнительные элементы при передаче иноязычных ИС просто опускаются.

Недостаток практики прямого переноса состоит в том, что говорящие на другом языке часто не могут определить по написанию, как произносится иноязычное ИС. Например, автор этих строк был свидетелем следующей ситуации. Небольшая группа итальянских туристов плыла на теплоходе по Женевскому озеру и, руководствуясь путеводителем на итальянском языке, плани-

рвала сойти с него у населённого пункта *Pully*, название которого они произносили как [пулли]. За несколько минут до подхода к причалу капитан объявил об этом по громкоговорящей связи и предложил пассажирам подготовиться к выходу. Однако по-французски название этого населённого пункта произносится как [пюи], и итальянцы не отреагировали на объявление. Только когда теплоход пришвартовался и они увидели на причале табличку, на которой это название было написано, они в спешном порядке стали покидать судно⁴.

Переноса имя в неизменной форме, носители принимающего языка нередко навязывают имени произношение, соответствующее правилам чтения на их родном языке. Например, французы произносят имя Моцарта (Mozart) так, как если бы это было французское именование, — [mozar]. В английском языке широко распространено чтение немецкого имени собственного *Münchhausen* (*Мюнхгаузен*) как [mʌn'tʃɔ:zn]

В то же время в латышском языке, который пользуется латиницей, западноевропейские имена передаются в соответствии с принципом транскрипции, а не в исходной иноязычной форме. Вот, например, как выглядят по-латышски имена некоторых американских киноактёров:

<i>Англ.</i>	<i>Лат.</i>
Dustin Hoffman	Dastins Hofmans
Samuel Jackson	Semjuels Džeksons
Sharon Stone	Šarona Stouna
John Carpenter	Džons Karpenters
James Wood	Džeimss Vuds
Sheril Lee	Šerila Li
Daniel Baldwin	Deniels Boldvins

(Одновременно иноязычные имена подвергаются в латышском языке ещё и морфологической трансформации: ко всем мужским именам и фамилиям добавляется в именительном падеже окончание -s, а к женским, оканчивающимся на согласный звук, — окончание -a. В косвенных падежах добавляются иные окончания, т. е. иноязычные имена склоняются так же, как и собственно латышские.)

⁴ На русских географических картах этот населённый пункт обозначен в соответствии с принципом транслитерации — *Пулли*, тогда как транскрипционный вариант был бы *Пюи*.

Этот пример показывает, что принцип прямого переноса не универсален даже для языков, пользующихся общей основой графики.

Рассмотрим теперь принцип транслитерации.

О **транслитерации** говорят тогда, когда языки пользуются различными графическими системами (например, английский, русский, греческий, армянский, грузинский), но буквы (или графические единицы) этих языков можно поставить в какое-то соответствие друг другу, и согласно этим соответствиям происходит межъязыковая передача ИС. Поскольку, например, латиница, греческий алфавит и кириллица имеют общую основу, то большинство букв этих двух алфавитов могут быть поставлены в соответствие друг другу с учётом тех звуков, которые они регулярно обозначают.

Транслитерация имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущества очевидны — письменный вариант имени не искажается, его носитель имеет универсальную, независимую от языка идентификацию. (Это немаловажное соображение — например, фамилия *Ельцин* передаётся по-английски как *Yeltsin*, а по-французски как *Elsine*. Чтобы отыскать о нём, например, сведения на английском и французском языках в Интернете, придётся два раза заказывать поиск материалов по ключевому слову — один раз в английском написании, другой раз во французском.)

Переводчики с русского на западноевропейские языки знают, как трудно иной раз восстановить исходную форму иностранного имени или фамилии, данной им в русской транскрипции, то есть с ориентацией на звучание, а не на написание имени (например, *Юнг* — *Young или Jung? Иэн* — *Ian или Eain? Хьюстон* — *Houston или Huston? Ли* — *Leigh, Lee или Lie?*).

При транслитерации в ещё большей степени, чем при прямом переносе, заимствующий язык навязывает имени произношение по собственным правилам. Особенно ярко эта тенденция проявляется в отношении античных и других историко-мифологических имён, чтение которых в западноевропейских языках почти стопроцентно следует правилам принимающего языка: например, по-английски Афродита (*Aphrodite*) — [æfrə'daɪtɪ], Ясон (*Jason*) — ['dʒeɪsn]

Посмотрим теперь, как на практике осуществляется передача имён из языков, чья письменность основана на латинице, на русский язык.

Допустима и реально имеет место практика прямого переноса имени, то есть написания его латинскими буквами. Прямой перенос очень редко практиковался, в частности, в советский период, но и тогда это допускалось в специальных научных текстах, в том числе медицинских. Например, писалось: «Как отмечал Freud в работе...». С конца 80-х годов практика прямого переноса стала распространяться всё шире и шире.

(Интересно проследить эволюцию в подходе, практиковавшемся газетой «Финансовые известия». В первые годы своего издания эта газета жёстко придерживалась транскрипционного принципа передачи иноязычных имён средствами русской графики. Так, наименование американской авиакомпания TWA передавалось как «*Ту-Дабл'ю-Эй*». Но позднее, как и многие другие издания, газета отказалась от этого принципа и перешла к прямому переносу по крайней мере названий компаний и некоторых других категорий ИС.)

Принцип транслитерации нередко применялся в переводческой практике XVIII—XIX веков, когда межъязыковые и межкультурные контакты носили во многих отношениях бессистемный, фрагментарный характер. Если образованная часть российского общества в XIX веке хорошо владела французским и немецким языками, то, например, английский язык был в России мало кому известен, контакты с англоязычной культурой сводились в основном к знакомству с письменными источниками, да и то часто через французское или немецкое посредничество. Не зная, как читаются в оригинале те или иные имена, переводчики прибегали либо к транслитерации, либо к транскрипции по правилам чтения французского или немецкого языка. (Отсюда передача имени Newton как *Невтон* в известном стихотворении М.В. Ломоносова, строчка из которого «и быстрых разумом Невтонов» стала крылатой.)

Сегодня транслитерация в чистом виде в русской языковой практике не применяется. Дело в том, что в английском, французском, немецком, венгерском и других языках многие буквы латинского алфавита либо изменили своё звуковое значение, либо читаются нестандартно в определённых буквосочетаниях и словах. Поэтому транслитерация их русскими буквами, если её проводить последовательно, будет порождать варианты этих имён, мало похожие при чтении на оригиналы.

2.2. Принцип фонетического подобия (транскрипция)

Поскольку звуковая система языка первична, а письменная вторична, логично при заимствовании имени руководствоваться принципом достижения фонетической близости к оригиналу. Другими словами, при передаче ИС прежде всего ставится задача как можно точнее передать средствами принимающего языка (то есть языка перевода) звучание исходного имени. Этот принцип получил название **транскрипции**, и он является главным современным принципом передачи ИС на русском языке.

При этом цель, к которой должна стремиться система транскрипции, состоит не столько в том, чтобы как можно ближе передать звучание иноязычного имени буквами принимающего языка, сколько в том, чтобы соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке.

Сразу надо отметить, что эта цель далеко не всегда достижима. Фонологические системы различных языков, как правило, настолько специфичны, что их звуки невозможно поставить во взаимно однозначное соответствие. Сравним, например, два варианта русской передачи немецкого имени Heinrich — *Генрих* и *Хайнрих*. Последний вроде бы «правильнее» передаёт оригинальное звучание, но в нём одной и той же буквой *х* обозначены две разные немецкие фонемы: придыхательная в начале слова и среднеязычная шелевая в конце. С точки зрения фонологии, близость к оригиналу не достигается и в этом варианте, так как принцип взаимно однозначного соответствия не выдержан.

Подобная ситуация иногда наблюдается даже при сопоставлении близкородственных языков. Так, в болгарском языке есть специфическая фонема [ъ], к которой невозможно подобрать отдельного соответствия в русском языке. Она передаётся то как *о* (България — *Болгария*), то как *ы* (Търново — *Тырново*), то как *е* (Сидър — *Сидер*).

Часто заимствующий язык навязывает имени **иное ударение**. В русской передаче многих ИС из английского и некоторых других языков ударение часто сдвигается на последний или предпоследний слог (*Форсайт*, *Ливингстон*, *Рембрандт*, *Флорйда*). Такая постановка ударения не есть результат некой «несознательности» или «необразованности» говорящих. Она вызвана внутренними

законами ритмики русской речи и носит произвольный характер. Чтобы поставить в этих именах ударение на первый слог (по аналогии с исходным языком), говорящий должен сделать сознательное усилие. При этом не исключено, что собеседники сочтут подобное произношение (*Фёрсайт, Ливингстон, Рембрандт, Флорида*) нарочитым или даже снобистским.

Кстати, в отношении топонима *Флорида* интересно отметить, что, хотя это название американского штата и произносится по-английски с ударением на первом слоге, по происхождению это слово — испанское, а в испанском языке оно имеет ударение на втором слоге. Иными словами, заимствуя это название, англоязычные американцы тоже сместили ударение в нём согласно нормам своего языка.

Нередко на такое отличное от оригинала ударение работают системы словоизменения и словообразования в новой языковой среде (на этом мы подробнее остановимся ниже).

Напротив, в английском произношении русских имён собственных ударение часто сдвигается ближе к началу: даже тренированные дикторы «Би-би-си» не произносят женскую фамилию *Роднини* — *Rodnina* с ударением на последнем слоге, как в русском языке, а ставят ударение чаще всего на предпоследний слог.

Современная переводческая практика выработала принцип **практической транскрипции**, который нацелен на передачу звучания ИС, но в то же время включает в себя некоторые элементы транслитерации. Ведь нельзя не учитывать, что при межъязыковой коммуникации огромные объёмы информации передаются именно в письменном виде, поэтому особенности написания ИС также служат более точному указанию на носителя имени. Благодаря элементам транслитерации легче бывает восстановить исходную форму ИС на языке оригинала, а это подчас очень важно для переводчика.

К элементам транслитерации в практической транскрипции имён с английского языка на русский относятся: передача двойных согласных двойными (*TattersalPs* — *Таттерсоллз*, хотя по-английски двойные согласные читаются как одна); передача *z* после гласных и *g* после *n* (*sterling* — *стерлинг*); передача безударной гласной соответствующей буквой (*Brixton* — *Брикстон*, *Nature* — *Нейчур*, где *o* и *u* соответствуют нейтральному звуку) и некоторые другие.

Практика межъязыковой коммуникации последнего времени выработала ряд правил практической транскрипции. В приложении 5.1 приводятся эти правила для передачи иноязычных ИС на русский язык, а в приложении 5.2 — русских ИС на английский язык.

2.3. Учёт национально-языковой принадлежности имени

Хотя имя собственное призвано идентифицировать предмет в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью.

В каждом языковом коллективе имеются лица иной национальной принадлежности. Если их имена подлежат передаче на другой язык, то последовательное воспроизведение их фонетического или графического облика на языке перевода требует ответа на вопрос: в какой мере эти имена сохранили своеобразие того языка, из которого пришли?

Английский врач и лексикограф Peter Mark Roget, автор известного словаря "Thesaurus of English Words and Phrases", всю жизнь прожил в Англии, но унаследовал от родителей-французов фамилию, которая произносится по-французски: *Роже*. Англичане также произносят эту фамилию на французский манер, но со свойственными их произношению особенностями: [rəʊʒeɪ]. Так что, если бы мы решили воспроизвести фонетический облик этой фамилии так, как она произносится в англоязычных странах (где её носитель гораздо более известен, чем во Франции), то надо было бы писать *Роужей* (в некоторых изданиях попадался и вариант *Роджет*). Но поскольку даже в англоязычной языковой среде эта фамилия ощущается как французская (о чём свидетельствует её произношение), то и на русский эту фамилию следует передавать по правилам практической транскрипции с французского языка, то есть *Роже*.

Большие трудности вызывает передача фамилий жителей США, скажем, фамилий славянского происхождения в американском контексте. Сравним, например, следующие устоявшиеся варианты русской передачи следующих ИС: *Дэниел Комински* и *Збигнев Бжезинский*, *Роберт Сарнофф* и *Людмила Игнатьев-Каллагэм*.

Не до конца ясен и вопрос, как передавать на латинице имена немецкого происхождения, принадлежащие российским (а в прошлом советским) гражданам, — на основе немецкой орфографии или по общим правилам транслитерации с русского? Фамилию *Фрейндлих*, например, надо в первом случае передавать как *Freundlich*, во втором — как *Freindlikh*.

Очевидно, и в этом случае решение будет зависеть от того, насколько этнические истоки имени актуальны для характеристики его носителя. Например, в переводе статьи об эмиграции российских этнических немцев в Германию их фамилии, очевидно, следует давать в немецкой орфографии.

При переводе с русского языка надо особенно внимательно относиться к **именам иностранного происхождения, транскрибированным по-русски**. В этом случае следует стремиться восстановить орфографию имени на том языке, из которого оно происходит. Так, в одном из рассказов С. Довлатова фигурирует поляк-эмигрант по имени *Венчислав Глинский*, живущий в США. Переводчица рассказа А. Буис (*Antonina W. Bouis*), по-видимому, сознавала, что следовало бы передать его имя и фамилию соответственно написанию в польском языке, однако сделала это на глазок: *Wenceslav Gliniski*. Данный вариант, конечно, неверен, он не учитывает даже того простого факта, что в польском языке буква *v* используется только в заимствованных словах. Правильное написание — *Wiczyslaw Glynski*. (Лица, приезжающие в США, не могут произвольно изменять своё имя, в том числе и его орфографию, тем более если их национальный язык пользуется латиницей.)

Проблема национально-языковой принадлежности связана также с античной и библейской этимологией имён. Носители современных имён могут по ассоциации быть сравнены со своими тёзками в истории и мифологии. В таких случаях переводчик стоит перед дилеммой: ориентироваться ли на современную форму данного имени в исходном языке (например, *Илайджа*, *Рут*, *Хейгар*) или на его исторический или мифологический прототип в том виде, в каком он зафиксирован на языке перевода (соответственно *Илия*, *Руфь*, *Агарь*). Более подробно этот вопрос рассматривается в § 3.1.7.

Очень ответственно следует подходить к текстам на английском языке, в которых содержатся европейские ИС неанглийского происхождения. В этом случае при передаче имён не действуют, конечно, правила англо-русской транскрипции, а необходи-

мо учитывать правила практической транскрипции с языка оригинала. Именно в этих целях данная книга снабжена приложениями, в которых приведены сводные правила практической транскрипции с основных европейских языков.

Переводчикам с европейских языков па русский нередко приходится иметь дело с именами из восточных языков, воспроизведёнными на латинице, особенно с китайскими, японскими и корейскими ИС. Здесь существует опасность того, что такое ИС будет передано по правилам транскрипции с английского языка, а не с оригинального восточного. Например, в сообщениях на спортивную тематику, где перечисляются имена спортсменов из разных стран, переводчик или журналист, бывает, не задумываясь передаёт китайские имена следующим образом: Lin Tang — Лин Танг, Chen Jian — Чен Джиан и т.п., тогда как правильные варианты: *Линь Тан, Чжэнь Цзянь*.

К сожалению, в русском языке уже широко распространились неправильные с точки зрения правил транскрипции с восточных языков варианты названия японских и корейских корпораций: Toshiba - *Тошиба* (правильно *Тосиба*), Hitachi — *Хитачи* (правильно *Хитати*), Samsung — *Самсунг* (правильно *Самсон*) и др.⁵ К сожалению, эти лингвистически некорректные названия уже приняты и самими этими компаниями на российском рынке, поэтому в ряде случаев приходится считать их уже устоявшимися «традиционными» соответствиями и использовать в дальнейшем.

Однако из сказанного не следует, что закрепившиеся в употреблении ошибочные варианты транскрипции можно считать за образец. Напротив, задача переводчика — противостоять этой неграмотной тенденции и использовать ту стройную систему практической транскрипции с восточных языков на русский, которую давно разработала отечественная ориенталистика. Чтобы помочь переводчикам избежать ошибок, в приложении 5.5 приводится таблица слоговых соответствий для японских имён собственных на латинице и кириллице, в приложении 5.6 — такая же таблица для слогов китайского языка, а в приложении 5.7 — список соответствий для некоторых наиболее известных китайских ИС, в том числе передаваемых традиционно.

⁵ Добавим к этому также неверную транскрипцию товарного знака «Фуджиколор» (правильнее — «*Фудзиколор*») и названия кушанья — суши (правильно — *суси*).

2.4. Принцип этимологического соответствия (транспозиция)

Кроме транскрипции и транслитерации, в практике заимствования и передачи имён наблюдается ещё один довольно слабо изученный принцип — принцип этимологического соответствия, или **транспозиции**. Транспозиция заключается в том, что ИС в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга. В одних случаях транспозиция применяется регулярно, в других — эпизодически.

Поясним это на примере трёх близкородственных славянских языков, пользующихся кириллицей. В отличие, например, от западноевропейских языков, где практикуется транслитерация, одно и то же имя или название имеет разное произношение и написание в русском, украинском и белорусском языках. Такая транспозиция последовательно проводилась, например, ещё в паспортной системе СССР.

Как известно, в национальных республиках Советского Союза титульная страница паспорта дублировалась на двух языках — русском (как официальном языке Советского Союза) и официальном языке союзной республики. При сравнении записей на двух страницах паспорта можно было видеть, что, например, фамилия *Ермолова* по-белорусски пишется *Ярмолава*, имя *Валентина* — как *Валянцина*, русские имена *Николай*, *Михаил*, *Алексей*, *Павел* по-украински имеют вид *Мікола*, *Міхайло*, *Олексій*, *Павло* и т.д.

При передаче таких имён на английский язык украинский и белорусский варианты таких ИС не принимались во внимание, так как официальным языком всего Советского Союза являлся русский, и варианты на латинице строились по принципам практической транскрипции с русского языка.

Однако после распада СССР бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами, и русский язык утратил в них прежний статус. Поэтому начиная с 90-х годов изменилось и написание на латинице многих ИС, относящихся к бывшим республикам СССР и их гражданам. Название столицы Украины теперь всё чаще передаётся на английский язык не *Kiev*, как

раньше, а Kiyiv⁶; Харьков — не Kharkov, а Kharkiv; Львов — не Lvov, а Lviv; имена граждан Украины транскрибируются как Mykola, Andriy, Mykhailo, Olexiy, Vasyl, Olexandr, а белорусские имена — как Tatsiana, Uladzimir, Valyantsina; фамилия Гончарук — как Hancharuk (щелевое белорусское *г* транскрибируется буквой *h*), Быкова — как Вукава и т.п. В других бывших республиках СССР также государственными стали национальные языки, и изменилась транскрипция ИС на латинице. Например, *Казахстан* теперь транскрибируется по-английски как Kazakstan (ранее было Kazakhstan), *Ашхабад* как Ashgabat.

Принцип транспозиции используется и в русско-английских соответствиях, однако уже в особых случаях, и касается он прежде всего исторических и библейских имён, а также имён монархов, о чём см. также § 3.1.7.

2.5. Принцип благозвучия

Транскрипция иноязычных имён часто приводит к появлению не свойственных русскому языку звуко- и буквосочетаний (например, *йо, уэ, жю, иэ, ця*): это часто делает их трудночитаемыми. Вот почему при передаче имён возможны некоторые **отступления от общих правил транскрипции**, нацеленные на более удобное произнесение имени в принимающем языке, особенно если этого требует характер переводимого текста.

Так, имя известного персонажа немецкой литературы Münchhausen по общим правилам практической транскрипции передаётся на русский язык как *Мюнхгаузен*. Однако К. Чуковский в своём пересказе романа Э. Распэ о приключениях барона, предназначенном для детей, учёл труднопроизносимость сочетания *-хз-* и остановился на более благозвучном варианте — *Мюнхаузен*.

Кроме того, возможны звуко сочетания, вызывающие в принимающем языке **нежелательные ассоциации с лексикой сниженного регистра**, включая вульгаризмы и бранные слова. В этом случае предпочтительнее оказываются варианты, отступающие от фонетического принципа или регулярных правил транскрипции. Это

⁶ Впрочем, традиционный вариант передачи — Kiev тоже сохраняется; его поддерживает, в частности, закрепившееся в английском языке название блюда *котлеты по-киевски* — chicken Kiev.

касается, например, передачи начального слога **her-** в английских и немецких именах Herbert, Hermann, Hermione и т.п. В русском языке давно сложилась традиция транскрибировать их, не используя букву *х*, чтобы не создавать неприятных звуко сочетаний. Вместо неё употребляется буква *г*: *Герберт*, *Герман*, *Гермиона* и т.п.

В отношении американского газетного магната по имени Hearst в русскоязычной традиции сложилось иное решение: буква *h* передаётся как *х*, я не как *г*, но звук [з:], обозначаемый буквосочетанием **ear**, по-русски передаётся не обычным соответствием *ер*, а сочетанием *эр* — *Хэрст*.

Можно привести также в пример и имя персонажа шекспировской пьесы «Зимняя сказка» Perdita. Это произведение переводили разные переводчики, и в некоторых переводах (например, в переводе П.П. Гнедича, опубликованном в 1904 г.) это имя транскрибируется как *Пердита*. Однако очевидно, что такой вариант может вызвать неприятные ассоциации у русского читателя и тем более слушателя, так как пьеса должна играть в театре и важно, насколько благозвучно её текст будет восприниматься на слух при произнесении актерами. В комментариях знаменитого шекспироведа М.М. Морозова к «Зимней сказке» в этом переводе особо отмечается, что имя *Пердита* следует произносить с ударением на первом слоге. Однако при любой постановке ударения этот вариант имени всё равно не отличается благозвучностью по-русски.

Просто модифицировать форму имени было бы неудачным решением, поскольку у Шекспира оно несёт ещё и смысловую нагрузку, будучи образовано от латинского причастия со значением «потерянная»; в тексте пьесы поясняется, что её бросили ребёнком в лесу и назвали так по требованию матери. Поэтому весьма удачным представляется решение выдающегося переводчика В.В. Левика, назвавшего этот персонаж именем *Упрата*.

О благозвучии переводчики заботятся и при передаче ИС с русского на иностранные языки. Так, в 70-х годах XX века в состав правящего в Советском Союзе Политбюро ЦК КПСС входил деятель по фамилии *Шутиков*. На английский язык советские информационные агентства передавали эту фамилию не как *Shitikov*, а как *Chitikov*, чтобы избежать ассоциации с английским вульгаризмом.

Принцип благозвучия учтён и в правилах практической транскрипции китайских имён, которые приходится передавать при переводе с языков, пользующихся латиницей, на русский язык (см. приложение 5.6; например, слог *hui* передаётся по-русски соответствиями *хуй* или *хой*).

2.6. Сохранение тождества имени

ИС обладают вариативностью, то есть один и тот же предмет часто возможно называть несколькими разными способами, видоизменяя его имя. У антропонимов это проявляется в образовании уменьшительных и сокращённых форм (например, от личных имён), а также фамилий членов одной семьи с различным морфологическим оформлением. Схемы вариативности личных имён обнаруживают существенные различия в разных языках. В английском языке усечённые и уменьшительные формы всё больше обнаруживают тенденцию к изоляции от полных форм и других уменьшительных вариантов. Выбор того или иного варианта диктуется не ситуацией, а определённым предпочтением носителя имени.

В русском языке, напротив, существует обилие уменьшительных и оценочных форм, которыми человека именуют в зависимости от обстановки общения, отношения говорящего, степени знакомства и т.д.

Как бы ни варьировалось имя, говорящие знают, что оно указывает на одного и того же носителя, то есть в этой главной для ИС функции — функции указания на определённое лицо — разные варианты имени тождественны друг другу. Однако связь между вариантами имени далеко не всегда сохраняется при заимствовании имени или его передаче на другом языке. Например, русский читатель может не сразу понять, что *Эйб Линкольн* — это тот же человек, что и известный ему Авраам Линкольн, *Мейми и Пегги* — это варианты имени Маргарет, а Рид — имени *Резерфорд*.

При передаче на другой язык у читателей нередко возникают трудности с идентификацией вариантов одного и того же имени. Получается, что принцип транскрипции идёт в этих случаях вразрез с сохранением тождества ИС. Мы ещё вернёмся к этому вопросу в разделе, посвящённом антропонимам (см. § 3.1.3).

2.7. Адаптация имени к грамматической системе принимающего языка

Звуковой облик слова ИС тесно связан с его грамматической категоризацией. В русском языке заимствованному имени или названию обязательно присваивается значение **грамматического рода**, которое диктуется нормами русского языка, а не исходно-

го. Так, названия французских рек Oise, Orne, Creuse, Aude, городов Cannes, Lille, областей Provence, Touraine во французском языке — женского рода, а их русские соответствия — *Уаз, Орн, Крез, Од, Канн, Лилль, Прованс, Турен* — мужского рода, как и большинство русских существительных, оканчивающихся на согласный. Многие ИС с окончанием на *-a* функционируют в русском языке как существительные 1-го склонения: *Анкара, Алма-Ата, Бужумбура*, хотя в исходных языках *-a* принадлежит неизменяемой основе.

Немало разночтений наблюдается в передаче имён и фамилий на *-a* и *-я*, заимствуемых из грузинского, японского и других языков. Осмысление окончаний *-a* и *-я* как флексий и вытекающее отсюда склонение таких имён собственных (например: *Окуджавы* (род. п.), *Куросаве* (дат. п.), *Данелией* (тв. п.)) вызывает возражения со стороны тех, кто считает такое морфологическое членение неправильным и настаивает на неизменяемости таких имён («беседовал с Гулия»).

Серьёзные проблемы возникают и при заимствовании в русский язык фамилий из близкородственных языков, где эти ИС также обладают родовой и падежной парадигмой. Подробнее этот вопрос рассматривается в главе, посвященной антропонимам (см. §3.1.9).

2.8. Способность имени к словообразованию

Попав в новую языковую среду, имя собственное должно обрести **способность образовывать производные слова**. Эта способность во многом зависит от того, насколько органично войдёт в принимающий язык заимствованный вариант собственного имени.

Например, если от фамилии художника-сюрреалиста *Дали* (Dali) в английском языке образуется прилагательное *Daliesque* («такой, как в произведениях Дали», «в духе Дали»), то в русском языке аналогичное прилагательное произвести затруднительно.

От названий стран должны, как правило, образовываться названия их жителей. Чтобы это сделать применительно к названиям *Шри-Ланка* или *Буркина-Фасо*, приходится отбрасывать одну из двух частей этих сложных названий. Согласно газетам, их население именуется по-русски *ланкийцами* и *буркинийцами* соответственно.

Нередко форма производного слова оказывает влияние и на форму исходного варианта передачи имени. От имени исследова-

теля Африки *Ливингстон* образуется прилагательное *ливингстоновский*. Ударение в этом прилагательном падает на слог -стон- (сказать *ливингстоновский* по-русски было бы затруднительно), что поддерживает такое же ударение и в исходном имени.

Вот почему некоторые рекомендации лингвистов — сторонников копирования исходной формы — не получают поддержки в языковой практике. «Неправильный», полностью транслитерационный вариант ИС *Волластон* (англ. Wollaston ['wuləstən]) подкрепляется тем не менее названием минерала *волластонит*.

Иными словами, заимствования испытывают на себе серьёзное воздействие внутренних закономерностей языка перевода.

2.9. Учёт исторической традиции

Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Имена и названия давно заимствуются из одного языка в другой, претерпевая самые разнообразные искажения или меняя свой облик в ходе развития и трансформации языков. При сопоставлении многих ИС, которые обозначают одни и те же предметы в разных языках, часто заметно, как они непохожи.

Словесный знак (и в том числе индивидуальное имя) по природе своей произволен. Более того, одному и тому же предмету можно присвоить несколько разных имён. Каждый язык и даже небольшое сообщество людей может в принципе дать объекту то наименование, какое захотят его носители. *Suomi* по-русски *Финляндия*, *Китай* по-английски *China*, западногерманская область *Pfalz* (*Пфальц*) по-французски — *Palatinat*, *Чудское озеро* по-французски *lac Peïrou*, *Карл Великий* — по-английски и по-французски *Charlemagne*.

Даже в пределах одной страны могут сосуществовать разные варианты одних и тех же названий. Например, в Швейцарии, где официальными являются четыре языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский), сосуществуют дублиеты названий ряда городов: *Базель* — *Basel* и *Bâl*, *Сьер* — *Sierre* и *Siders* и др.

Языковая практика от этого не страдает, но у тех, кто не принадлежит к соответствующей коммуникативной сфере, могут возникнуть трудности при соотнесении имён с их носителями. С подобными трудностями сталкиваются и переводчики.

Многие ИС пришли в русский язык давно и не всегда из первоисточника. Это особенно касается исторических, религиозных, фольклорно-мифологических и литературных имён и названий. Не все из них читаются и пишутся так, как предполагают современные нормы и рекомендации в области практической транскрипции.

Примеров на эту тему можно было бы привести сколько угодно, но в этой главе ограничимся лишь одним. В романе английского писателя XVIII века С. Ричардсона «Кларисса» имеется персонаж по имени Lovelace. В соответствии с современными принципами практической транскрипции это имя следовало бы передать по-русски как *Лавлейс*, однако в старых русских переводах оно передавалось как *Ловлас* или *Ловелас*. Первый из этих вариантов упоминается в тексте романа А. Пушкина «Евгений Онегин», а второй стал настолько широко известен в русском языке, что превратился в нарицательное русское слово, которое и до сих пор сохраняется в нашем лексиконе. Принцип исторической традиции требует и от современных переводчиков ориентироваться на этот вариант, что, впрочем, необходимо лишь тогда, когда речь идёт именно об этом персонаже. Если же речь идёт о каком-то ином человеке и не проводится никаких аналогий с героем Ричардсона, то в этом случае принцип исторической традиции не актуален, и следует исходить из общих правил практической транскрипции.

2.10. Учёт характеризующих компонентов значения имени

Как уже указывалось в § 1.2 о значении собственных имён, **имя собственное фиксирует ещё** и некоторые **характеристики объекта** — как классифицирующие, так и во многих случаях индивидуальные. Во фразе "I dreamed of becoming Clarence Darrow" речь идёт не столько о конкретном человеке (известном американском адвокате, прославившемся блистательными судебными речами), сколько о характеристике его деятельности. Но степень известности данного имени настолько различна в английском и русском языках, что передача формальной стороны ИС («*Я мечтал стать Кларенсом Дэрроу*») недостаточна для адекватного понимания этой фразы на русском языке.

Другой тип характеризующих элементов в значении ИС может быть связан с его **производностью от нарицательных слов**. Тогда переводчик встает перед дилеммой: чему отдать предпочтение — передаче формы всего имени или смысла составляющих его эле-

ментов. Так, например, название кабачка Ring o' Bells можно перевести либо как «*Ринг оф беллз*» либо как «*Колокольный звон*», «*Колокольчики-бубенчики*»; название организации Greenpeace принято передавать как *Гринпис*, но не исключено, что на создание более позитивного имиджа работал бы вариант типа «*Зеленый мир*»; в передаче названия Bank of New York наблюдаются колебания: встречаются и вариант «*Банк Нью-Йорка*», и «*Бэнк оф Нью-Йорк*».

Выбор, который здесь приходится делать, есть выбор между фонетической передачей и дословным переводом. Как внешняя форма (уникальный звуковой и графический облик), так и смысл элементов ИС могут быть в равной мере важны, и тогда перед переводчиком стоит нелёгкая задача по поиску дополнительных аргументов в пользу того или иного варианта передачи.

2.11. Учёт конкретной прагматической задачи

Практические решения по передаче ИС в огромной степени зависят и от конкретной задачи, которая стоит перед участниками межъязыкового взаимодействия. Ясно, что различные задачи будут стоять перед художественными переводчиками и картографами, авторами субтитров на иностранных фильмах и телеграфистами, спортивными журналистами и отделами регистрации иностранных граждан.

Например, выдавая иностранцу визу для въезда в свою страну, консульские органы заинтересованы в точной юридической идентификации этого человека. Те, кто видел визы иностранцев, въезжающих в Российскую Федерацию, знают, что там их фамилии транслитерируются так, чтобы можно было с высокой точностью восстановить их орфографию на латинице.

Серьёзные картографические издательства англоязычных стран стараются приводить на картах иностранные топонимы не так, как они оформились в английском языке, а в той форме, как они пишутся на языке оригинала. Например, название Варшавы на такой карте будет воспроизведено как Warszawa, а не как Warsaw, название Вены — как Wien, а не как Vienna.

С другой стороны, в переводе публицистических, художественных (особенно детских) произведений на первом месте стоит не юридическая точность, а удобство восприятия и произношения, поэтому если в финансовой газете предпочтительнее передать

название First National Bank как «*Фёрст нэшнл бэнк*», то в переводе рассказа для чтения следует выбрать вариант «*Первый национальный банк*».

2.12. Выводы и общие рекомендации переводчику

В предыдущих главах этой части книги мы стремились показать, что явление заимствования находится под влиянием самых разных, подчас противоречивых факторов, что объясняется взаимодействием структурно различных языковых систем. При передаче ИС на другом языке следует руководствоваться целым рядом принципов, но эти принципы не могут быть соблюдены все сразу и в равной мере.

Поэтому переводчику следует в каждом конкретном случае выстраивать систему приоритетов. Попытаемся примерно изложить рекомендуемую стратегию передачи ИС при переводе с английского языка на русский. Итак, для принятия корректного решения о передаче ИС, которое вам прежде не встречалось, рекомендуется:

1. Убедиться, что вы имеете дело с именем собственным, то есть названием индивидуального предмета

В английском языке для указания на ИС применяется заглавная буква, однако с заглавной буквы пишутся и другие слова, помимо ИС: например, названия национальностей, научные названия видов растений и животных, а также нарицательные слова, которым в тексте придаётся особое значение или обобщённый смысл.

В истории перевода было немало случаев, когда за ИС принимали нарицательное слово, и наоборот. Так, при переводе на многие языки библейского выражения, которое по-английски получило соответствие the Lord of Sabaoth, было принято за ИС древнееврейское слово sebaoth, множественное число от saba — «воинство, армия». Отсюда и в русском языке возникло ложное имя собственное — *Саваоф*, которое стало восприниматься как имя Бога-творца. Впрочем, ошибка была исправлена в современных переводах Библии, и это словосочетание существует в более корректных вариантах — Lord of hosts, *Господь воинств (небесных)*.

2. Определить, к какому классу предметов (денотату) относится ИС

Когда установлена категория имени или названия (антропоним, топоним, название корабля, организации и т.п.), возможно учесть дополнительные особенности его понятийного значения,

влияющие на выбор варианта передачи и на перевод контекста. Например, ИС Uranus может являться именем античного божества, названием планеты, а также и названием клуба или какой-либо организации. В первом и втором случае необходимо использовать традиционный эквивалент *Уран*, который в русском языке будет являться соответственно одушевлённым или неодушевлённым существительным; если же это — название организации, то скорее всего предпочтительнее будет вариант транскрипционной передачи, например «*Юрейнус*».

3. Определить национально-языковую принадлежность ИС

Это позволяет выбрать правильную систему ориентиров при транскрипции или выборе традиционного варианта передачи ИС. Например, встретив в английском тексте имя *Hugo*, необходимо иметь в виду, что оно может быть как английским — и тогда его следует передавать как *Хьюго*, так и французским. В этом последнем случае необходимо руководствоваться правилами транскрипции с французского языка, и современный носитель такого имени будет, очевидно, именоваться по-русски *Юго*. Но на этом анализ имени не будет исчерпан — необходим следующий шаг:

4. Проверить, не имеет ли ИС традиционных соответствий

Это особенно важно, если в тексте упоминаются какие-то исторические события. История с древнейших времен вплоть до конца XX века уже описана и проанализирована, и в соответствующей литературе обычно уже закрепились традиционные соответствия для исторических ИС. Например, продолжая пример с ИС *Hugo*, может оказаться, что в тексте идёт речь об известном французском писателе XIX века, и тогда необходимо использовать устоявшийся вариант передачи этого имени — *Гюго*.

Некоторые из традиционных соответствий могут даже быть ошибочными с точки зрения современной лингвистики, но их всё равно используют, чтобы не вступать в противоречие с существующим массивом исторических, энциклопедических и литературных источников, а также чтобы поддержать тождество имени собственного в языке перевода.

Всё сказанное относится также к ИС из области религии, мифологии, фольклора, художественных произведений.

Конечно, и в справочной литературе существуют разные варианты передачи, возможны и лакуны, то есть отсутствие устоявшихся соответствий.

В любом случае переводчику необходимо глубоко проанализировать ситуацию и только после этого принимать одно из следующих решений:

- а) следовать традиции, а при наличии нескольких традиционных соответствий — обоснованно выбрать одно из них;
- б) нарушить традицию и дать новый вариант с учётом каких-либо новых обстоятельств или на основе каких-то весомых причин.

Приведём следующий пример, показывающий, как важно разобраться в деталях, о которых было сказано выше. У Бертольта Брехта есть пьеса, которая называется *Der gute Mensch von Sezuan* (по-английски — *The Good Person of Setzuan*). Действие в этой пьесе-притче условно происходит в Китае. В название пьесы включён реально существующий китайский город, правильная транскрипция названия которого по-русски — *Сычуань*. Один из русских переводчиков пьесы не учёл этот факт и применил нехитрую транслитерацию ИС, назвав произведение «Добрый человек из *Сезуана*». Именно этот перевод пьесы был поставлен режиссёром Ю. Любимовым в Московском театре драмы и комедии на Таганке в 60-е годы XX века. Спектакль имел огромный успех и фактически стал визитной карточкой театра.

Таким образом, название с ошибочной передачей ИС устоялось и приобрело статус традиционного эквивалента. Однако во второй половине 90-х годов была осуществлена новая постановка пьесы другим режиссёром и в другом театре. В этот раз был использован иной перевод пьесы с корректной передачей китайского названия — «Добрый человек из *Сычуани*». Постановка тоже имела успех и стала, в частности, предметом обсуждения на одной из международных конференций деятелей театра в Москве, которая сопровождалась синхронным переводом. Переводчики, таким образом, оказались в сложном положении. Не все они были в курсе новых обстоятельств, и те из них, кто ориентировался на традиционный перевод названия пьесы («Добрый человек из *Сезуана*»), совершили ошибку, так как речь шла о другой постановке.

5. Принять переводческое решение с учётом всех компонентов формы и содержания ИС, характера перевода и целевой аудитории

Предыдущие этапы работы требуют от переводчика обращения к словарям и справочным источникам. Если же переводчик приходит к выводу, что готового решения в этих источниках нет, то следует не только стремиться к тому, чтобы передать адекватно важнейшие компоненты формы и содержания, но и уделить

особое внимание следующим моментам: а) удобство произношения и благозвучность полученного соответствия; б) возможность склонения этого эквивалента, употребления его во фразе, образования производных слов; в) сохранение тождества имени; г) пригодность итогового варианта для практических нужд целевой аудитории, если таковая имеется в виду.

2.13. Виды соответствий

Как мы убедились, для эквивалентного перевода текста, содержащего имя собственное, бывает недостаточно механической передачи по-русски его фонографической оболочки. Проанализировав смысловые и культурно-прагматические аспекты такого текста, переводчик должен сделать выбор в пользу варианта соответствия, оптимального для каждого случая. Резюмируем различные виды соответствий и приёмы перевода таких текстов, выработанные переводческой практикой.

- 1. Прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода.** О принципах, лежащих в основе этого приёма, подробно говорилось в § 2.1. Речь идёт, в частности, о включении ИС в латинской графике в русский текст. В настоящее время это широко практикуется в отношении названий компаний, прежде всего в деловых и газетных текстах.
- 2. Ономастическое соответствие,** то есть соответствие, воссоздающее фонографическую оболочку слова с той или иной степенью близости к оригиналу. Сюда относятся различные варианты транскрипционных, транслитерационных и традиционных соответствий. Пример:

The death of *Brown* is more than *Cain* killing *Abet*, it is *Washington* slaying *Spartacus*.
(V. Hugo)

Смерть *Брауна* более ужасна, чем убийство *Авеля Каином*, это убийство *Спартак* *Вашингтоном*.
(Пер. Д.Е.)

- 3. Комментирующий перевод,** то есть использование ономастического соответствия, дополненного комментарием в примечании или приложении. Пример:

You take Sir *Laurence Olivier*, for example... I just don't see what's so marvelous about Sir *Laurence Olivier*, that's all.

Возьмите, например, сэра *Лоуренса Оливье**... Не понимаю, что особенного в этом *Лоуренсе Оливье*.

(D. Salinger)

* Знаменитый английский актёр, снимавшийся во многих фильмах.

(Пер. Р. Райт-Ковалёвой)

4. **Уточняющий перевод**, то есть ономастическое соответствие, дополненное одним или несколькими поясняющими словами непосредственно в тексте:

The moon made a pathway on the broad river for the light feet of <i>Siva's</i> bride.	По речной глади месяц раз- зостлал светлую дорожку для легконогой возлюбленной бо- га <i>Шивы</i> ...
(S. Maugham)	(Пер. Н. Галь)

5. **Описательный перевод**, то есть передача значения имени собственного нарицательным словом или словосочетанием:

Jimmy. As for Nigel and Alison — (In a reverent, <i>Stuart</i> <i>Hibberd</i> voice).	Джимми. Зато Найджел и Элисон... (подражая подку- пающему голосу <i>радиодик- тора</i>).
(J. Osborne)	(Пер. Д. Урнова)

6. **Преобразующий перевод**, то есть использование в качестве соответствия имени собственного, отличного от исходного. Обычно такой приём уместен для передачи ИС, обладающих яркими коннотациями в оригинале, но малоизвестных на языке перевода, особенно если переводчик считает, что комментирующий, уточняющий или описательный перевод неоправданно усложнят восприятие текста. Например, в переводе драматических произведений невозможно использовать примечания или комментарии, а описательный перевод может резко ослабить экспрессивность текста:

Cliff. I get mixed with all your women. Was she the one all those years older than you?	Клифф. Я всегда путаю твоих женщин. Это та, что го- дилась тебе в матери?
Jimmy. Ten years.	Джимми. Она была стар- ше только на десять лет.
Cliff. Proper little <i>March-</i> <i>banks</i> you are!	Клифф. Да ты у нас про- сто <i>Дон-Жиан</i> !
(J. Osborne)	(Пер. Д. Урнова)

Выше были изложены лишь самые общие особенности ИС, главные принципы их передачи и элементы стратегии переводчика. Более детальный анализ этих вопросов возможен лишь на материале конкретных категорий ИС, чему и посвящены следующие главы.

ГЛАВА 3. Персоналии

Термином «персоналии» будем обозначать словесные знаки, которые служат для индивидуализирующей номинации людей.

Персоналии можно подразделить на три большие подгруппы: **антропонимы** (имена, которые присваиваются людям официально, и их варианты); именованя **прозвищного типа** (альтернативные именованя людей, образованные из нарицательных слов) и именованя **смешанного типа** (именованя людей, включающие как элемент их официального имени, так и нарицательный элемент) (см. схему).

АНГЛИЙСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ

	множественные	единичные
Собственные (антропонимы)	1. John, Mary, Williams, Jackson 2. Paddy — ирландец Bobby — полицейский Jane — девчонка	1. Plato, Einstein, Shakespeare, Caruso 2. Rothschild — ротшильд (богач) Solomon — царь Соломон (мудрец) quisling — предатель
Прозвищного типа	Skinny - худой Rusty — рыжий Chips — столяр	the Ayrshire poet - Эйрширский поэт (Р.Бернс) the Father of History — Отец истории (Геродот) the Iron Chancellor — Железный канцлер (Бисмарк)
Смешанного типа	1. Tiny Tim — коротышка Holy Joe — святоша 2. Dennis the Menace, Dusty Miller	Bloody Mary — Мария Тюдор the Divine Sarah — Сара Бернар

Рассмотрим эти категории подробнее.

3.1. Антропонимы

3.1.1. Общие свойства антропонимов

Антропоним — это имя собственное (или набор имён, включая все возможные варианты), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак.

Антропоним называет, но не приписывает никаких свойств. «Неоценимое прагматическое удобство собственных имён как раз в том и состоит, что они дают возможность публично говорить о ком-либо, не договариваясь предварительно, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта», — писал Дж. Сирль⁷.

Строго говоря, антропонимы всё же не являются лишь ярлыками, не приписывающими референту абсолютно никаких свойств и не сообщающими о нём никакой информации. Но это информация несколько другого рода, чем те признаки, из которых складывается значение имён нарицательных. Антропонимы обладают понятийным значением, в основе которого лежит представление о категории, классе объектов. Этому значению присущи, как правило, следующие признаки:

- а) указание на то, что носитель антропонима — человек: Peter, Lewis в отличие от London, Thames;
- б) указание на принадлежность к национально-языковой общности: Robin, Henry, William в отличие от René, Henri, Wilhelm;
- в) указание на пол человека: John, Henry в отличие от Mary, Elizabeth.

В значении английских личных имён присутствуют (в большинстве случаев) все три признака, в значении фамилий — только первый и второй признаки. Поскольку набор возможных признаков очень ограничен, получается, что на общезыковом уровне многие антропонимы обладают одинаковым обобщённо-предметным значением. Действительно, имя John обладает тем же набором признаков денотата, что и William, Jack и др.; фамилия Brown — тем же набором признаков, что James, Smith и т.п. Поэтому в качестве дифференцирующих эти признаки выступают не столько для отдельных имён, сколько для обширных групп антропонимов.

⁷ Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977, с. 191.

Закономерно поэтому, что при общности языковых компонентов значения у антропонимов особо важную роль играет различительная функция формы. Когда мы впервые слышим в речи или встречаем в тексте антропоним, то он всего лишь указывает на какой-то широкий круг людей (например, имя Jim сообщает, что речь идёт о мужчине, предположительно представителе англоязычной этнической общности) и только частично индивидуализирует референта, отграничивая его от носителей других имён, но не от обладателей того же самого имени (потому что мужчин по имени Jim много).

Однако в речевой практике антропоним постепенно обретает способность к более точной идентификации человека. Это происходит тогда, когда определённый круг лиц связывает знание ряда известных им признаков данного человека с его именем. Правда, вне этого круга лиц эти признаки могут быть неизвестны. Такой круг людей, характеризуемый социальной или территориальной общностью любого рода (например, семья, круг знакомых, профессиональный коллектив, население какой-либо местности и т.д.), и является той коммуникативной сферой, или сферой общения, в которой реализуется индивидуализация человека.

3.1.2. Единичные и множественные антропонимы

Ясно, что каждый человек не может иметь уникальное, только ему одному присущее имя. Как личные имена, так и фамилии, взятые сами по себе, имеют множество носителей. Вне конкретной ситуации или сферы общения имена John, Elizabeth, Thomas и т.п. не указывают на какого-либо конкретного человека. Такие имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком, будем называть **множественными антропонимами**.

Другие антропонимы также принадлежат множеству людей, но с кем-то одним связаны прежде всего. Это имена людей, получивших широкую известность (Plato, Shakespeare, Darwin, Einstein и т.п.). Такие ИС будем называть **единичными антропонимами**⁸. (Это не мешает наличию омонимичных множественных антропо-

⁸ В.П.Берков предложил разграничивать указанные группы соответственно как общие и единичные ИС [Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (Словник). Л., 1973, с. 107]. Термин «общие ИС», однако, представляется не совсем удачным, так как может навести на мысль, что это нечто более общее, абстрактное, чем единичные имена. Принцип же разграничения этих двух типов антропонимов в другом: в отсутствии или наличии объекта, на который антропоним указывает в первую очередь.

нимов). Например, имя собственное Churchill, употреблённое в тексте без пояснений, будет скорее всего понято как фамилия британского премьера 40–50-х годов (Churchill was a heavy smoker). Лишь когда контекст или речевая ситуация противоречит такому пониманию, имя будет воспринято как множественное: Churchill, my next-door neighbor, has just come from Africa.

Таким образом, множественные антропонимы характеризуются тем, что коммуникативная сфера, в которой они однозначно определяют одного референта, ограничена. Поэтому при введении их в более широкую сферу общения им обязательно должен сопутствовать уточняющий контекст, например:

I heard somebody coming through the shower curtains. Even without looking up, I knew right away who it was. It was **Robert Ackley**, *this guy that roomed next to me...* Not even **Herb Gale**, *his own roommate*, ever called him "Bob" or even "Ack".

(J. Salinger)

Единичные же антропонимы, напротив, не требуют такого уточняющего контекста, поскольку их коммуникативная сфера — весь языковой коллектив. Это демонстрируют, в частности, те случаи, когда антропоним вводится в текст без каких бы то ни было пояснений и когда на основании самого текста невозможно установить, кому принадлежит данное имя. Например:

To the characteristic romanticism of the Victorian mind the sea represents something mysterious, boundless, reaching out wider and wider into eternal truths and eternal progress. *Charlotte Bronte*, seeing the sea for the first time, was "quite overpowered so that she could not speak", and *Hazzitt's* reaction was no less awestruck at the "strange ponderous riddle, that we can neither penetrate nor grasp in our comprehension".

(International Herald Tribune)

В статье, откуда взят приведенный отрывок, нигде не уточняется, что Charlotte Bronte (1816-1855) и Hazlitt (1778-1830) — видные английские писатели. Предполагается, что они достаточно хорошо известны читателям. Фактор экстралингвистический — широкая известность человека в обществе — находит лингвистическое выражение в том, что единичные антропонимы не нуждаются в сопровождающем контексте уточняющего характера, а их референты не зависят от узкой коммуникативной сферы.

Отсюда следует, что известная информация о носителе имени входит в значение единичного антропонима как единицы языка. Для переводчика немаловажно знать, каков объём этой информации и можно ли её приравнять к энциклопедическим сведениям о человеке, которому имя принадлежит.

Как уже указывалось, существует мнение, согласно которому единичные ИС обладают «бесконечно богатым» содержанием и в их значение включается вся энциклопедическая информация об объекте. Справедливо возражая против этой точки зрения, А.В. Суперанская отмечает: «Говоря о бесконечно богатом содержании имени *Сервантес*, мы подменяем языковой анализ этого имени биографическими сведениями об авторе "Дон Кихота", забывая, что именем *Сервантес* могли зваться и другие люди, подобно тому, как и людей по фамилии *Черчилль* много»⁹.

И всё-таки автор «Дон Кихота» занимает особое положение среди всех лиц по фамилии *Сервантес*. Эта фамилия действительно принадлежит многим людям, но дополнительная информация о том, что один из этих людей — великий писатель и автор известного романа, по-видимому, заklючена в этом имени не только для целого языкового коллектива, но даже и для многих языковых коллективов. В связи с этим, когда речь идёт именно об этом человеке, имя *Сервантес* не нуждается в дополнительных пояснениях. Минимальное представление о том, что *Сервантес* — «знаменитый писатель, автор романа "Дон Кихот"», прочно входит в характеризующий компонент значения этого имени.

Конечно, далеко не каждый член языкового коллектива обладает всей полнотой сведений о конкретном лице, поэтому значение единичного антропонима в языке есть известная абстракция, соответствующая среднему уровню знаний о носителе имени. Басни Эзопа, труды Альберта Эйнштейна или биографию Линкольна читали, разумеется, не все, однако все (или почти все) владеют известной суммой сведений об этих людях, почерпнув эти сведения от других лиц, из книг, периодики, радио- и телепередач. Такая усреднённая сумма информации устойчиво соотносится с единичным именем. Эту сумму сведений, этот общеизвестный минимум информации о носителе антропонима и можно, по-видимому, считать значением единичных антропонимов в первичной номинации.

Так, значение ИС *Гомер* практически полностью исчерпывается следующим определением; древнегреческий поэт, автор эпосов «Илиада» и «Одиссея». Во-первых, это та сумма сведений, которая

⁹ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 83.

ассоциируется с этим именем в сознании большинства носителей языка, а во-вторых, это почти всё, что известно об этом человеке исторической и литературоведческой науке. Вот почему так комично звучит шутивная сентенция: «Установлено, что "Илиаду" написал вовсе не Гомер, а другой грек того же имени».

Статус первичного номинативного значения в межкультурной коммуникации бывает разным для разных антропонимов. Известность многих людей вышла за рамки их страны и языковой общности, соответственно их имена являются единичными антропонимами и в других языках. С другой стороны, слава других деятелей, широко известных в своих странах, не выходит на международный уровень. Если антропонимы *Эйнштейн*, *Эзон*, *Ньютон*, *Линкольн* являются единичными как в английском, так и в русском языке, то имена *Уильяма Хэзлитта* или *Уиллы Кэсер* не имеют такого статуса в русском языке.

Если переводчик сделает подобный вывод в отношении переводимого им текста и той аудитории, на которую рассчитан перевод, у него есть основания применить уточняющие, описательные или преобразующие соответствия, о которых говорилось в § 2.13. Кроме того, анализ контекста может показать, что единичное ИС реализует своё значение в переносной номинации. На этом мы остановимся ниже, в § 3.1.6.

3.1.3. Личные имена и их уменьшительные варианты

К антропонимам относятся все виды личных и фамильных имён. В разных странах набор имён, из которых составляется официальное именование человека, неодинаков. В англоязычных странах система имён проста: у каждого есть личное имя (first name, given name¹⁰) и фамилия (last name, family name, surname); но нередки также двойные личные имена, двойные фамилии, так называемое среднее имя.

Напротив, русские отчества не имеют аналогов в европейских языках. При транскрипции русских обращений по имени-отчеству на английский язык отчества нередко воспринимаются как фамилии.

Однако при всех различиях сложилось так, что у каждого человека в любой стране есть личное имя и фамилия.

¹⁰ От распространенного ранее термина Christian name как обозначения понятия *личное имя* в англоязычных странах в настоящее время отказались, поскольку в последние десятилетия там резко увеличился процент нехристианского населения.

Личное имя даётся человеку при рождении и, как правило, не меняется на протяжении всей его жизни. Особенностью личных имён является то, что они обладают большой способностью к образованию вариантов, или **дериватов**. «Дериваты объединяют все производные имена: сокращённые, ласкательные, уменьшительные и фамильярные (англ. short forms, pet names, diminutives, familiar forms), не поддающиеся чёткой дифференциации»¹¹.

В английском языке разграничиваются два основных типа дериватов: сокращения и субъективно-оценочные формы с суффиксом -у (в других вариантах -ie, -ey, -sy). Схематически это разграничение представлено в таблице.

ТРЕХЭЛЕМЕНТНАЯ СХЕМА ПАРАДИГМАТИКИ ЛИЧНОГО ИМЕНИ

Полная форма	Дериваты	
	Сокращённая форма	Форма на -у
William	Will, Bill	Willy, Billy
Barbara	Bab	Babbie
Richard	Dick	Dicky
Dorothy	Doll	Dolly
Ann(e)	Nan	Nancy

Имена из второй колонки на этой схеме принято считать служащими цели языковой экономии и удобства, а имена в третьем столбце — формами выражения субъективной оценки. Последние употребляются в детском языке, а также как средство передачи ласки, симпатии, благожелательности.

Во всяком случае, оба вида дериватов противопоставлены полным формам, тяготеющим к официальному стилю речи. Как говорил Том Сойер о своём полном имени (Thomas),

"That's the name they lick me by. I'm *Tom* when I'm good. You call me *Tom*, will you?"

(Mark Twain)

— Меня называют так, когда хотят высечь. Когда я веду себя хорошо, меня зовут *Том*, Вы зовите меня *Том*. Ладно?

(Пер. К. Чуковского)

¹¹ Рыбакин А.И. Словарь английских личных имён. М., 1989, с. 8.

Принцип, отражённый в таблице, осложняется таким явлением, как стереотип социального восприятия, который способствует выдвиганию на первый план дериватов в качестве общепринятого способа именованя лица. Одинаковые личные имена носили, но по-разному именовались промышленник *Henry Ford* и президент *Harry Truman*; архитектор *Robert Mills* и комедийный актер *Bob Hope*.

Вот как образно характеризует разницу между подобными именами американский лингвист Э. Смит: «Человек, известный под своим полным паспортным именем, серьёзен, талантлив, пользуется успехом и уважением. Это председатель правления, директор многих компаний, лауреат Нобелевских премий, авторитетный деятель церкви, он высоко платёжеспособен — словом, занимает видное место на авансцене. С другой стороны, человек, известный под уменьшительным именем, больше склонен к развлечениям, спорту и азартным играм, ставка в которых не слишком велика; у него может быть университетский диплом и даже видный пост, хотя и не самый высокий в фирме... Мастера развлекательного жанра, которые хотят нравиться, чаще становятся известны под уменьшительными именами»¹².

В какой-то степени на этом основана и тенденция выбора традиционных дериватов для стандартных именованя в среде политических деятелей, многие из которых не забывают, подобно артистам, что даже форма имени способствует созданию популярного и «демократичного» образа.

В качестве примера можно привести именованя *Mamie Eisenhower*, *Tony Blair*, *Bobby Kennedy*, *Jimmy Carter*, являющиеся более привычными для американцев и англичан, чем именованя с полными формами.

Отличительной особенностью английских личных имён является их относительная устойчивость в пределах функционального стиля. Если по-русски можно употребить то полное имя — *Николай*, то нейтральный, но интимный вариант — *Коля*, то дериват с выраженной оценочной коннотацией — *Колька*, *Коленька* и т.д., то в английском языке за человеком закрепляется преимущественно одна какая-то форма, которая используется в подавляющем большинстве случаев.

В английском языке в пределах одного функционального стиля шансы на варьирование имени чрезвычайно малы. Так, героев повести Т. Капоте «Завтрак у Тиффани» на протяжении всей книги зовут именами: *Holly*, *Rusty* (от *Rutherford*), *Fred*, *Mag*. Трудно

¹² Smith E.C. Treasury of name lore. N.Y.—L: Harper & Row, 1967, p. 476.

представить, чтобы кто-то назвал их полными именами иначе, чем на конверте официального письма или в газетном сообщении о происшествиях. Примечательно и то, что Mag не становится Maggie и тем менее May, Madge и т.п., а Fred — Freddie. Полное имя Фреда остается загадкой — то ли Alfred, то ли Frederick. С другой стороны, у Б. Шоу в «Пигмалионе» есть Фредди, которого не называют Фред. В «Приключениях Тома Сойера» М. Твена имя Тот в прямой речи употреблено на протяжении всей книги 185 раз и ни разу не употреблено Tommy; Huck встречается 111 раз и только 6 раз — Ниску.

Таким образом, в парадигматике английского личного имени складывается следующая картина. С одной стороны, сдвиги в социальном стереотипе восприятия сокращённых и уменьшительных имён способствовали выдвигению их как основных, стандартных форм в значительной части антропонимических именовании. Приобретая официальный статус, такие формы теряют традиционно приписываемые им уменьшительно-ласкательные и дружелюбно-интимные коннотации.

Эти коннотации выражаются прежде всего там, где использование деривата имени является отходом от стандартного для данной коммуникативной сферы способа называния человека. Так, некий американский деятель заявил на пресс-конференции: «I was working for *Jack Kennedy and Joe Califano and Cy Vance*». Поскольку использованные дериваты нехарактерны для стандартных именовании, в которых фигурировали чаще всего John, Joseph и Cyrus, то в данном случае они подчёркивали личную близость говорящего к этим лицам, выражая эмоционально-положительную оценку.

С другой стороны, именование Jimmy Carter, Tony Blair такого заряда не несут, поскольку являются общепринятыми.

Итак, сокращённая или уменьшительная форма несёт эмоционально-оценочную нагрузку в основном тогда, когда является отходом от стандартного способа именовании. При этом необходимо отметить, что эта эмоционально-оценочная нагрузка не обязательно положительна. Уменьшительные и сокращённые варианты имён органичны и в тексте с иронической интонацией. Называя президента Кеннеди Jack, Никсона — Dicky, премьер-министров Каллагэна и Тэтчер — соответственно Jim и Maggie, печать демонстрировала ироничное, а подчас и фамильярно-пренебрежительное отношение к ним.

Каким же образом эти особенности варьирования личных имён отражаются в переводе?

В своей основе парадигматика личных имён в английском и русском языках имеет много общего, и русскому читателю в принципе понятна разница в употреблении полных форм и дериватов в тех случаях, когда первые соответствуют более официальной ситуации, а вторые отражают более интимные, дружеские отношения между говорящим и носителем имени. Поэтому в таких случаях передача имени по известным правилам транскрипции и транслитерации в той форме, в какой имя встречается в тексте (то есть на основе практической транскрипции), достаточна для эквивалентной передачи прагматического аспекта значения имени в тексте. Например:

The Judge... asked him what his name was. The boy stammered, gasped and got it out: "Tom."
"Oh no, not *Tom* — it is —"
"Thomas."

(Mark Twain)

Судья... спросил, как его зовут. Том запнулся, разинул рот и наконец произнёс:

— Том.
— О нет, не *Том*, а...
— *Томас*.

(Пер. К. Чуковского)

Однако английские антропонимы гораздо более стабильны относительно различных ситуаций, чем русские. Поэтому разница в форме личного имени может свидетельствовать не столько о разнице в ситуации или индивидуальных намерениях говорящего, сколько о разнице социальных стереотипов восприятия, в которые «вписываются» люди с разными вариантами одного и того же имени.

Форма имени нередко рассматривается как мерило серьёзности человека, о чём свидетельствует, например, запись из дневника Дж. Босуэлла, биографа С. Джонсона:

He turned to me and said, "I look upon myself as a good-humoured fellow." The epithet *fellow* applied to the great lexicographer, the stately moralist, the masterly critic, as if he had been *Sam* Johnson, a mere pleasant companion, was highly diverting.

(J. Boswell)

Он повернулся в мою сторону и сказал: «Я себя считаю добродушным парнем». Это слово «парень» применительно к великому лексикографу, строгому моралисту, талантливому критику, как если бы он был *просто Сэм* (а не *Сэмюэль*) Джонсон — не более чем приятный собеседник, — звучало крайне легкомысленно.

(Пер. Д.Е.)

Здесь дериват имени также передан с помощью практической транскрипции, но противопоставление двух форм подчёркнуто в переводе дополнительно лексическими средствами, чтобы у русского читателя не оставалось сомнений в том, на какую трактовку социальной оценки имени рассчитывает автор.

И всё-таки переводчику следует иметь в виду, что парадигматика иноязычных имён не всегда хорошо осознаётся читателем на языке перевода. В частности, может не ощущаться связь дериватов с полными формами личных имён. Поскольку в русском языке действуют иные правила образования дериватов, единство имён *Маргарет* и *Пегги*, *Мэри* и *Мэй*, *Джозеф* и *Джоун*, *Оливер* и *Нол*, *Эдвард* и *Тед* для русского читателя, не знакомого в достаточной степени с английской ономастикой, распадается.

When are you going to tell
the boys back home it's no go,
that they are wasting dough?
That Willie couldn't steal a vote
from Abe Lincoln in the Cradle
of Confederacy?

(R.P. Warren)

Так когда же вы скажете
своим мальчикам в городе, что
они бросают деньги на ветер?
Что даже у *Эйба* Линкольна в
колыбели Конфедерации Вил-
ли не отнял бы ни единого
голоса?

{Пер. В. Гольшева}

Можно сомневаться, что читатели перевода разберутся в том, что *Эйб Линкольн* — это то же лицо, что и известный им *Авраам Линкольн*. Если для американца связь между *Abe* и *Abraham* не только очевидна графически, но и заложена в языковом сознании, то русский не ощущает этой связи не только семантически, но даже фонетически или графически: у *Эйба* с *Авраамом* нет ни одной общей буквы. Из-за такого сильного отличия деривата от полного имени тождество антропонима нарушается.

Если вариантность имени затрудняет доступность текста, переводчик, на наш взгляд, вправе отказаться от её сохранения (конечно, с учётом падающей на неё смысловой нагрузки и специфики аудитории, которой адресуется перевод). В частности, в цитированных строках можно было бы восстановить полную форму имени (*Авраам*) или вообще снять личное имя («что даже у *Линкольна...*»).

Вообще передача имён тех личностей, которые известны и читателям перевода, требуют особого внимания от переводчика. Например, в предложении:

She was wearing big round glasses, like *Jackie*.

(S. Davidson)

имеется в виду Jacqueline Kennedy, имя которой по-русски традиционно передаётся как Жаклин Кеннеди (позднее Онассис), супруга американского президента Джона Кеннеди. *Jackie* — таково было её «популярное» именование. Если перевести здесь это имя как «Джеки», то русский читатель не только не узнает, о ком идёт речь, но и вряд ли поймёт, что это женщина. Поэтому представляется необходимым опереться и на речевой опыт русского читателя, и назвать эту женщину тем именем, под которым она ему известна:

«На ней были большие круглые очки, как у *Жаклин Кеннеди*».

Что касается тех случаев, когда говорящий, в силу какого-либо намерения, отходит от стандартного способа именования, то возможность отражения такого намерения в переводе определяется анализом контекста. В распоряжении переводчика, в частности, имеется приём компенсации, когда субъективное отношение говорящего может быть передано посредством прочих элементов или даже через замену имени нарицательным эмоционально-оценочным словом.

Так, в книге М. Твена Том Сойер обычно называл двоюродного брата Сидом, но в минуту озлобленности он не только использует дериват, но и добавляет к имени официальное «мистер»:

"Now, *Mr. Sid*, you just
'tend to your own business."

(Mark Twain)

— *Мистер Сидди*, советую
вам не соваться в чужие дела.

(Пер. К. Чуковского)

— Вот что, *сударь*, не лезьте
не в свои дела.

(Пер. Н. Дарузес)

В переводе К.И. Чуковского сохранена форма деривата и именования {*мистер Сидди*} в целом. Другая переводчица книги о Томе Сойере — Н. Дарузес передала прагматическое значение описательным переводом, заменив именование обращением *сударь*,

которое в данном контексте звучит с неприязнью и иронией. Такой элемент сообщения, как название собеседника по имени, опущен, поскольку адресат однозначно определяется ситуацией. В обоих переводах использованы подчеркнута официальные обращения на «вы», а также стилистически окрашенные слова *соваться* и *лезть*.

Что касается перевода русских личных имён на английский и другие иностранные языки, то, как уже отмечалось, обилие в русском языке суффиксальных уменьшительных представляет собой настоящую проблему при переводе.

Англичан и американцев ставит в тупик обилие разнообразных имён одного и того же лица, с чем они сталкиваются, читая переводную русскую литературу. В английском языке у каждого личного имени есть один-два деривата. Исключением, пожалуй, является имя Elizabeth, знаменитое тем, что у него дериватов намного больше среднего: Eliza, Lisa, Liz, Lizzie, Bess, Bet(t), Betsy, Bessie, Betty, Elsa, Elsie. Но эти варианты не применяются к одному и тому же человеку, а кроме того, они не выражают такой широкой гаммы оттенков эмоциональной оценки (от предельной нежности до пренебрежительности), какая характерна для личных имён в русском языке.

Но даже если иностранец и поймёт, что *Борис*, *Боря*, *Борька*, *Боренька*, *Борюшка*, *Бориска* и т.п. (в практической транскрипции на соответствующий язык) — это всё варианты одного и того же имени, выражаемые ими значения эмоциональной оценки останутся для него недоступны.

Как же поступать в таком случае переводчикам?

Ю.М. Катцер и А.В. Кунин считали, что «формальное воспроизведение по-английски уменьшительных форм русских имён собственных (типа *Anechka*, *Vanka*, *Varka*, *Verochka*, *Zinochka*) едва ли можно считать удачным, так как такие слова не воспринимаются в английском языке как уменьшительные»¹³. Кроме того, для читателя на английском языке не всегда ясна связь между *Vanechka* и *Ivan*, *Shurik* и *Aleksandr*.

Чтобы решить этот вопрос, полезно обратиться к оригинальной англоязычной литературе, где речь идёт о русских. Можно убедиться, что русские уменьшительные имена транскрибируются на

¹³ Катцер Ю., Кунин А. Письменный перевод с русского языка на английский (Практический курс). М.: Высшая школа, 1964, с. 119.

английский обычно в тех случаях, когда они уже получили какое-то распространение в западных странах. Таковы, например, имена *Sonia*, *Tanya*, *Nadya*. Надо, впрочем, отметить, что на Западе эти имена не рассматриваются как уменьшительные, а выполняют функцию полного имени.

В остальных же случаях «русские» персонажи большинства оригинальных сочинений английских и американских авторов ведут себя так же, как и носители английского языка: они называют друг друга в любой ситуации одинаково — причём, как правило, стандартным полным личным именем. Приведём примеры:

"Good evening, *Victor*, how are you making, old chap?"

"Stop this nonsense, *Nicholas*¹⁴; you don't even believe it yourself."

After a minute, *Petrovsky* drew his wife aside, sending her a look of diffident appeal. "What is it, *Sergei*?"

(Все три примера — из книги: *Kingsley Amis. Russian Hide and Seek*. Последний пример примечателен репликой, в которой полным именем мужчину называет не кто-нибудь, а его собственная жена, что по-русски звучало бы довольно странно.)

Надо отметить, что в англо-американской литературе можно встретить и уменьшительные русские имена, например:

"*Dasha*, bring Mr *Petrovsky* the vodka from the kitchen."

(K. Amis)

Однако, например, в цитированной книге данный персонаж (домработницу) вообще не называют никаким другим именем, и уменьшительное имя выполняет функцию единственного способа именования.

В романе М.К. Смита «Парк Горького» (*M.C. Smith. Gorky Park*) есть персонажи, которых зовут *Pasha*, *Kostia*, *Misha*, *Natasha*, с одной стороны, и *Arkady*, *Irina*, *Feodor*, *Sergei*, *Yevgeny*, с другой. Для английского читателя та и другая группы имён имеют практически один и тот же статус, поскольку все они используются как постоянные имена персонажей, почти без вариаций.

Впрочем, в этой книге есть и примеры, где уменьшительное имя сосуществует с полным в одном контексте:

¹⁴ Здесь необходимо отметить также, что имя *Николай* передано по принципу транспозиции (см. § 2.4).

"Arkasha, I've often thought about that church," Misha said.
Arkady ran.

Zoya stopped fanning herself and stared dully past Arkady...
"Is it another woman?" She all too obviously remembered to ask.

"Zoyushka, you were right to leave me, and now you should stay as far as you can. I don't wish you ill."

Очевидно, употребление вариантов Arkasha, Zoyushka в прямом обращении, а также описываемая ситуация, из которой ясен эмоциональный настрой персонажей, позволяют читателю догадаться, что перед ним уменьшительные имена.

Можно также вспомнить популярную в своё время голливудскую кинокомедию "Ninotchka" (1939) режиссера Э. Любича (Ernst Lubitsch), где главная героиня — русская (её играет Грета Гарбо); её зовут и уменьшительным, и полным именем. Однако уменьшительное имя является в этом фильме преимущественным именованием героини и, вероятно, воспринимается многими зрителями как основное.

Рассмотрев некоторые примеры из оригинальной английской литературы, обратимся и к опыту переводчиков с русского языка.

Болгарский переводчик С. Флорин пишет о проблемах, связанных с несоответствием употребления и окраски уменьшительных форм даже в таких родственных языках, как русский и болгарский. «Например, в русском обращении *Верка* кроется дружеское, интимное, а в других случаях — слегка пренебрежительное и грубое отношение. По-болгарски же это не уменьшительная, а одна из нормальных форм имени, ничем не отличающаяся по внутреннему содержанию от официального *Вера*. Но русское ласковое *Веронька* по-болгарски следует писать без мягкого знака — *Веронка*, и каждый читатель произнесёт его *Веронка*, что не будет производным ни от *Веры*, ни от *Вероники* и никаким ласковым оттенком отличаться не будет»¹⁵.

«Настоящим же бедствием, — продолжает С. Флорин, — всегда были... для меня бесконечные русские "вариации на тему" личных имён. Вот, для примера, два списка — один из «Битвы в пути» Галины Николаевой на тему "Сергей", другой из "Петра Первого" Алексея Толстого на тему "Петр":

¹⁵ Флорин С. Муки переводческие. М.: Высшая школа, 1983, с. 36.

Сергей	Пётр
Сергунька	Петер
Сергуня	Петрунька
Серёга	Петрус
Серьга	Петруша
Серёженька	Петрушка
	Петенька»

Принимая решение о том, каким образом передавать все эти имена на болгарском языке в переводимых им книгах, переводчик оставил все уменьшительные формы в том же виде, как и порусски. Думается, что немалую роль в этом решении сыграл и психологический фактор: хотя в болгарском языке уменьшительные формы образуются совершенно иными суффиксами, традиционно хорошее знакомство болгарских читателей с русской культурой помогает им преодолеть трудности в интерпретации форм имён.

Аналогичную позицию (точной передачи всех уменьшительных форм имён) заняли и переводчики романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» — Макс Хейуард (Max Heyward) и Маня Харари (Manya Harari). Однако они понимали, какие трудности могут вызвать формы русских имён у англоязычных читателей, и снабдили свой перевод списком основных персонажей романа с указанием вариантов их именования. Вот как выглядят некоторые строки из этого списка:

<i>Surname</i>	<i>Name and Patronymic</i>	<i>Diminutive</i>
Zhivago	Yury Andreyevich	Yura, Yurochka
Gromeko	Antonina Alexandrovna	Tonya
Antipov	Pavel Pavlovich	Pashenka, Pasha
Galiulin	Osip Gimazetdinovich	Yusupka

А вот пояснение переводчиков: "For the convenience of the reader, a cast of the principal characters is given at the beginning of the book. In addition to surnames, Russians address one another by their name and patronymic as well as by diminutives. The cast, which lists the various forms of each name, may help to prevent confusion."¹⁶

Нельзя не отметить ещё и проблемы передачи имён в иностранных произведениях, где действуют русские персонажи. Иногда такие произведения (а также сценарии фильмов) переводятся

¹⁶ Boris Pasternak. *Doctor Zhivago*. L.: Collins, 1958. — Translators' Note, p.50.

на русский язык, и нужно помнить, что сохранение полных имён может создать ощущение ненатуральности и даже комизма. В таких случаях желательно всё-таки заставлять героев разговаривать так, как это естественно по-русски.

Вот как могли бы выглядеть переводы приведённых ранее отрывков из цитированной выше книги К. Эмиса «Русские прятки»:

"Good evening, *Victor*, how are you making, old chap?" — Добрый вечер, *Витя*. Ну как, брат, у тебя дела?

"Stop this nonsense, *Nicholas*; you don't even believe it yourself." — *Коля*, перестань молоть чепуху; ты ведь сам в неё не веришь.

After a minute, Petrovsky drew his wife aside, sending her a look of diffident appeal. "What is it, *Sergei*?" Спустя минуту Петровский потянул жену в сторону, глядя на неё с робкой мольбой. — «Ты что, *Серёжа!*»

Нетрудно представить себе, как натужно и даже смешно звучали бы по-русски полные формы личных имён (*Виктор*, *Николай*, *Сергей*), если их использовать в переводе по аналогии с оригиналом.

Подытоживая, можно дать следующую рекомендацию.

При передаче уменьшительных имён с английского на русский можно почти всегда прибегать к практической транскрипции всех тех форм, какие имеются в оригинальном тексте, поскольку способность английских личных имён к варьированию не ведёт к порождению большого количества вариантов.

Исключение составляют те личные имена при **единичных** антропонимах, которые представляют собой резкое отступление от обычного способа именованья данного человека, особенно если он известен и аудитории, читающей по-русски. В этих случаях может оказаться более правильным решением замена уменьшительного имени на полное.

При переводе с русского языка на английский конкретные решения могут быть разными, но если и транскрибировать русские уменьшительные имена на английском языке, рекомендуется: а) использовать их только в обращении и б) стараться не вводить в текст перевода более одного уменьшительного имени.

Нужно помнить, что уменьшительные русские личные имена воспринимаются иностранным читателем как таковые лишь в контексте, где явно раскрывается эмоциональное настроение персонажей (причём только доверительно-дружеское и ласкательное). Формы с пренебрежительной и отрицательной оценкой типа *Машка*, *Вовка* или *Лёлища* (как у М. Зоценко) транскрибировать не рекомендуется, так как они не сохранят соответствующего оттенка значения. Их следует заменять на стандартные в данном тексте способы именованя персонажа. Оценочные коннотации, если они не вытекают из других частей контекста, можно передать на основе компенсации (то есть путём добавления эпитетов или использования оценочно-экспрессивной лексики в других частях высказывания).

3.1.4. Русские отчества

Отчества также являются видом множественных антропонимов, так как одно и то же отчество может принадлежать большому числу самых разных людей. Это весьма специфическая форма именованя по отцу, свойственная в Европе лишь русскому и ещё нескольким славянским языкам. Отчества стали упоминаться в русских письменных источниках около XII века, то есть возникли намного раньше фамилий, система которых сформировалась в нашей стране только в XVII—XVIII веках.

В дофамильный период именоване по имени и отчеству служило целям более точной идентификации человека, то есть выполняло ту же социальную функцию, что и современные фамилии. Даже и по форме отчества в прошлом не отличались от современных фамилий, то есть имели окончания -ОВ, -ев, -ин, а не только **-ич**, **-евич**, **-ович**, как в современную эпоху. Например, формула *Иван Петров* могла также иметь вид *Иван Петров сын* и в принципе соответствовала формуле *Иван Петрович*, хотя полными отчествами на **-ич**, **-евич**, **-ович** именовались только представители высшего сословия, а отчества на -ОВ, -ев, -ин (так называемые полуотчества) использовались для лиц с более низким социальным статусом. Официальная система именованя людей в русском обществе той эпохи складывалась, таким образом, из двух компонентов — имени и отчества (иногда также прозвища).

В XVII—XVIII веках на основе прозвищ и отчеств в русском языке сформировалась система фамилий, то есть имён, общих для одной семьи и потомственной линии, и постепенно официальная

система полного именованя человека в России приобрела трёх-элементный вид (имя, отчество, фамилия). Однако употребление отчеств в обращении к человеку во многом зависело от его социального статуса: представителей высших сословий именовали по имени-отчеству с юного возраста, тогда как к выходцам из простонародья нередко обращались по имени до самой старости. Вспомним, например, роман «Детство» Л.Н. Толстого: дворян именуется детей богатого дворянина *Николай Петрович* и *Владимир Петрович*, тогда как приставленного к ним дядьку (то есть слугу-гувернёра из крестьян) зовут просто *Николай*, а отцовского приказчика — *Яков*.

В современную эпоху сочетание личного имени и отчества утратило функцию юридической идентификации человека (которую оно выполняет теперь только вместе с фамилией), и обращение к собеседнику по имени-отчеству служит прежде всего показателем уважительного отношения к нему. Русское отчество в этой функции неотделимо от личного имени. Обращение к кому-либо только по отчеству с давних пор носит оттенок просторечности и фамильярности. Так, в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина пожилой дядька Гринёва именуется не иначе как *Савельич*. Можно также вспомнить известный в 1970—80-х годах эстрадный дуэт актёров В. Тонкова и Р. Владимирова, изображавших двух комических старух: рафинированную интеллигентку Веронику Маврикиевну и бесцеремонно-простоватую Авдотью Никитичну. Последняя, изъясняясь на гротескном простонародном говоре, именовала свою собеседницу не иначе как *Маврикиевна*, без личного имени, что было призвано продемонстрировать фамильярную манеру общения малообразованного человека.

Золотым веком отчеств можно считать советский период, когда необходимость образования отчеств и включения их в именование человека была распространена и на нерусские народы, населявшие Советский Союз. Интересно, правда, отметить, что в заграничных паспортах отчество не включалось в те сведения о гражданине, которые указывались в иностранной транслитерации (очевидно, исходя из мнения о его юридической избыточности для иностранных государств). После распада СССР от официального использования отчеств отказались не только его бывшие республики (например, в Молдавии отчества не указываются в удостоверениях даже у лиц русской национальности), но и — в отношении ряда национальностей — некоторые республики в составе Российской Федерации.

В самые последние годы появились признаки того, что русские отчества постепенно уходят из разговорного обихода и в самой России. Если раньше в официальном и тем более публичном разговоре с собеседником зрелого возраста обращение к нему только по имени (а не по имени-отчеству) рассматривалось бы как явная некорректность, то теперь это никого не удивляет даже в отношении весьма пожилых людей. Так, в 1999 г. знаменитая в прошлом (но почти не известная молодежи) советская актриса Т.К. Окуневская отмечала свой 85-летний юбилей и была приглашена по этому случаю в прямой телеэфир. Звонившие в студию молодые зрители запросто называли героиню вечера «Татьяна», что не вызывало возражений ни у ведущего, ни у самой актрисы.

На фоне того, что добавление отчества к имени в обращении к старшему становится менее обязательным требованием этики разговора, факт использования отчества теперь нередко выглядит как особое выражение почтительности. Например, начиная с какого-то момента журналисты и любители эстрадной песни вдруг дружно стали именовать певицу Аллу Пугачеву почти исключительно по имени и отчеству — *Алла Борисовна*, что, по-видимому, должно выразить признание ими её особых заслуг в отечественном шоу-бизнесе.

Как бы то ни было, отчества по-прежнему широко используются в составе русских персоналий (не говоря уже о богатом литературном наследии прошлого) и представляют собой известную проблему для переводчиков с русского на иностранные языки. Эта проблема прежде всего культурно-психологическая. Она существует как в устном, так и письменном переводе.

Дело в том, что носителям английского языка, во-первых, трудно произносить и запоминать русские отчества, а во-вторых, сам факт их употребления представляется им чем-то экзотическим и малообоснованным. Не знакомые с культурой России иностранцы просто мало что знают об отчествах, несмотря на наличие в английском языке научного термина *patronymic*, и в лучшем случае воспринимают его как аналог среднего имени, а то и вовсе считают фамилией. Например, если в пределах одного и того же текста персонажа зовут то *Владимиром Кузнецовым*, то *Владимиром Антоновичем*, значительна вероятность того, что, скажем, американский читатель воспримет эти именованья как относящиеся к разным персонажам — двум тёзкам с разными фамилиями.

Но даже и те иностранцы, которые в какой-то степени знакомы с русской культурой, испытывают значительные психологические трудности с употреблением этого лишнего, на их взгляд, элемента обращения к человеку. Так, в книге Линн Виссон о русско-американских смешанных браках описывается раздражение одной американки, вышедшей замуж за русского, по поводу необходимости обращаться по имени-отчеству к старшим родственникам мужа в России:

Фёдора обижало, когда люди, с которыми он только что познакомился, называли его по имени. Как и русские друзья Бориса, к которым Мэри К. обращалась, опуская отчество. «Я не могу запомнить имя отца каждого из них, — стонала она. — На этом невозможном языке и имена-то запомнить невозможно»¹⁷.

На протяжении многих лет я преподавал перевод не только российским студентам и слушателям Московского государственного лингвистического университета, но также группам американских и английских стажёров, изучавших русский язык на краткосрочных (продолжительностью в один семестр) курсах. На своём опыте и опыте коллег-преподавателей я убедился, что англоязычные стажёры никогда не обращались к своим преподавателям по имени-отчеству, как это делали (и пока продолжают делать) российские студенты. Они избегали такой формы обращения не по незнанию (так как неплохо владели русским языком, читали русские книги и, естественно, вращались в русскоязычной среде), а именно из-за некоего психологического барьера, связанного с освоением необычной, слишком экзотичной для них традиции. И лишь те студенты из англоязычных стран, кто проходил более длительные курсы обучения в нашем вузе, всё-таки начинали обращаться к преподавателям по имени и отчеству.

Поэтому переводчики с русского языка на английский всегда старались по возможности устранять тот барьер для восприятия, каким является русское отчество в глазах англичан и американцев.

¹⁷ Виссон Л. Чужие и близкие в русско-американских браках. М.: Валент, 1999, с. 127-128.

В устном переводе, как правило, не имеет смысла отражать отчества в силу уже упомянутых причин:

- 1) отчества трудны для восприятия и воспроизведения иностранцами;
- 2) иностранцы легко могут спутать их с фамилиями (тем более что формы фамилий и отчеств похожи — есть и немало фамилий на **-ович, -евич**);
- 3) отчества не играют особой роли в идентификации человека (они служат прежде всего для выражения уважительного отношения к нему, но подобные коннотации русских отчеств иноязычным слушателям в большинстве случаев неизвестны и при передаче их по-английски всё равно пропадают).

Так, если переводчик на конференции слышит объявление ведущего: «Следующий доклад сделает Чернышова Валентина Сергеевна», достаточно перевести: "The next speaker is Ms Valentina Chernyshova", опустив отчество, но, возможно, добавив приложение Ms (а по отношению к мужчине Mr) для передачи уважительного оттенка именованя¹⁸.

Имеет смысл допускать исключения из этого правила (то есть сохранять отчества в переводе), если, например, перевод предназначен для хорошо подготовленной аудитории (иностранцев бизнесменов, давно работающих в России, или учёных-гуманитариев — социологов, психологов, историков, лингвистов и т.п.). Другим типом ситуации, в которой также следует передавать отчества, является перевод на высоком официальном уровне, где речи и выступления фиксируются и анализируются, а опущение переводчиком каких-либо деталей может расцениваться как искажение сказанного. Да и аудитория в такой ситуации также обычно подготовленная. Вспоминается в этой связи, что в 1990-е годы вице-президент США Альберт Гор первым (насколько известно) среди высших официальных представителей своей страны стал употреблять обращение по имени и отчеству к своему партнеру по переговорам, председателю российского правительства В.С. Черномырдину — Viktor Stepanovich.

¹⁸ При этом, если в русской речи имя и отчество могут следовать за фамилией, то в переводе на английский нужно обязательно поставить имя перед фамилией, поскольку в английском языке именно место имени, а не его морфологические особенности, определяют то, является ли оно личным именем, средним именем или фамилией. На это указывают даже сами термины — first name, middle name, last name.

В письменном переводе отчества могут иногда опускаться, особенно в текстах, не имеющих ни официально-юридического, ни художественного статуса, если это оправдано соображениями доходчивости. Но всё же **преобладающей в письменном переводе на английский язык является практика сохранения отчеств** — во-первых, по причине большей степени официальности письменных текстов, а во-вторых, потому, что у читателя всегда больше, чем у слушателя, возможностей и времени для анализа предложенного ему материала, чтобы разобраться в формах именовании и в том, к кому они относятся. В переводах выдающихся литературных произведений отчества в именовании сохраняют ещё и потому, что каждый элемент художественного текста имеет повышенную ценность, он может выполнять не только смысловую, но и многие другие функции (например, ассоциативную, звукоритмическую, эстетическую и т.д.), следовательно, им нельзя жертвовать в переводе без весьма серьёзных причин.

Приведём пример. Глава 12 романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» содержит сцену «разоблачения» в вальсе, в которой фигурирует солидный чиновник, председатель комиссии Семплеяров. На протяжении полутора страниц текста сочетание имени и отчества этого персонажа — *Аркадий Аполлонович* — употребляется целых 17 раз, то есть почти в каждом предложении. Вот отрывок из этой сцены.

...Но, принимая во внимание ваше глубокоуважаемое желание, *Аркадий Аполлонович*, я, так и быть, произведу разоблачение. Но для этого разрешите ещё один крохотный номерок?

— Отчего же, — покровительственно ответил *Аркадий Аполлонович*, — но непременно с разоблачением!

— Слушаюсь, слушаюсь. Итак, позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером, *Аркадий Аполлонович*!

При этом неуместном и даже, пожалуй, хамском вопросе лицо *Аркадия Аполлоновича* изменилось, и весьма сильно изменилось.

— *Аркадий Аполлонович* вчера вечером был на заседании акустической комиссии, — очень надменно заявила супруга *Аркадия Аполлоновича*, — но я не понимаю, какое отношение это имеет к магии.

Такое помпезное сочетание имён греческого происхождения, образующих длинную ритмическую группу с далеко отстоящими друг от друга ударными слогами, требует размеренного, медленного произнесения и тем самым как бы подчёркивает внешнюю солидность и почтенность их носителя. Однако в булгаковском тексте это сочетание, да ещё и употребляемое многократно, резко контрастирует с дальнейшим содержанием ситуации — скандальным разоблачением его супружеских измен. Так мастерски создаётся комический эффект, делающий эту сцену одним из самых ярких сатирических эпизодов книги.

Посмотрим, как выглядит эта сцена в английском переводе Майкла Гленни (Michael Glenny). Решение этого переводчика (которого, кстати, критиковали и за многие другие просчёты в переводе данной книги) нельзя признать адекватным. Во-первых, отчество сокращено на один слог — Apollonich, то есть вместо сочетания *Аркадий Аполлонович* передана как бы сокращённо-разговорная форма *Аркадий Аполлоныч*, которая в русском языке употребляется только в неформальной, непринуждённой обстановке. Во-вторых, это именование в некоторых случаях опущено вообще. Так, последняя фраза из приведённого отрывка переведена следующим образом:

"Yesterday evening *Arkady Apollonich* was at a meeting of the Acoustics Commission," said *his wife* haughtily. "Surely that has nothing to do with magic?"

Здесь и ещё кое-где в этом тексте переводчик заменил именование «супруга Аркадия Аполлоновича» на выражение *his wife*, что вкупе с другими сокращениями и упрощениями сильно ослабило стилистическую ткань перевода по сравнению с оригинальным текстом Булгакова.

3.1.5. Переносные значения множественных антропонимов

В переносном значении антропонимы выступают в тех случаях, когда они служат средством образной характеристики и могут быть отнесены к иным референтам, чем в прямой номинативной функции. Поэтому в ряде работ это явление называется вторичным Переименованием. «В стилистическом плане вторичное окказиональное переименование является источником образной экспрессии и лежит в основе формирования ряда лексических

стилистических приёмов, таких как метафора, метафорический эпитет, метонимия, антономасия»¹⁹.

Множественные антропонимы обретают вторичную номинативную функцию благодаря случайно возникающим ассоциациям, которые впоследствии закрепляются в речевой практике.

Переносные значения у этой категории имён могут образовываться на основе одного из трёх признаков:

- 1) признак принадлежности к человеческому обществу;
- 2) родовой;
- 3) национально-языковой.

Однако, как уже отмечалось, большие группы множественных антропонимов не отличаются один от другого по набору семантических признаков. Поэтому выбор того, а не иного имени в переносном значении в известной мере случаен.

Для образования наименования с классифицирующим значением используются обычно наиболее распространённые имена. Содержательные признаки принадлежности к человеческому обществу и определённому полу становятся главенствующими при употреблении, например, личных имён Joe, Jack, Billy, Charlie, Tom, Mac, Johnny и др. в значении «любой мужчина», а Jane, Judy и др. — в значении «любая женщина или девушка». Примеры:

He told many interviewers,
"I'm just an ordinary *Joe* who
became a movie star."

В интервью журналистам он
часто говорил: «Я самый
обыкновенный *парень*, ко-
торый стал кинозвездой».

You're like a bloody *Mary-Ann*

Ведёшь себя как *баба!*

Ведущим во вторичной номинации может быть и национально-языковой признак, и тогда мы имеем дело с так называемыми этническими кличками, обозначающими (часто пренебрежительно или шутливо) «типичного» представителя какой-либо национальности, например: Jock, Mack, Sandy — шотландец; Hick, Paddy — ирландец; Fritz, Heinie — немец и т.п.

Как бы продолжением родового признака являются ассоциативные элементы, на которых базируются номинативные единицы со значением «уличная женщина» (Moll, Poll), «женственный мужчина» (Cissy, Jessie, Nancy, Mary и многие другие).

¹⁹ Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977, с. 90.

Распространённость ряда имён в провинции способствовала их использованию в значении «сельский житель, деревенщина». Это свойственно, например, мужским именам Nick (дериват имени Richard), Hodge (от Roger), Hob (Robert) и женским Jenny, Molly.

Этот список можно было бы продолжать достаточно долго; но все приведённые выше примеры показывают, что в переносных значениях множественные антропонимы выступают достаточно нерегулярно и во многих случаях немотивированно.

Скажем, ИС Joe выражает идею «типичный американец», а ИС Jimmy, не менее распространённое, — нет. Таким образом, основной переносного значения, в дополнение к общим понятийным признакам значения антропонима, часто становятся относительно случайные ассоциативные признаки.

Характер ассоциативных связей может быть различен. Ассоциации социального порядка связаны с распространённостью имени в той или иной общественной среде, а иногда и с его историей.

В одной из книг по истории английских личных имён утверждается, что бывшему премьер-министру Англии Гарольду Вильсону не повезло с именем Harold, так как в этом имени есть намёк на аристократизм, не способствующий популярности среди избирателей. «Монархический» образ, говорится в книге, был заложен и в имени такого деятеля лейбористской партии, как Рой Дженкинс (Roy ассоциируется с royal — «королевский»). Фамилии Wilson и Jenkins, продолжает автор книги, сами по себе наводят на мысль о рабочем происхождении их носителей, но имена Harold и Roy разрушают эту иллюзию. По мнению автора, Вильсон и Дженкинс были бы более популярны, если бы носили имена типа Tom, Dick, Harry или Ted²⁰.

Как бы мы ни относились к этим рассуждениям по существу, они отражают реальный факт — наличие у целого ряда личных и фамильных имён устойчивых ассоциаций социального порядка.

В других случаях ассоциации связаны с фольклором, популярными литературными произведениями, а также речениями и фразеологизмами, включающими антропонимы.

В результате закрепления ассоциаций того и другого рода множественные антропонимы в большинстве случаев либо получают способность выразить идею «типичного представителя», либо становятся стандартными прозвищами.

²⁰ Brown I. A charm of names. L., 1972, p. 12.

Примеры: Fritz — немец, «фриц»; Jock, Mack — шотландец; Paddy — ирландец; Jack, Mac — американские сленговые обращения к мужчине; Jane — девчонка; Mary Jane — типичное «имя» английской служанки; Tommy Atkins — солдат, служака; Dick — сыщик; Bobby — (английский) полицейский; Darby and Joan — счастливая супружеская пара и т.д.

Вторичная номинативная функция множественных антропонимов как лексической группы носит, однако, случайный, нерегулярный характер. Это объясняется спецификой их лексического значения, отсутствием социально закреплённой информации в их первичной номинативной функции, что создаёт мало возможностей для переноса значения.

3.1.6. Переносные значения единичных антропонимов

В отличие от множественных, единичные антропонимы обладают более богатой смысловой структурой. Это позволяет им регулярно выступать в качестве характеризующих словесных знаков при вторичной номинации.

Если условно представить себе некоторый путь, который имя собственное преодолевает в направлении превращения в имя нарицательное, то ближе всего к первичному значению ИС оказываются в **сравнениях**.

Дальнейший перенос номинации может идти по двум возможным направлениям: **метафора** (перенос наименования по сходству) и **метонимия** (перенос наименования по смежности). Единичные антропонимы легко вовлекаются как в тот, так и в другой процесс: круг деятельности человека, его связи с окружающим миром так широки, что включают самые разнообразные отношения сходства и смежности. Например, ИС Garbo (фамилия американской киноактрисы прошлого века Греты Гарбо) может получить как метонимическое значение в выражении a Garbo hat (широкополая шляпа, в каких она часто снималась), так и метафорическое значение в выражении the Garbo attractions (эффектные черты, характерные для внешности Г. Гарбо).

Рассмотрим подробнее использование антропонимов в сравнениях, метафорах и метонимиях.

3.1.6.1. Антропонимические сравнения

Отличительной чертой сравнения является то, что сравнение получает формальное выражение в виде таких слов, как: *as, such as, as if, like, seem* и др. В антропонимических сравнениях наиболее часто встречаются союзы *like* и *as*, сравнительная степень прилагательных с союзом *than*, а также глаголы с приставкой *out-*, например:

He had a super-brilliant brain
and he was funny like *Lenny
Bruce*.

(S. Davidson)

У него был блестящий ум, а
сам он был забавен, как *Ленни
Брюс*.

(Пер. Д.Е.)

I can read the stock-market
pages better than *Bernard
Baruch*.

(J. Salinger)

. Биржевые сводки в газете
я читаю получше *Бернарда
Баруха*.

(Пер. Д.Е.)

He outmaneuvered *Gladstone*,
outwitted *d'Artagnan* and the
Three Musketeers, and outspent
the rest of the *Rothschild*
brothers.

(J. Wintle, R. Kenin)

По хитрости он превосходил
Гладстона, по смекалке —
д'Артаньяна и трёх мушкетёров,
по расточительности — всех
остальных братьев *Ротшильдов*.

(Пер. Д.Е.)

В этих цитатах ИС обозначают людей, служащих, по мнению автора, эталонами каких-то качеств: американский финансист первой половины XX века Б. Барух являлся, несомненно, специалистом по биржевым делам; комик Ленни Брюс смешил американскую публику в 40—50-е годы; английский государственный деятель XIX века Гладстон был мастером политических манёвров; а братья Ротшильды, совладельцы крупного английского банка, обладали большим богатством.

В принципе антропонимы, избранные для сравнения, выступают в тексте в своём основном значении, то есть называют своего исконного носителя. Однако среди всех многообразных характеристик этого человека выделяется какая-то одна черта, которая прямо называется в тексте и по которой с ними сравнивают другого человека. Однако такое сравнение проводится не всерьёз, а служит средством дополнительной образности текста. Поэтому можно говорить о том, что такое сравнение становится исходной точкой для образования у ИС переносного значения, в основу которого кладётся называемый в сравнении признак.

Что важно при этом для переводчика? Необходимо проанализировать, сохранит ли сравнение такую же образность на языке перевода, что и в оригинале. А это связано со степенью известности человека, имя которого используется для сравнения, в иной языковой среде.

Если имена, приведённые выше в третьем примере, вполне известны образованной русской аудитории, то можно предположить, что антропонимы *Пенни Брюс* и *Бернард Барух* не вызовут определённых ассоциаций у большинства читателей.

В этом случае переводчик может счесть нужным дать примечание, прибегнуть к поясняющему переводу или даже к полной замене антропонима. Впрочем, при переводе сравнений необходимость в этих приёмах возникает реже потому, что признак, по которому проводится сравнение, обычно в явной форме выражен в тексте прилагательным или другой частью речи. Даже не зная, о ком идёт речь, читатель всё же может предположить, что, если о ком-то говорят, что он *«забавен, как Ленни Брюс»*, то этот Ленни Брюс — скорее всего представитель развлекательных профессий.

3.1.6.2. Антропонимическая метафора — общая характеристика

В отличие от сравнения метафора не ставит рядом два уподобляемых предмета, а образно подменяет один другим, как бы устраняя существующие между ними различия. Кроме того, если сравнение уподобляет предметы, как правило, по какому-то одному признаку, разграничивая их в остальном, то **в метафоре уподобляемые предметы могут наделяться не обязательно одним, а и сразу несколькими общими признаками** или даже неопределённым кругом общих свойств.

В этом проявляется особое удобство, которым обладает номинация посредством единичного антропонима: из его значения можно извлечь богатый комплекс идей, не заменимый никаким нарицательным словом. Наглядным подтверждением этой мысли может служить следующий отрывок.

"Find out when the trial is set and get a lawyer down. A good one, and I mean a good one that'll know how to handle it... but don't get a guy that wants his name in lights... Get somebody looks like he didn't sing with a dance band..."

— Узнай, на когда назначен суд, и пошли туда адвоката. Хорошего адвоката, в том смысле хорошего, чтобы сумел его вытащить, и передай, что пусть не очень заботится о славе. Найди такого, чтобы люди не думали, будто он по вечерам поёт в кабаке.

"All right," I said, and wrote in my notebook, *Abe Lincoln* type. (R.P. Warren) — Ладно, — сказал я и написал: в духе *Эйба Линкольна*. (Пер. В. Голышева)

Одно единичное ИС *Abe Lincoln* лаконично замещает в этом контексте всё, что было высказано в нескольких предложениях. Оно выражает представление о человеке, к которому предъявляется целый ряд требований — серьёзность, умение вести дела, скромность, целеустремлённость, солидный внешний вид. В сознании американцев имя президента Линкольна связано как раз с образом бескорыстного, честного, преданного своей цели человека.

Используя единичный антропоним в метафорической функции, мы позволяем себе сказать мало там, где нужно было бы говорить слишком много, если бы приходилось обходиться только нарицательными словами. Имя даёт возможность выразить признаки человека, не называя их непосредственно.

Метафора часто нарушает логические законы. Она открывает возможности, самые невероятные с точки зрения обыденного «здорового смысла». Например, человек может быть отождествлён сразу с несколькими разными людьми:

From now on, you'll be *Florence Nightingale*, *Sigmund Freud* and the best friend he ever had. (J. Salinger) Отныне вы будете ему *Флоренс Найтингейл*, *Зигмундом Фрейдом* и самым близким другом. (Пер. Д.Е.)

(Эти слова врач говорит жене тяжелобольного человека, имея в виду, что она должна быть для него и заботливой сиделкой, и внимательным психологом.)

Возможно, наоборот, отождествление сразу многих людей с одним и тем же человеком:

For this is the country where the age of the internal combustion engine has come into its own. Where every boy is *Barney Oldfield*... (R.P. Warren) Потому что это — страна, где век двигателей внутреннего сгорания давно вступил в свои права. Где каждый мальчишка — *Барни Олдфилд*... (Пер. В. Голышева)

В этом отрывке в подкрепление тезиса о «веке двигателя внутреннего сгорания» американским мальчишкам приписываются качества американского автогонщика начала века. Впрочем, имя

этого автогонщика мало о чём говорит русскоязычной аудитории, поэтому переводчик снабдил имя подстрочным примечанием, поясняющим, кто такой Барни Олдфилд.

3.1.6.3. Виды антропонимической метафоры в английском языке

Когда антропоним в английском языке употребляется в метафорической функции, возможны различные варианты употребления при нём артиклей. Во всех примерах метафор, приведённых в предыдущем параграфе, при ИС нет артиклей. Такая метафора оставляет носителя единичного имени неповторимым, индивидуальным, она не делает из него категории или класса, а лишь образно «приравняет» к нему одного или нескольких человек. Подобные безартиклевые наименования будем называть **отождествляющей** антропонимической метафорой.

Однако антропонимы в английском языке весьма часто употребляются и с артиклями. Определённый артикль с именем собственным представляет собой как бы дальнейший шаг на пути обретения именем классифицирующего смысла. Рассмотрим следующие примеры:

He was hailed as **the**
Shakespeare of the screen.

Его превозносили как кинематографического *Шекспира*.

If Montgomery was **the**
Wellington, Alexander was
certainly **the** *Marlborough* of
this war.

Если Монтгомери был в
этой войне *Веллингтоном*, то
Александр, без сомнения,
был её *герцогом Мальборо*.

A more fertile idea would be
to provide the opportunity for
the new *Einstein* to choose his
own way, making certain only
that his environment was an
"enriched one".

Более разумно было бы
предоставить новому *Эйнштейну*
возможность самому
выбирать путь развития, обеспечив для него лишь достаточно «насыщенное» окружение.

(D. Rorvik)

(Пер. Д.Е.)

Метафорическое уподобление известным людям (Шекспиру, Веллингтону, Мальборо, Эйнштейну) ограничено строго определёнными условиями, подчёркивающими необычность логико-лингвистической ситуации. Эти ограничения выражены контекстом (the Shakespeare of the screen) или вытекают из ситуации (the new Einstein). С точки зрения здравого смысла сообщения типа

the Shakespeare of the screen, the Marlborough of this war абсурдны, так как Шекспир к экрану, а герцог Мальборо — к командованию союзными войсками во второй мировой войне не могли иметь отношения. Но, ломая логические барьеры, метафора позволяет представить сочетание несовместимого, рождает как бы новую версию известного прототипа применительно к определённой ситуации²¹.

В случаях, подобных вышеприведённым, будем говорить об антропонимической метафоре **ограниченного ряда**. Для неё, как уже было отмечено, в английском языке характерно наличие определённого артикля и ограничивающего ситуацию контекста.

Единичный антропоним может употребляться и с неопределённым артиклем (или во множественном числе). В этом случае мы имеем дело с **категориальной** антропонимической метафорой. Примеры:

Edwards only wants to be a <i>Christian Barnard</i> .	Эдварде всего лишь хочет сравняться с <i>Кристианом Барнардом</i> [вариант перевода: стать <i>всемирно знаменитым хирургом</i>].
(D. Rorvik)	(Пер. Д.Е.)

All right — come back. I've come to the stage when I can do with a <i>Boswell</i> .	Ну что ж, останьтесь. Я до- стиг той стадии, когда не прочь иметь собственного <i>Босуэлла</i> [вариант перевода: <i>биографа</i>].
(R. Marsh)	(Пер. Д.Е.)

В таких контекстах ИС уже практически полностью превращаются в нарицательные слова (о чём и свидетельствует их употребление с неопределённым артиклем или во множественном числе), поэтому и при переводе на русский в принципе возможно поставить им в соответствие: а) ИС, которое и в русском языке стало нарицательным (причём в русском языке свидетельством такого перехода часто является написание имени со строчной буквы); б) нарицательное слово.

²¹ Интересно, что в научно-популярной книге, откуда взят пример с ИС Einstein, речь идёт именно о такой возможности: в ней обсуждается возможность клонирования гениальных людей из взятых у них клеток, однако с учётом того факта, что генетическая копия нового Эйнштейна будет развиваться в иных исторических, социальных и культурных условиях. В данном случае логика языка всё-таки совпала с логикой науки.

Например: Cicero — Цицерон, красноречивый оратор; Croesus, Rothschild, Rockefeller — крёз, ротшильд, Рокфеллер, богатч; Casanova, Don Juan — казанова, донжуан, покоритель женщин; Gulliver — гулливер, великан; Sherlock Holmes — шерлок холме, проницательный сыщик; Quisling — квислинг, предатель и т.п.

В приведённых выше случаях антропонимы выражают идею типичного представителя; единичный антропоним, принадлежащий какому-то человеку, используется как обозначение целой категории людей.

Попробуем представить метафорические возможности единичных антропонимов в сводной таблице (таблица 1).

Таблица 1

**Виды метафорического переноса на основе
единичных антропонимов**

<i>Вид номинации</i>	<i>Особенности значения</i>	<i>Функционально-грамматическая характеристика</i>	<i>Примеры</i>
Отождествления	Какое-то другое лицо отождествляется с носителем имени	Употребляется без артикля обычно в предикативной функции, не имеет формы множественного числа	I wanted to become Clarence Darrow .
Ограниченного ряда	Какое-то другое лицо представляется воплощением носителя имени в определённых условиях	Употребляется с определённым артиклем в ограничительном контексте, возможна форма множественного числа	She is the Bismarck: she plans the campaigns.
Категориальная	Имя становится обозначением целой категории лиц	Употребляется с неопределённым артиклем, имеет также форму множественного числа	Even a Rembrandt is not allowed to talk like that. Stop playing at Winston Churchills!

3.1.6.4. Виды антропонимической метонимии в английском языке

Рассмотрим теперь переносные значения единичных антропонимов, основанные на метонимии.

Метонимия — это перенос значения по принципу смежности; у антропонимов наиболее регулярно наблюдается метонимический перенос по схеме «автор — его творчество — его произведение».

Называя творчество того или иного автора, ИС ведёт себя как обычное абстрактное существительное в том, что касается его грамматических функций и сочетаемости. Примеры:

Philip played French music: <i>Debussy, Ravel, Faure,</i> (P.H. Johnson)	Филип играл французских композиторов: <i>Дебюсси, Ра-</i> <i>веля, Форе.</i>
--	--

(Пер. С. Мишиной)

Or if the feeling is inure sober you can go to the two national theatres and see <i>Calderón or Lope de Vega.</i>	А если вы настроены более серьёзно, можно пойти в один из двух национальных театров и посмотреть <i>Кальдерона</i> или <i>Лопе де Вега.</i>
--	---

(L. Lee)

(Пер. Д.Е.)

В первом из приведённых примеров ИС *Debussy, Ravel, Faure* объединяются родовым понятием: French music (французская музыка). Сочетаемость ИС во втором примере также свидетельствует о том, что природа этих слов несколько изменилась: говорить о том, чтобы «посмотреть Кальдерона или Лопе де Вега» имеет смысл только в том случае, если речь идёт о творчестве испанских драматургов, а не о самих этих людях.

Очень часто на метонимический перенос накладывается ещё и метафора, то есть особенности творчества одного автора переносятся на произведения другого:

She was hesitating between her several manners — Picasso's rose period with a flash of <i>Bo/din/</i> , or straight <i>Reginald Marsh.</i>	Она писала в нескольких манерах, склоняясь то к розо- вому периоду Пикассо со вспышками <i>Болдини</i> , то к яв- ному <i>Реджинальду Маршу.</i>
--	--

(F.S. Fitzgerald)

(Пер. Д.Е.)

Toby didn't like the sound of the book at all: it seemed an improbable cross between *Virginia Woolf* and *Kafka*, and the hero was called 'S': very unattractive, he felt.

(P.H. Johnson)

Тоби книга совершенно не понравилась: какой-то немислимый гибрид *Вирджинии Вулф* с *Кафкой*: а героя звали просто «С», что производило неприятное впечатление.

(Пер. Д.Е.)

От метафорического употребления всего один шаг до выделения признаков творческой деятельности в относительно самостоятельное понятие. В подобных случаях это обозначение хотя и не теряет ассоциативной связи с носителем имени, но называет уже не столько его творчество, сколько логически связанную с ним идею.

Приведём примеры. В первом из них речь идёт о дочери разошедшихся родителей:

She is putting on weight, she says, because she eats compulsively because our happy home has been broken up. *Freud, Freud*, in the ice cream parlor.

(I. Shaw)

И вес она набирает будто бы оттого, что вынуждена много есть, поскольку разбит наш семейный очаг. И здесь — *Фрейд*, он проник даже в кафе-мороженое.

{Пер. К. Чугунова}

Здесь мы находим подобие психоаналитического рассуждения: переедание девушки объясняется как психологическая компенсация душевной неустроенности, которую она испытывает, не видя своих родителей вместе. ИС *Freud*, таким образом, становится синонимом склонности к любительскому психоанализу.

Следующая цитата относится к деятельности английского министра обороны начала 60-х годов:

"I have taken certain actions," said Peter Thorneycroft, the Minister of Defence in 1964, "which ensure that *Professor Parkinson* is removed from the building."

(A. Sampson).

«Я принял ряд мер, — заявил в 1964 г. государственный министр обороны Питер Торникрофт, — которые гарантируют удаление из этого здания *профессора Паркинсона*».

(Пер. Д.Е.)

Словами об удалении профессора Паркинсона английский чиновник хотел сказать, что наводит порядок в подчинённом ему

ведомстве, изживая бюрократизм. В этом высказывании содержится намёк на популярный в своё время сатирический памфлет С.Н. Паркинсона «Закон Паркинсона, или Пути прогресса», в котором высмеиваются косность, коррупция и бюрократизм в работе государственной машины. Имя *Паркинсон*, принадлежащее одновременно писателю и его сатирическому герою, стало, таким образом, символом всех этих пороков.

Имя автора регулярно переносится не только на творчество в целом и характерные для него черты, но и на отдельные произведения. В этом случае ИС приобретает свойства исчисляемого существительного, то есть сочетается с неопределённым артиклем в единственном числе и может образовывать множественное число. В приводимых ниже примерах ИС выступает в значении «любое или одно из произведений», то есть книга, музыкальное произведение и т.п.:

You know, relaxing with a *Christie*, that for an hour or two you can forget the authentic nastiness of life.

(J. Wintle, R. Kenin)

Взяв в минуту отдыха книжку *Агаты Кристи*, вы знаете, что на часок-другой можно забыть о жизненных передрягах.

{Пер. Д.Е.}

Perhaps there's a concert on... oh, yes. There's a *Vaughan Williams*.

(J. Osborne)

Хоть бы концерт какой-нибудь послушать... Ага, вот. *Воэн-Уильямс*.

{Пер. Д. Урнова}

Антропоним, обозначающий отдельное произведение, может претерпевать добавочную метафоризацию. В этом случае произведение, акт творчества или явление отрывается от конкретного носителя и сохраняет с ним связь лишь по ряду признаков, присущих его творчеству. Например, выражение *to do a Flanagan and Allen* означает «исполнить танцевальный номер в духе тех, что исполняют в оперетте или кабаре» — по именам дуэта английских певцов и чечёточников.

В следующем примере имя художника переносится на его скульптуры, а в результате последующей метафоризации характеризует форму рук человека:

His hands were large and yet sensitive: veined *Michelangelos*.

(W. Blatty)

Руки у него были крупные, жилистые и в то же время чувствительные, как у скульптур *Микеланджело*.

{Пер. Д.Е.}

Обобщая, можно выделить два вида метонимического переноса в значении единичных антропонимов: генерализация, когда ИС интерпретируется как творчество или деятельность носителя имени, и конкретизация, когда ИС называет отдельный акт творчества, произведение или явление. В обоих случаях на метонимию может наслаиваться метафора. Эти виды метонимических переносных значений представлены в сводной таблице 2.

Таблица 2

**Виды метонимического переноса
на основе единичных антропонимов
(по схеме «автор — творчество — произведение»)**

<i>Вид переноса значения</i>	<i>Добавочная метафоризация</i>	<i>Особенности значения</i>	<i>Функционально-грамматическая характеристика</i>	<i>Примеры</i>
Генерализация	нет	Творчество или деятельность носителя имени в целом	Абстрактное существительное — не употребляется с неопределённым артиклем или в форме множественного числа	<i>Vivaldi</i> played from the speakers.
	есть	Идея, основанная на признаках деятельности носителя имени		There was a hint of <i>Nolan</i> in his brushwork.
Конкретизация	нет	Отдельное произведение носителя имени	Исчисляемое существительное — употребляется с артиклями и имеет форму множественного числа	He had several early <i>Jackson Pollocks</i> .
	есть	Акт творчества или предмет, близкий по своим признакам творчеству носителя имени		His hands were veined <i>Michelangelos</i> .

В этой таблице не отражён, но встречается ещё один вид генерализирующей метонимии., при котором ИС подвергается дополнительному метонимическому переносу. Чаще всего при этом имеется в виду трактовка творчества какого-либо автора в критике или смежном искусстве, например:

[Sothorn's and Marlowe's romantic <i>Shakespeare</i> had given me pleasant though vague impressions for years.	Романтические <i>шекспиров-</i> <i>ские образы</i> Сазерна и Мар- лоу на долгие годы оставили у меня приятные, хотя и смутные воспоминания.
---	---

(J. Wintle, R. Kenin)

{Пер. Д.Е.}

Здесь ИС *Shakespeare* означает интерпретацию творчества Шекспира актёрами, то есть имеет место двойная метонимия: писатель — его драматическое произведение — трактовка и исполнение этих произведений на сцене.

* * *

В предыдущих разделах рассматривалось лишь употребление единичных антропонимов в самостоятельной (неатрибутивной) позиции. Однако с помощью единичных ИС образуется и большое количество словосочетаний, в которых они выполняют роль атрибутивного члена, или определения. При этом общее логическое отношение такого атрибута к определяемому существительному может принимать бесконечное число разнообразных оттенков от значения принадлежности до совершенно случайных ассоциаций.

Это видно хотя бы из следующих примеров: the Blair policy — политика Блэра; the Auden craze — всеобщее увлечение поэзией В. Одена; a Bogart movie — фильм с участием актёра Х. Богарта; the Joan-of-Arc expression — воинственное выражение лица; Disney girls — участницы костюмированных шествий, изображающие персонажей фильмов студии Уолта Диснея; a Garbo hat — мягкая широкополая шляпа и т. д. и т. п. Семантические отношения, в которые вступает ИС и определяемое им слово, чрезвычайно разнообразны. Антропонимы в этих сочетаниях выступают, по сути дела, не как самостоятельные слова, а как основы, и мы имеем дело с образованиями, занимающими промежуточное положение между словосочетанием и сложным словом²².

²² Ср. с выводами статьи: Смирницкий А.И., Ахманова О.С. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке. Доклады Института языкознания. М., 1952, т. II, с. 97-116.

Закономерным продолжением вторичной номинативной функции единичных антропонимов является образование от них прилагательных и существительных с абстрактно-уподобляющим значением, таких как *Parkinsonian* — бюрократический (*Parkinsonian tendencies*); *Forsyteian* — в духе Форсайтов, традиционно-буржуазный ("The film depicts a reassuring *Forsyteian* red-plush world of polished tables" [A. Simpson]); *Neronian*, *Neronic* — отличающийся излишествами, в духе римского императора Нерона; *Pickwickian*, *Micawberish* — свойственный героям Диккенса Пиквику или Микоберу, и т. д.

Подводя итог анализу вторичных (переносных) значений единичных антропонимов, следует подчеркнуть, что они остаются таковыми до тех пор, пока сохраняют семантическую двуплановость, то есть связь с основным носителем имени, несмотря на все метафорические и метонимические переносы.

Если такая связь разрывается или становится чисто этимологической (как в словах *ampere* — ампер, *mackintosh* — плащ-макинтош, *hansom* — кэб-двуколка), мы имеем дело не с ИС в переносном употреблении, а с обычным нарицательным именем, исторически восходящим к ИС. Такие имена обычно пишутся со строчной буквы.

Прописная буква во вторичной номинации на основе ИС — дань не только традиции, но и семантической двуплановости антропонима. Это демонстрирует следующий пример:

You don't read it in <i>Mr Winchell</i> . That would be a great thing for him to announce.	У мистера Уинчелла об этом не прочтёшь. А интерес- ный был бы для него сюжет.
--	---

(E. Hemingway) [Пер. Евг. Калашниковой]

Имя *Winchell* (автор газетных колонок светской хроники) выступает здесь в функции генерализирующей метонимии, называя здесь написанные этим автором заметки и подобные им материалы. В то же время этот антропоним сохраняет и первичную референцию, так как уже в следующем предложении замещается личным местоимением *he* (That would be a great thing for him to announce). Следовательно, несмотря на семантический перенос, ИС не теряет своего основного значения, связанного с определённым человеком.

3.1.7. Личные имена общеευропейского происхождения

Английский и русский языки, как и большинство языков стран Европы, имеют общую историко-культурную основу. Фонд имён собственных в обоих языках складывался под значительным влиянием христианской религии и её письменных источников, прежде всего Библии.

Библия, другие христианские письменные источники и, соответственно, содержащиеся в них имена входили в культуру разных народов различными, подчас очень сложными, путями. Первые опыты перевода библейских текстов на английский язык относятся к VIII—X векам, но полный перевод Священного Писания осуществил в конце XIV века Джон Уиклиф, переведивший с латинской версии. В XIV веке Уильям Тиндаль впервые перевёл Новый Завет с оригинального греческого текста, а Ветхий Завет — с древнееврейской со ссылками на Вульгату, латинский перевод Эразма Роттердамского и немецкий перевод Лютера. Именно перевод Тиндаля лёг в основу самого авторитетного текста английской Библии — так называемой «Санкционированной версии» короля Иакова (Authorized Version, или King James' Bible) 1611 года. От неё же отталкивается и так называемая «Новая английская Библия» (the New English Bible) — перевод, предпринятый Объединённым комитетом церковью Британских островов (и вышедший в 1961—1970 годах). Во всяком случае варианты передачи имён собственных в этом новом переводе практически не отличаются от тех, что были в Библии XVII века.

Что же касается русской версии Библии, то первыми переводчиками полного текста Библии на славянский (он же древнеболгарский, или церковнославянский) язык были знавшие этот язык греческие миссионеры и просветители братья Кирилл и Мефодий (IX век). Они отталкивались от версии ветхого завета, получившей название Септуагинты, или так называемого «перевода 70 толковников» — то есть труда 70 переводчиков, осуществлённого ориентировочно в III веке до н. э. Сделанный Кириллом и Мефодием перевод Священного Писания и богослужебных книг утвердился у болгар, сербов и русских. С XIX века осуществлялись переводы Библии на современный русский язык, но имена собственные в них были практически в неизменном виде заимствованы из канонического церковнославянского текста, которым Русская православная церковь пользуется и до сих пор.

Даже из этих кратких сведений видно, какими сложными и разными путями проникали в европейские языки библейские имена. На протяжении веков они подвергались модификациям и ещё больше изменялись в речевой практике языковых коллективов. Так образовались разноязычные дублеты, подчас мало похожие друг на друга, например Nebuchadnezzar — Навуходоносор, Shem — Сим, Abcdncgo — Авдснаго, Nabakkuk — Аввакум, Elijah — Илия, Bathsheba — Вирсавия.

При переводе текстов, так или иначе связанных с древними, в том числе библейскими именами, недопустимо искажать сложившуюся традицию. Поэтому переводчику обязательно следует иметь тексты Священного Писания на тех языках, с которыми он работает, и передавать такие имена в точности по ним, то есть пользоваться методом транслитерации (см. § 2.4).

Для удобства поиска библейских имён и цитат существуют специальные указатели, именуемые по-английски Concordance²³, а по-русски — «Симфонией»²⁴, которые также рекомендуется иметь переводчику. Хорошим справочником по именам не только библейского происхождения, но и из других религий, а также по именам мифологического происхождения является энциклопедия «Мифы народов мира»²⁵.

Однако имена религиозного и мифологического происхождения на протяжении истории продолжали своё развитие уже самостоятельно. Их давали младенцам при рождении, и с развитием и изменением языков, а также в зависимости от сфер использования они часто модифицировались ещё больше. Например, библейское *Иоанн* превратилось по-русски в имя *Иван*, *Илия* — в имя *Илья*, *Георгий* — в *Егор*, *Матрона* — в *Матрёна*, *Матфей* — в *Матвей*, *Иаков* — в *Яков*, *Феодор* — в *Фёдор* и т. д.

Кроме того, происходила дифференциация имён по социальной принадлежности. В России традиция нарекать ребёнка в честь

²³ Cruden's Complete Concordance to the Old and New Testaments. Grand Rapids, 1968; Имена важнейших библейских персонажей приводятся в «Англо-русском словаре персоналий» Д.И.Ермоловича (М., 2000).

²⁴ Симфония, или Словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Московской Патриархии. Т. 1, 1988; т. 2, 1995 (неоконченное издание); Симфония на Ветхий и Новый Завет (в 2 ТТ). СПб, 1900 (переиздавалась в репринтном издании современными издательствами).

²⁵ Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х тт. М., 1980–82 (неоднократно переиздавалась).

святого, день которого приходился на день его рождения, более строго соблюдалась среди крестьян и вообще сельских жителей, тогда как горожане всё чаще давали имена младенцам не по святым, а с учётом своих представлений о благозвучности имени, определённой моды на имена и внутрисемейных традиций.

В итоге многие имена римского и греческого происхождения, часть из которых принадлежала когда-то христианским святым и мученикам, стали восприниматься в русском обиходе как «деревенские», «простонародные» (*Авдотья, Агафья, Дементий, Марфа, Прокон, Пантелей, Пахом, Федот* и т. п.). Вспомним, как у Пушкина в романе «Евгений Онегин» Татьяна гадала, чтобы узнать имя своего будущего супруга, и каким шоком оказалось для неё имя прохожего:

«Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит
И голосок её звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя? Смотрит он
И отвечает: Агафон».

(Глава V, строфа IX)

Примечательно, как разъясняет эту ситуацию англоязычным читателям В.В. Набоков, написавший фундаментальный комментарий к «Евгению Онегину»:

"Agafon... comes as a grotesque shock. The Russian version of Agatho or Agathonicus... is elephantine and rustic to the Russian ear. Its counterpart may be found among the Biblical names in England. We should imagine an English young lady of 1820 slipping out of the manor gate to ask a passing laborer his name and discovering that her husband will be called not Allan but Noah."²⁶

Итак, В.В. Набоков находит аналогию в восприятии имён британцами: библейское имя Noah звучит так же «неизящно» для юной англичанки из аристократического дома, как и *Агафон* —

²⁶ Aleksandr Pushkin. Eugene Onegin. Translated by Vladimir Nabokov. Vol. II: Commentary and Index. Princeton Univ. Press, 1975. Вот перевод этого комментария: «Агафон... — шокирующий гротеск. Этот русский вариант имён Agatho или Agathonicus... звучит для русского слуха неуклюже и простонародно. Здесь можно провести аналогию с тем, как некоторые библейские имена воспринимаются в Англии. Представим себе юную английскую леди 20-х годов XIX века, которая выбегает из ворот особняка, чтобы спросить имя проходящего мимо работника, и узнаёт, что её будущего мужа зовут вовсе не Аллен, а Ной» (*Пер. Д.Е.*).

для Татьяны. Интересно при этом, что Набоков, сам живший в США, в данном случае сослался именно на британцев с их специфическими особенностями социальных диалектов. Хотя и в Соединённых Штатах, несомненно, существуют многочисленные области социально маркированной речи, знаменитый писатель, который сам жил в Америке, не стал ссылаться на американскую речевую практику в отношении личных имён. Дело в том, что в США, этом плавильном котле разных этнических групп, необычные или архаичные имена — явление рядовое для любых социальных сфер. Кстати, имя Ной (Noah) не несёт в Америке таких же коннотаций «простонародности», как в Старом Свете, и принадлежало ряду широко известных людей, среди них — знаменитому лексикографу Ною Уэбстеру (Noah Webster, 1756—1843)²⁷.

В целом следует признать, что проблема передачи коннотаций, связанных с социальным статусом носителей личных имён, во многих случаях не может быть решена в переводе. Такими коннотациями чаще всего приходится «жертвовать», а если они очень важны для правильного понимания текста, то их приходится разъяснять в комментариях и примечаниях. В некоторых случаях возможно использовать приём компенсации, то есть выражать эти коннотации с помощью других элементов текста.

Для переводчика, впрочем, чаще актуален другой вопрос при передаче общеевропейских личных имен: вопрос выбора между традиционным для русского языка вариантом передачи по методу транспозиции и вариантом по методу практической транскрипции. То есть при передаче имени Nicholas мы должны выбрать между вариантами *Николай* и *Николас*, Michael — *Михаил* и *Майкл*, Gabriel — *Гавриил* и *Гэбриэл*, Martha — *Марфа* и *Марта* и т.д.

Издавна сложилась следующая практика перевода: **имена монархов и религиозных деятелей передаются, как правило, по методу транспозиции (в традиционном варианте)**. Другими словами, король James должен по-русски именоваться не *Джеймсом*, а *Иаковом*, король John Lackland — не *Джонном*, а *Иоанном* Безземельным, римский папа носит по-рус-

²⁷ Нельзя не отметить, что само имя Noah транспонируется на русский в соответствии с библейским прототипом — *Ной*. Этому способствует и большая удобопроизносимость последнего на русском языке по сравнению с теоретически возможным транскрипционным переводом **Ноуа*.

ски имя *Иоанн Павел*, а не *Джон Пол* или *Джованни Паоло* и т.д. Сюда примешалась ещё и **традиция, отгаливующаяся от звучания немецких имён** при передаче имён некоторых европейских (в том числе английских) монархов, не имеющих тёзок в библейских или мифологических источниках. Так, английский король Charles I (1600—1649) именуется в русских учебниках истории *Карлом*, а завоеватель Англии XI века William the Conqueror — *Вильгельмом*²⁸.

Однако указанный выше принцип на самом деле соблюдается далеко не так последовательно, как хотелось бы. Так, в одних изданных переводах исторических хроник Шекспира короли, носившие имя *Henry*, по-русски именуются *Генрих*, а в других — *Генри*. Современная королева Великобритании по-русски — *Елизавета* (а не *Элизабет*), но её наследный принц Charles именуется по-русски всё-таки *Чарлз*, а не *Карл*, как мы называем английских, французских и прочих королей прошлого, носивших это имя. Что здесь посоветовать переводчику? Рекомендуем следовать сложившейся практике в отношении каждого конкретного деятеля, если она прочно утвердилась, а если существуют колебания и расхождения — то следовать правилу, приведённому в предыдущем абзаце.

Похожая проблема возникает и при передаче с русского языка на английский имён русских святых и деятелей церкви, и разные переводчики решают её по-разному. Мы рекомендуем и здесь прибегать к методу транспозиции, то есть **использовать варианты имён, восходящие к именам-прототипам (библейским, латинским или греческим)**. Исходя из этого, патриарх *Алексий* по-английски — *Alexius*, *Св. Сергий Радонежский* — *St. Sergius of Radonezh* и т.д.

Если речь идёт о людях современной эпохи, нет никакой нужды «англизировать» русские имена, подставляя вместо них этимологически родственные. То есть имя *Михаил* должно корректно передаваться на английский как *Mikhail*, а не *Michael*, *Николай* — *Nikolay*, а не *Nicholas*, *Андрей* — *Andrey*, а не *Andrew* и даже *Александр* — *Aleksandr*, а не *Alexander*.

²⁸ Здесь уместно напомнить переводчику об одном нерегулярном соответствии: *Charlemagne* — *Карл Великий*.

3.1.8. Проблема передачи рода имён и фамилий

Родовой признак, или признак пола лица, выражается противопоставлением мужских и женских имён, прежде всего личных — например, Paul, Jerome, Andrew, Anthony, с одной стороны, и Judith, Jane, Sylvia, Elizabeth, с другой.

Впрочем, некоторые лингвисты оспаривают такое разграничение. Они утверждают, что использование одних имён для названия лиц мужского пола, а других — для лиц женского пола есть всего лишь «лингвистическая условность, опирающаяся на культурную традицию»²⁹. Такое мнение сложилось, по-видимому, под впечатлением наблюдений за английским языком, где у мужских и женских имён практически нет особых отличительных признаков (например, специфических родовых окончаний), а некоторое число имён могут выступать одновременно и как мужские, и как женские.

Однако эта теория не подтверждается, если обратиться к другим языкам или даже тщательнее проанализировать систему имён английского языка. Так, в Словаре английских личных имён³⁰ насчитывается менее 30 имён (из нескольких тысяч), которые в своей полной форме являются как мужскими, так и женскими (из них самые распространённые — Av(e)ril, Beverl(e)y, Carey, Carol, Clyde, Dean(e), Evelyn, Garnet, Hil(l)ary, Holly, Jesse, Jocelyn, Joyce, Leigh, Kim(ball), Leslie, Meredith, Morgan, Shirley, Sidney, Vaughan, Vivian, Wallace. Правда, имеется немалое число уменьшительных и усечённых форм (типа Alex, Bertie, Chris, Matt, Pat), которыми также могут называться лица обоего пола.

Когда совпадение мужских и женских имён в английском языке вызывает недопонимание, это явление часто рассматривается как повод для курьёзов. Один из таких курьёзов был положен в основу завязки американской кинокомедии «Ловко устроился» (Sitting Pretty): родители дают объявление о найме няни для детей, получают письмо от персонажа по имени Lynn Belvedere (кстати, именем Lynn чаще называют девочек) и лишь по приезду няни в дом обнаруживают, что это — мужчина.

²⁹ Sciarone B. Proper names and their meaning. *Studia lingüistica*, 1967, an. 21, No. 2, p. 84.

³⁰ Рыбакин А.И. Словарь английских личных имён. М., 1989.

В ряде английских антропонимов признак пола можно считать выраженным морфологически, что видно на примере таких «парных» мужских и женских имён, как: Cyril — Cyrilla; Donald — Donalda, Donaldina; Gilbert — Gilberta; Joseph — Josephine; Augustus — Augusta; George — Georgina; Patrick — Patricia. Однако такая «формальная» выраженность принадлежности к тому или иному полу носит в английском языке нерегулярный характер.

В отличие от английского, где отсутствует категория грамматического рода, в русском языке категория рода в личных именах (так же как в фамилиях и отчествах) выражается регулярно морфологически и фонетически. Лишь очень немногие уменьшительные формы личных имен (*Саша, Паша, Валя, Женя*) совпадают в формах женского и мужского рода.

В других западноевропейских языках разделение на женские и мужские имена также достаточно чёткое, однако, например, во французском или испанском языках большое число женских личных имён оканчиваются фонетически на согласный звук, который в русской традиции ассоциируется с мужским родом.

В силу этого при передаче на русском иностранных женских имён, оканчивающихся на согласный, к ним во многих случаях добавляется окончание -а (-я): Aline — *Алина*, Goneril — *Гонерилья*. В прошлом этот приём проводился регулярно, современные же разработчики правил транскрипции требуют отказа от него, то есть использования вариантов типа *Анна, Гертруд, Сибил, Женевьев, Алис, Сузан* вместо прежних *Анна, Гертруда, Сибилла, Женевьева, Алиса, Сюзанна*.

В реальной речевой практике «современные» варианты приживаются, однако, плохо: ведь в русском языке окончание на твердый согласный интуитивно ассоциируется с мужским родом; кроме того, в такой передаче эти имена не склоняются, а это, хотя и имеет место в женских фамилиях (типа *Судец, Макаёнок, Черных*), совершенно нетипично для личных женских имён русского языка.

Обратимся теперь к фамилиям. Члены одной семьи рассматриваются как носители одной и той же фамилии. Однако если в большинстве западноевропейских языков признак родственной общности выражается неизменностью фамилии в целом, то в русском, других славянских, а также балтийских языках — только основой фамилии, которая получает различное морфологическое

оформление в зависимости от пола и иногда также семейного положения. Так, в чешском, если фамилия мужчин в семье *Spigel*, то фамилия женщин — *Spiglova*. В польском: *Pataczek* (муж и сын), *Pataczkova* (жена), *Pataczkówna* (дочь).

Имеют, правда, место попытки передавать на русском языке польские женские фамилии по мужской форме: *Барбара Битнер* (*Bittnerówna*), однако я не рекомендовал бы переводчику опираться на этот принцип, так как он приводит к искажению исходной формы имени и путанице.

В английском языке признак пола фамилией человека не выражается. Тем не менее в речи имеется возможность обозначить пол человека и при обозначении его по фамилии. Это достигается с помощью титульных приложений *Mr*, *Mrs*, *Miss*. Приложения *Mrs* и *Miss*, кроме пола, обозначают ещё и семейный статус их носителей. Как известно, начиная с 1960-х годов в англоязычных обществах под влиянием феминистских тенденций было внедрено новое титульное приложение — *Ms* [*miz*] (госпожа), которое применяется в официальной обстановке для того, чтобы избежать уточнения семейного статуса женщины.

Титульное приложение *Ms* не вытеснило полностью из употребления приложения *Mrs* и *Miss*, которые используются при желании подчеркнуть, что женщина является чьей-либо супругой или дочерью. Более того, по-английски возможно даже сказать: *Mrs Henry Ford*, то есть присоединить *missis* к фамилии мужа вместе с его именем. Сама же фамилия не изменяется.

Иными словами, носители английского языка не привыкли к тому, чтобы в именовании родственников, носящих одну и ту же фамилию, имели место какие-то вариации. Это приводит к колебаниям в способах передачи русских женских фамилий на английский язык.

С одной стороны, общий принцип транскрипции требует передавать фамилию женщины так, как она пишется и звучит в оригинале. Так, фигуристка *Ирина Роднина* — по-английски *Irina Rodnina*. С другой стороны, супругу президента СССР Михаила Горбачёва именовали на Западе *Raisa Gorbachev* (а не *Gorbacheva*), в силу тесной ассоциации с мужем.

Поэтому в передаче русских женских фамилий на английский язык сложилась следующая практика. Обычно, если муж и жена упоминаются в одном контексте или если речь идёт о женщине,

муж которой также известен аудитории, женская флексия русской фамилии игнорируется и фамилия передаётся в мужском варианте: Mrs. Favorsky, Mrs. Nikolayev³¹. В остальных случаях форма женского имени передаётся по возможности ближе к оригиналу, включая и родовое окончание.

Иллюстрацией этого положения является следующая интересная цитата из логического сочинения:

By way of illustration, consider the following inference:
Valentina Tereshkova is unique in being a female cosmonaut.³²
Mrs Nikolayev is unique in being a female cosmonaut. Therefore,
Valentina Tereshkova is *Mrs. Nikolayev*.

Поскольку космонавт Николаев был известен и сам по себе, его фамилия была сохранена англоязычным автором и в именовании его жены (Mrs Nikolayev). В противном случае при передаче флексии (Mrs Nikolayeva) англоязычные читатели предположили бы наличие некоего *Mr Nikolayeva, поскольку Nikolayev и Nikolayeva не воспринимаются англичанами и американцами как одна и та же фамилия. В то же время девичья фамилия космонавта сохранила женскую флексию -а и в передаче на английский язык — Tereshkova.

3.1.9. Проблема склонения фамилий

При передаче фамилии русское соответствие, естественно, должно вписаться в грамматико-синтаксическую систему русского языка. Мужские фамилии, оканчивающиеся на согласный, склоняются и изменяются по числам («супруги *Клинтон*, *Буши*»).

В иностранных языках существует много фамилий славянского происхождения, похожих на русские фамилии с окончаниями **-ский, -цкий**. В английском написании они чаще всего оканчиваются на **-ski** или **-sky** (а в женском роде также на **-ska**). Мощная интерференция грамматической системы русского языка подталкивает к тому, чтобы при переводе оформлять их подобно русским

³¹ Ср. выразительный «обратный» пример добавления родового окончания к иностранной фамилии в русском просторечии: «Сверкающая фотография изображала дочь американского миллиардера *Вандербильда* в вечернем платье... Платье, отороченное собакой, нанесло заносчивой *Вандербильдихе* первый меткий удар» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

³² Книга, из которой взята эта цитата, писалась в то время, когда В. Николаева-Терешкова была ещё единственной женщиной-космонавтом.

фамилиям, то есть с конечной буквой -й в мужском роде и с буквой -я в женском роде.

С другой стороны, при морфологическом оформлении польских, чешских и прочих фамилий по-русски с окончаниями **-ски, -ска, -ца** ярче проявляется «национальный» колорит фамилии; точнее, ярче проявляется то, что эти фамилии принадлежат нерусским. Однако такое оформление создаёт и ряд серьёзных неудобств, поскольку вступает в противоречие со склонением русских фамилий на **-ский, -цкий**, таких как *Петровский (Петровская), Ивановский (Ивановская), Преображенский (Преображенская), Реформатский (Реформатская)* и т.п.

В результате этих противоречащих друг другу тенденций в переводных соответствиях появляются дублиеты, различающиеся окончаниями: *Малиновски — Малиновский, Малиновска — Малиновская, Вишневски — Вишневский, Вишневска — Вишневская* и т.д.

Использование усечённых фамилий приводит к определённым затруднениям:

- 1) сложность склонения фамилий с усечёнными флексиями;
- 2) практическая невозможность последовательно оформить все польские и чешские фамилии таким образом;
- 3) реальная невозможность определить в каждом конкретном случае, кому принадлежит данная фамилия в смысле его национальности³³.

Общая рекомендация переводчику: если фамилия, использованная в иностранном тексте, принадлежит лицу славянского происхождения, предпочтительнее использовать соответствие с русской флексией (**-ский, -цкий, -екая, -ца**), например *Zbingiew Brzezinski — Збигнев Бжезинский, Zapolska — Запольская*. Если же славянские корни носителя фамилии неочевидны или уходят на несколько поколений в прошлое, следует использовать усечённую несклоняемую форму фамилии (*Monica Lewinski — Моника Левински*). Если же в силу традиции или иных факторов переводчик использует усечённую женскую форму фамилии, то она не должна склоняться, например *Барбара Брьльска, к Барбаре Брьльска*.

³³ См. об этом подробнее в книге: Калауцкая Л.П. Склонение фамилий и личных имён в русском литературном языке. М.: Наука, 1984, с. 62–97.

3.2. Персоналии смешанного типа

К персоналиям смешанного типа относятся составные именованья, один из элементов которых — антропоним, а остальные элементы не являются таковыми.

Персоналии смешанного типа, так же как и собственно антропонимы, могут быть подразделены на **множественные** и **единичные**.

Множественные персоналии смешанного типа чаще всего двухэлементны и состоят из множественного антропонима и нарицательного слова. Например: *Tiny Tim* — коротышка; *Spindle Dick*, *Lanky Liz* — прозвища для худых; *Tearful Tilly* — плакса; *Holy Joe* — святоша; *Nervous Nelly* — паникёр, слабонервный и т.д.

По своей функции это, как правило, стандартные прозвища. Они выполняют образно-характеризующую функцию прежде всего благодаря наличию в них нарицательного элемента. Хотя в приведённых выше персоналиях и присутствуют антропонимы, они не обязательно соответствуют реальному имени того человека, к которому применяются в речи.

Наряду с ними существуют, особенно в детской речи, и персоналии другого рода, так называемые *stock jokes* (а по терминологии Э. Партриджа — *inseparable nicknames*³⁴). Они образуются так: к реальному имени или фамилии присоединяется слово, которое не характеризует, а создаёт забавное созвучие или обыгрывает этимологическое значение антропонима. Многие из этих *stock jokes* распространены повсеместно, например: *Dennis the Menace*, *Clumsy Claud*, *Nobby Clark*, *Tug Wilson*, *Chalky White*, *Johnny Walker*, *Spider Webb*, etc. Чтобы лучше понять функцию таких *stock jokes*, достаточно вспомнить аналогичные наименования в русской речи: *Вовка-морковка*, *Саша-с-Уралмаша*. Назовём их персоналиями второй группы.

Если в первой группе смешанных персоналий ведущую роль играет нарицательное слово (прозвище может быть применимо в принципе к любому лицу, независимо от его подлинного имени), то во второй группе стержнем наименования остаётся антропоним, так как, скажем, прозвищем *Dusty Miller* можно назвать только человека, которого действительно зовут *Miller*.

³⁴ Partridge E. Foreword. // Noble V. Nicknames. Past and Present. L., 1976.

Единичные персоналии смешанного типа имеют такую же структуру. По существу, это — популярные прозвища известных людей: Bloody Mary (Мария Тюдор, жестоко притеснявшая протестантов); Charles the Wise (французский король Карл V); the Divine Sarah (Сара Бернар, выдающаяся французская актриса).

Среди наименований такого рода много исторических, причём некоторые из них являются практически единственным способом названия исторического лица, например: Ivan the Terrible {Иван Грозный}, Bede the Honorable {Бедя Достопочтенный}, Edward the Confessor {Эдуард Исповедник}, William the Conqueror {Вильгельм Завоеватель}.

3.3. Прозвищные персоналии

3.3.1. К определению прозвищ

Понятие прозвища (nickname) в англоязычной лингвистике трактуется по-разному и в весьма неопределённых границах. Э. Партридж, определяя английский термин nicknames как «дополнения или заместители имён»³⁵, противоречит этому определению, когда в понятие nicknaming включает пренебрежительное или фамильярное использование дериватов личных имён, например: *Betsy plays magnificently in Wimbledon doubles*³⁶ (газетный заголовок: «*Бетси* великолепно сыграла в парных соревнованиях на Уимблдонском турнире»). Иногда к nicknames причисляются уменьшительные формы личных имён.

Иными словами, единообразия в том, что считать прозвищем, нет. Похоже, что зарубежные лингвисты пользуются чисто интуитивным представлением об этой лексической категории.

В русской ономастике прозвище рассматривают как вид антропонима — дополнительное имя, данное человеку окружающими в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-либо аналогии³⁷.

³⁵ Ibid., p. IX.

³⁶ Partridge E. Usage and Abusage: a Guide to Good English. Middlesex, 1976, p. 202.

³⁷ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978, с. 115.

Лингвистов, исследующих прозвища с этой точки зрения, интересуют чаще всего мотивация и конкретные причины, приводящие к возникновению прозвища у конкретного человека. Такой исторический подход может быть интересен, однако мотивация прозвища может оказаться подвижной, она уточняется и меняется.

Кроме того, причина возникновения прозвища может оказаться настолько случайной, что в современном употреблении прозвище иногда ощущается как немотивированное. Так, маршал авиации времён второй мировой войны Артур Конингем имел прозвище *Maui*. Оно образовалось из слова *Maori* («маори», новозеландская народность), которым маршала звали первоначально, поскольку ранее он служил в Новой Зеландии.

Американский адмирал У. Холси, отличавшийся мягким характером, получил тем не менее прозвище *Bull* из-за ошибки журналиста, который давал о нём материал в газету и, печатая на пишущей машинке его имя *Bill*, нажал вместо *i* на соседнюю литеру *u*.

Леди Эдит Ситуэлл с детства сохранила за собой кличку *Dish* — так когда-то выговаривал её личное имя младший братишка.

Все три приведённых выше прозвища экспрессивны и как будто бы мотивированы, но лежащие в их основе образы отнюдь не характеризуют носителей прозвищ.

Способность прозвищ возникать благодаря совершенно неожиданной мотивации, которая затем не поддаётся расшифровке, удачно подметил и обыграл Л. Кэрролл в своей сказке «Алиса в Стране чудес»:

"The master was an old Turtle — we used to call him *Tortoise*—"

"Why did you call him *Tortoise* if he wasn't one?" Alice asked.

"We called him *Tortoise* because he *taught us*," said the Mock Turtle angrily...

Здесь причиной возникновения прозвища, по Кэрроллу, становится простое созвучие *tortoise* ['tɔ:təs] — *taught us* ['tɔ:təs]. В сказке это звучит комично, но, как мы убедились в случае с прозвищем *Maori* — *Mary*, подобный путь происхождения прозвищ имеет место и в действительности.

То, как подошли к переводу вышеприведённого отрывка разные переводчики «Алисы в Стране чудес», мы рассмотрим далее, в §3.3.2.4 на стр. 101.

Рассматривая прозвища не с точки зрения их возникновения, а с точки зрения употребления, можно отвлечься от конкретных мотивов наречения человека прозвищем и даже от того, насколько смысл прозвища соответствует реальным качествам его носителя. Большинство прозвищ, конечно, образны, но эта образность имеет обобщённый характер. Одни прозвища действительно называют какую-то черту характера или внешнюю примету; другие же расплывчато-образны, допускают различные толкования или вообще не связаны с характеристиками человека.

Кроме того, имеется довольно большая группа прозвищ, у которых мотивация или внутренняя форма отсутствует (чаще всего это отфамильные прозвища типа Соор от Соорег, Willie от Wilson, Rocky от Rockefeller и т.п.). Функция таких прозвищ не в том, чтобы как-то характеризовать человека, а просто в использовании нестандартного способа именования, в трансформации антропонима, что (по аналогии с варьированием личных имён) придаёт им эмоционально-оценочную насыщенность.

Итак, **прозвище** можно охарактеризовать как **неофициальное экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, употребляемое в дополнение к антропониму или вместо него.** (Отметим попутно, что у человека может быть много прозвищ.)

3.3.2. Основные типы прозвищ

При попытке отнести прозвище к тому или иному типу можно использовать различные критерии:

- а) зависимость прозвища от ситуации;
- б) состав прозвища;
- в) характер коммуникативной сферы, в которой прозвища становятся индивидуальными;
- г) степень характеристики референта.

3.3.2.1. Классификация прозвищ по степени зависимости от ситуации

Говоря о зависимости прозвища от ситуации, начнём с так называемых **ситуативных** прозвищ, возникающих в конкретной речевой ситуации по определённому поводу. Прозвище образуется, если какому-либо характеризующему слову или словосочетанию придаются формальные признаки антропонима (то есть его

пишут с прописной буквы, а иногда также добавляют к нему титульные приложения).

Ситуативные прозвища возникают прежде всего тогда, когда имя референта неизвестно или не имеет значения, но человека требуется как-то выделить среди остальных.

Then the boss spied a fellow at the far end of the soda fountain, a tall, gaunt-shanked, malarial, leather-faced side of jerked venison, wearing jean pants... Old *Leather-Face* didn't show.

(R.P. Warren)

Потом он заметил у дальнего конца стойки высокого тощего малярика, наружностью напоминавшего вяленую оленину, обтянутую дублёной кожей, в джинсах... *Кожаная Морда* не выразил чувств.

(Пер. В. Голышева)

В этом примере один из ассоциативных признаков в описании человека (*leather-faced side of jerked venison* — «та сторона куска вяленой оленины, с которой осталась кожа») послужил достаточно удобным основанием для прозвища, которое потребовалось при повторном упоминании человека.

Но ситуативные прозвища — не просто удобные заместители имён. Они заключают в себе способ дать человеку такую лаконичную характеристику, какая в противном случае могла бы потребовать более развернутой формулировки:

I had twitted her about going out with a jerk who worked in an office and she had been angry. "He's better than those candy-store bums you hang out with," she had retorted. I decided to go up there and see what *Miss High-and-Mighty* was doing.

(H. Robbins)

Я часто дразнил её, говоря, что она гуляет с конторской крысой, и это её страшно бесило. «Да уж он получше будет тех бездельников из кондитерской, с которыми ты тусуешься», — парировала она. Я решил подняться на крышу и проверить, чем там занимается эта *мадам Задавака*.

(Пер. Д.Е.)

В английском языке очень продуктивной является модель образования прозвищ на основе прилагательного, нарицательного существительного или глагольного сочетания, к которым добавляются титульные приложения *Mr, Miss, Mrs, Lady, Sir* и некоторые другие. Такие прозвища, как правило, используются по

конкретному поводу, однократно или несколько раз в пределах одной ситуации. Они не особенно устойчивы.

Если же прозвище закрепляется за человеком в различных ситуациях, то такое прозвище можно определить как **внеситуативное**.

В одних случаях функции внеситуативного прозвища может выполнять нарицательное наименование, отражающее более или менее постоянные признаки человека, например: Boss — *Хозяин*, Crookback — *Горбун*, Nosey — *Носатик*, the Dancing Chancellor — *Танцующий канцлер* (прозвище К. Хаттона, английского канцлера XVI века, известного своим искусством танцевать).

В других случаях прозвища основаны на случайных признаках человека или разнообразных ассоциациях. Если такие прозвища обретают устойчивость, то есть используются более или менее регулярно применительно к одному и тому же человеку, они часто теряют связь с первоначальной мотивировкой.

Перечислим несколько подобных прозвищ: Buffalo Bill — прозвище американского импресарио У. Коди, постановщика развлекательных шоу; Capability Brown — прозвище английского архитектора Л. Брауна, часто повторявшего "It's capable" или "It has great capabilities" («В этом что-то есть», «В этом заложен большой потенциал»); Elvis the Pelvis — прозвище эстрадного певца Элвиса Пресли, обязанного этой кличкой своей манере мелко трясти бедрами во время выступлений; the It Girl — американская киноактриса К. Боу, сыгравшая главную роль в кинофильме «Оно» ("It") 1927 года; Hopeless — прозвище американского комика Боба Хоупа, полученное в результате перестановки его подлинного имени и фамилии — Les Hope.

3.3.2.2. Классификация прозвищ по их составу

Особенности прозвищ во многом зависят и от их состава, то есть от того, из какого рода словесных знаков они построены. В зависимости от этого можно выделить три вида прозвищ: антропонимические, смешанного типа и несобственные.

Антропонимические прозвища основаны на формальном преобразовании антропонима, чаще всего фамилии или именования, включающего фамилию.

Если формальные варианты личных имён не приводят к образованию прозвищ (вариативность личного имени санкционирована

социальной нормой), то формальное преобразование фамилий — явление иного порядка: стандартное использование фамилий включает наличие вариантов. Поэтому именованья, основанные на трансформации фамилии человека, следует относить к прозвищам.

Выделяются следующие способы образования антропонимических прозвищ:

а) **Усечение фамилии** (возможно при этом добавление суффиксов -у, -ie, -ey, -s), например: Coop (от Cooper), Bogie (от Bogart), Dizzy (от Disraeli), Goldy (от Goldsmith), Rick (от Rickenbacker), Rocky (от Rockefeller). Подвергаться усечению могут и фамилии иностранцев: так, когда Наполеон грозил вторжением в Англию, газеты использовали презрительную кличку Boneу (от Bonaparte); во второй мировой войне японский министр иностранных дел Shigemitsu (Сигемицу) получил в Америке прозвище Shiggy. Ещё более недавний пример — Gorby, популярное на Западе именованье советского лидера М.С. Горбачёва.

Реже преобразованию подвергается и среднее имя. Так, в середине 1970-х годов прозвище Wedgie получил в газетах британский министр промышленности Anthony Wedgwood Benn³⁸.

б) **Аббревиация именованья**, чаще всего из начальных букв имени и фамилии, реже по другому принципу, например: GBS (George Bernard Shaw), LBJ (Lyndon Baines Johnson), GG (George Grossmith), Jix (William Joynson-Hicks), Casey (K.C. Smith), FDR (Franklin Delano Roosevelt)³⁹.

В целом возможности формальных преобразований ИС весьма ограничены. Прозвища, образованные этим способом, разнообразны, но обладают расплывчатой эмоциональной оценочностью, варьирующейся от пренебрежительной до интимно-доброжелательной коннотации.

³⁸ Аналогичным (и столь же нечастым) явлением в русском языке является образование прозвищ от отчеств. Актриса Ольга Аросева рассказывает в своих воспоминаниях, что учившаяся вместе с ней в театральном училище Вера Кузьминична Васильева, впоследствии народная артистка СССР, получила от однокурсников прозвище «Кузя» (Аросева О.А., Максимова В.А. Без грима. М., 1999, с. 133).

³⁹ Этот способ именованья прозвищ характерен и для русского языка (ЧВС — Черномырдин Виктор Степанович, ВВП — Владимир Владимирович Путин). Кроме того, известны прозвища, образованные по принципу сложно-сокращённых слов. Такими прозвищами, например, награждали своих учителей воспитанники школы, описанной Л. Пантелеевым и Г. Белых в книге «Республика ШКИД» (Викниксор — Виктор Николаевич Сорока-Росинский и др.).

Прозвища **смешанного типа** состоят из двух лексических элементов: антропонимического и нарицательного (оценочного, образного или характеризующего). Среди этой группы прозвищ можно, в свою очередь, выделить несколько подгрупп в зависимости от того, как распределяется смысловая нагрузка прозвища между его элементами.

Отметим прежде всего наличие подгруппы **эквицентрических** прозвищ, в которых антропонимический и нарицательный компоненты имеют более или менее одинаковое смысловое значение. Антропонимический элемент (одно из подлинных имён человека) является главным индивидуализатором, а нарицательный элемент характеризует его по каким-либо внешним или деятельностным признакам.

В качестве примеров можно привести следующие прозвища: *the Divine Sarah* — выдающаяся французская актриса Сара Бернар; *Long Tom* — Томас Джефферсон; *Dismal Denis* — Денис Хили, деятель лейбористской партии Англии; *Guitar Baker* — М. Бейкер, американский гитарист; *Wild Bill* — Уильям Донован, один из руководителей американской разведывательной службы.

Другая подгруппа прозвищ смешанного типа — **эндоцентрических** — отличается тем, что ведущую роль в них играет антропоним, а второй элемент лишь условно характеризует референта, так как основная его нагрузка — эффект созвучия (например, *Tricky Dickie*, *Dennis the Menace*, *Eustace the Useless*). Среди эндоцентрических прозвищ особо следует отметить так называемые «неизбежные» прозвища, основанные на наиболее распространённых фамилиях, — по терминологии Э. Партриджа, *inseparable*, или *inevitable nicknames*⁴⁰. Наричательный элемент в них основан обычно на ассоциации, например *Chalky White*, *Spider Webb*, *Knocker Walker*, *Dusty Rhodes* (созвучное *dusty roads*), *Doughy Baker*. Правда, во многих случаях ассоциация, которая легла в основу созвучия, отмерла, и само «неизбежное» прозвище лишается внутренней формы, но сохраняется в силу традиции, как в следующих случаях: *Tug Wilson*, *Gunboat Smith*, *Nobby Clark*, *Shiner Wright*.

Элементом эндоцентрических прозвищ может быть не только нарицательное слово, но и второй антропоним, который также ассоциативен и «воссоздаёт» какое-либо широко известное именование, например *Wiikie Collins* (по именованию писателя),

⁴⁰ Partridge E. Here, There and Everywhere: Essays upon Language. L: Hamish Hamilton, 1950, p.21.

Tod Hunter (по автору школьного учебника), *Dolly Gray* (по названию песенки), *Johnny Walker* (по названию виски).

Наконец, в **экзоцентрических** прозвищах ведущую роль играет, наоборот, нарицательное слово, выражающее какую-либо существенную характеристику во внешнем или деятельностном признаке. Основаны они чаще всего на множественном антропониме. Антропоним выступает обычно в форме деривата, если это личное имя, а нарицательный элемент часто бывает выражен прилагательным (реже атрибутивным существительным). Например: *Merry Andrew* «шут, весельчак», *Clever Dick*, *Smart Alec* «всезнайка, умник», иногда «ловкач, хитрец»; *Spotty Dick* — прозвище веснушчатого; *Ginger Tom* — прозвище рыжего; *Fatty Harbuckle* — прозвище полного; *Holy Joe* — священник или ханжа; *Tiny Tim* — «коротышка».

Что же касается антропонима, то он является в составе такого прозвища весьма условным именем, так как не обязательно совпадает с подлинным именем человека. В противоположность эндоцентрическим прозвищам в данном случае именно антропонимический элемент «подстраивается» к нарицательному на основе созвучия — аллитерации или рифмы (как в прозвищах *Bony Moroney*, *Plain Jane*, *Silly Billy*, *Dumb Dora*, *Lanky Liz*, *Baldy Bain*, *Tearful Tilly*, *Dirty Dick*, *Nervous Nelly*, *Waterworks Willie*, *Tiny Tim*, *Clumsy Claude*).

В то же время различные подгруппы прозвищ смешанного типа не изолированы друг от друга. Одно и то же прозвище может выступать то в одном, то в другом качестве. Так, прозвище *Long Tom*, которое можно отнести к эквицентрическим, когда оно применяется по отношению к Томасу Джефферсону, одновременно принадлежит и подгруппе экзоцентрических, обозначая любого высокого человека.

Наконец, **несобственные** прозвища содержат лишь нарицательные элементы. Структурно они могут быть однословными (ср. *Spike*, *Bull*, *the Duke*) и неоднословными (*Ugly Mug*, *Desert Demon*, *the Lady of the Lamp*); быть оформлены как различные части речи (существительное — *the Brewer*, *Buster*, *Chips*; прилагательное — *Lucky*, *Precious*, *Shorty*, *Fatso*; глагол — *Mr. Know-All*, *Moan-a-Lot*, *Bell-the-Cat*); употребляться с определённым артиклем или без него. В частности, интересной особенностью прозвищ, совпадающих с нарицательными именами, является видное отсутствие какой-либо закономерности в наличии при них артикля. Сравните, например, два отрывка:

They went out into the garden. The girl nicknamed *the Mouse*, still barefooted and in white Arab garb, came obliquely across the lawn...

(J. Fowles).

The girl's right hand had been badly burned... The girl, whom he called *Sparrow* from the beginning of his account, had turned up on one of the farms doing menial labor.

(D. Rorvik).

Они вышли в сад. Девушка по прозвищу *Мышь*, по-прежнему босая и в том же белом арабском наряде, шла по лужайке...

(Пер. К. Чугунова)

Правая рука у девушки была сильно обожжена... Девушка, которую он с самого начала окрестил *Воробьем*, попала ему на одной из ферм, где была занята на тяжелой физической работе.

{Пер. Д.Е.}

Оба прозвища, которые мы здесь находим, — *the Mouse* (Мышь) и *Sparrow* (Воробей) — совпадают с нарицательными существительными, причём одного и того же семантического поля (животные), но одно из них постоянно употребляется с артиклем, а другое нет. Одно и то же прозвище *Fox* (Лис) применялось без артикля применительно к восьмому президенту США М. Ван Бурену и с артиклем — применительно к германскому фельдмаршалу Роммелю. Английского генерала Уэйвелла звали *the Wizard* (Мудрец), а это же прозвище без артикля носил сэр Алан Брук, отличившийся при Дюнкерке.

К несобственным прозвищам мы относим также те, что образованы из ИС, не принадлежащих данному лицу. Это могут быть множественные или единичные ИС, выступающие в переносной функции (если, конечно, они постоянно закрепляются за человеком в качестве постоянного прозвища): *Gulliver*, *Goliath* (Гулливер, Голиаф — прозвища высоких), *the British Solomon* (Британский Соломон, прозвание Иакова I), *Canadian Kipling* (Канадский Киплинг — именование писателя Р. Сервиса, 1874—1958), *the Prometheus of the Pleasure Principle* (Прометей Удовольствия — прозвание импресарио Барнума), *Sindbad the Tailor* (Синдбад-Портной, прозвище лорда Шинуэлла, деятеля союза швейников г. Глазго).

Широко используются в составе несобственных прозвищ географические названия: *the Bard of Avon* (У. Шекспир), *the Bishop of Fleet Street* (Х. Суаффер, известный в прошлом журналист), *the Maid of Orleans* (Орлеанская Дева — Жанна д'Арк), *the Welsh Wizard* (Д. Ллойд-Джордж).

Подразделение прозвищ на указанные выше группы по их составу весьма условно. Дело в том, что многие прозвища соединяют в себе характеристики различных категорий. Так, формальное преобразование антропонима часто даёт прозвища, совпадающие с нарицательными словами. Уже приводились прозвища Dish (от Edith), Hopeless (от Les Hope). Этот список можно продолжить. Так, газетный магнат лорд Бивербрук (Beaverbrook) получил от журналистов прозвище the Beaver (Бобер); лейбористского деятеля Антони Веджвуда Бенна газеты наградили прозвищем Wedge, Wedgie и нередко обыгрывали его в значении «клин раскола». В школе, где прозвище получает практически каждый, соученики редко упускают возможность обыграть подлинное имя: так, Vera Dull получает кличку Very Dull; Daphne становится Daffy, Celia — Silly и т.д.

С другой стороны, внутренняя форма несобственных прозвищ может быть неясной или вообще отсутствовать. Например, прозвище джазового трубача Луиса Армстронга — Satchmo — образовалось из satchel mouth «рот-сумка». С фонетическим преобразованием прозвища его смысл исчез для постороннего уха.

3.3.2.3. Множественные и единичные прозвища

Прозвища, как и антропонимы, можно также подразделить на **множественные и единичные**.

Единичные прозвища должны быть известны в широкой коммуникативной сфере. Так, в 1960-е годы всем в США было хорошо известно, кто такая Ladybird («Божья Коровка», это прозвище носила супруга 36-го президента США Л. Джонсона). С другой стороны, не менее известная Элеонора Рузвельт (жена президента Ф.Д. Рузвельта, видная правозащитница) имела в семейном кругу прозвище Totty, которое не стало достоянием общественности и поэтому не может быть отнесено к единичным.

Среди единичных прозвищ во всех языках выделяются такие, которые построены на основе описательной характеристики, часто весьма поэтичной: the Bard of Avon — У. Шекспир; the Sage of Chelsea — Т. Карлейль (шотландский историк и философ XIX века); the Peasant Bard — поэт Р. Бернс; the Angelic Doctor — Фома Аквинский (средневековый итальянский философ); the Father of History — древнегреческий историк Геродот.

Такие прозвища служат почти исключительно для того, чтобы избежать повторной прямой номинации деятеля его собственным именем. Можно видеть, что им присуща определённая книжность.

Некоторые прозвищные именованья образуются путём простого присоединения к антропониму какого-либо эпитета типа Great, Magnificent, Admirable, Wonderful и т.п. Особенна характерной в прошлом была практика присоединения эпитета Great (Великий) к именам царствующих особ. Следует иметь в виду, что традиция эта не во всех случаях одинакова в разных языках. Так, если в английском языке этот эпитет постоянно присутствует в именовании Alexander the Great, то в русском языке этого исторического деятеля всё-таки чаще зовут Александром Македонским, чем Александром Великим.

Что касается множественных прозвищ, то они во всех языках бесконечно разнообразны и практически необозримы. Однако среди них выделяется ядро, образующее своеобразную номенклатуру. Это типичные, можно даже сказать, стандартные прозвища, основное свойство которых в том, что они регулярно употребляются в отношении людей с определёнными характеристиками.

Стандартность и регулярность многих множественных прозвищ объясняется тем, что внешние признаки и свойства поведения и характера, как наиболее доступные для наблюдения и самые объективные в восприятии человека другими людьми, являются главным основанием для характеризующей прозвищной номинации.

Попробуем систематически представить некоторые категории множественных прозвищ английского языка. Имеющийся в нашем распоряжении материал подразделяется на следующие группы наиболее типичных прозвищ (большинство этих прозвищ имеют разговорно-сниженный характер):

- 1) **Прозвища, указывающие на внешний вид в целом:** Buttercup, Cookie, Bunny (все — прозвища красивых девочек); Scarecrow, Goofy, Ugly Mug, Fish Face, Monkey Face, Horse Face, Toad, Owl (прозвища некрасивых); Slob, Dirty Dick, Stinky, Fleabait (прозвища нерях).
- 2) **Прозвища, указывающие на рост и особенности телосложения:** Lanky, Lanky Liz, Lanky Panky, Bony Moroney, Bony Melony, LSD (Long Skinny Davy), Skinny Liz, Skinny Minnie, Spindle Dick, Thinima (прозвища худых); Long, Longshanks, Longfellow, Long John Silver, Tall Paul, Spike, Skylon, Gulliver, Goliath, Tower of London, Everest, Wagstaffe, Stretch (прозвища высоких); Fatty, Fatso, Fatima, Buster, Billy Bunter, Bessy Bunter, Billy Harbottle / Arbuckle / Arbicle, Tubby (прозвища полных); Shorty, Tiny, Tiny Tim, Tom Thumb, Titch, Midge (прозвища низкорослых).

- 3) **Прозвища, указывающие на особенности отдельных частей тела и детали внешнего облика:** Big Head, Buffhead, Melon Head (большеголовый); Big Mouth (большеротый, а также болтливый); Bow Legs (кривоногий); Freckles, Spotty Dick (веснушчатый); Red, Rusty, Ginger (Tom), Blue, Bluey, Carrot Top, Gingernut, Boodnut (рыжий); Baldy, Skinhead (лысый или бритый); Goldilocks, Goldy (блондинка); Fuzzy (курчавый); Peggy Parrot (с большим носом); Wingnut (лопоухий); Specky, Four-Eyes («очкарик»).
- 4) **Прозвища, указывающие на привычки и особенности поведения:** Slow Joe (ленивый); Speedy (шустрый); Limpy (хромой); Lefty (левша); Gabby (болтливый); Merry Andrew (весёлый); Flash Harry (тот, кто любит работать напоказ); Marred Lip, Moan-a-Lot, Waterworks Willie, Tearful Tilly, Mona Lisa, Crybaby Joe, Whiner (плакса); Tom O'Dream (сонный или рассеянный человек); Lost Lawrence (тот, кто часто отсутствует или опаздывает); Gobble Gobble Girty, Hungry Horace (жадина).
- 5) **Прозвища по этническому или расовому происхождению:** Mick, Paddy (ирландец); Jock, Mack, Sandy (шотландец); Taffy (выходец из Уэльса); Frog, Froggy (француз); Moses, Ikey (еврей); Yank(ee), (Brother) Jonathan {*брут*, американец); Bluenose (канадец); Jap (японец); Chink (китаец); Aussie (австралиец); Limey, Limejuicer {*амер.* англичанин); Fritz, Heinie, Kraut, Boche, Jerry (немец); Jim Crow, Uncle Tom (негр); Charlie (белый американец — в речи негров).
- 6) **Прозвища по занимаемому положению, профессии, занятию:** the Boss, the Gaffer, the Guv'nor (начальник, директор); Chips (столяр); Spuds (садовник); Mrs Mopp (уборщица); Billy (полицейский); Holy Joe (священник).
- 7) **Прозвища, содержащие субъективную оценку общего характера:** Buddy, Bub, Pops, Precious, Peanuts, Goo Goo (общая положительная оценка); Sneer, Boo (неприязненная оценка).
- 8) **Прозвища, содержащие оценку умственных способностей:** Clever Dick, Smart Alec, Tricky Dickie, Fox (умный, хитрый); Birdbrain, Saphead, Jughead, Thickhead, Dumb Dora, Numb Scull, Silly Billy, Thick Mick, Nutcase (глупый, недалекий); Tom O'Bedlam, Tom Fool (ненормальный).

3.3.2.4. Прозвища в аспекте перевода

При переводе текстов, содержащих прозвища, важно уяснить, к какому типу относится то или иное прозвище английского языка, так как эквивалентное соответствие должно быть прежде всего функциональным. Иначе говоря, необходимо стремиться к тому, чтобы русское прозвище в той же мере обнаруживало зависимость от ситуации, от подлинного антропонима или содержало указания на те же признаки своего носителя.

При переводе **ситуативных прозвищ** (см. § 3.3.2.1) нужно в той же мере сохранить их ориентированность на определённую ситуацию, яркую мотивированность образной номинации, как это сделано в следующем примере:

I'm through with behaving like the Madame of a private bordello for him, taking down telephone numbers for him, saying, "Mr Brenner is busy now, Yvette or Odile or Miss Big Tits, can he call you back?"

(I. Shaw)

Хватит с меня разыгрывать роль хозяйки его персонального борделя, записывать номера телефонов и говорить: «Мистер Бреннер сейчас занят, Иветта — Одилия — мисс Большое Вымя. Может ли он вам позвонить?»

(Пер. К. Чугунова)

Иногда ситуативные прозвища вполне адекватно передаются и просто словосочетанием из нарицательных слов. В противоположность этому **внеситуативные прозвища** должны иметь постоянный эквивалент в тексте перевода, поскольку такие прозвища служат для индивидуализации человека и не могут быть опущены. Существенно при этом то, насколько актуальна мотивированность прозвища.

Скажем, героя одного из рассказов О. Генри зовут Soapy — то есть кличкой, совпадающей по форме с прилагательным soapy «мыльный». Всё же мотивации этого прозвища из рассказа не ясна, а подлинное имя персонажа не называется. Поэтому прозвище здесь уже как бы выполняет функции антропонима, и переводчики применили ономастическое соответствие — *Сопи*.

Однако, если мотивация прозвища обосновывается контекстом, она воссоздаётся и в переводе. Так, в одной из повестей Г. Роббинса среди персонажей встречается подросток по имени

Spit, о котором говорится, что он брызжет слюной при разговоре. Понятно, за что он получил своё прозвище, и в переводе его можно назвать, например, *Слюнявый*. Ещё пример:

His name was O'Shean, but they called him *Sugar-Boy* because he ate sugar. Every time he went to a restaurant, he took all the cube sugar there was in the bowl.

(R. Warren)

Фамилия его была О'Шин, а *Рафинадом* его звали потому, что он вечно сосал сахар. Каждый раз, уходя из ресторана, он забирал из вазочки весь кусковой сахар.

(Пер. В. Голышева)

Ассоциация, вызвавшая к жизни то или иное прозвище, может быть настолько случайной, что потом не поддаётся расшифровке. В художественных произведениях с использованием прозвищ такая ассоциация часто раскрывается в тексте. Но если она основана на забавных созвучиях, игре слов, перед переводчиком встают сложные задачи. Он должен воссоздать процесс и характер прозвищной номинации, используя средства русского языка.

Рассмотрим такой пример. В повести П. Х. Джонсон одного из персонажей зовут *Hairy*, буквально «Волосатик». Так и можно было бы передать это прозвище на русском языке, если бы в книге не раскрывалась ассоциативная связь, лежащая в основе этого прозвища: *Hair Apparent* — *Hair* — *Hairy*.

"*Hairy*?" Toby asked, astonished by this nickname.

"*Hair Apparent*. That's what we call him."

(P. Johnson)

— С *Перчиком*? — переспросил Тоби, удивлённый этой странной кличкой.

— Ну да, будущий пэр, пэрчик. Он же *Перчик*.

(Пер. С. Митиной)

Переводчица построила по-русски такую ассоциативную цепочку: *пэр* — *пэрчик* — *перчик*. Такая новая игра слов даёт наименование с иной мотивировкой, чем в оригинале, сравните: *Hairy* — *Перчик*. Но это оправдано, так как для использования подобного внеситуативного прозвища его происхождение не имеет существенного значения. Мотивация, основанная на случайной ассоциативности, возникает при начальном акте номинации и гибнет при последующих.

В силу этого у разных переводчиков одного и того же произведения эквивалентные соответствия в подобных случаях могут и не иметь ничего общего между собой. В этом легко убедиться, если рассмотреть различные варианты перевода уже приводившегося выше отрывка из сказки Л. Кэрролла. Приведём его ещё раз.

"The master was an old Turtle — we used to call him *Tortoise*—" "Why did you call him *Tortoise* if he wasn't one?" Alice asked. "We called him *Tortoise* because he *taught us*," said the Mock Turtle angrily...

1. Мы называли его *сухопутной черепахой*... Мы называли его так, потому что *он двигался очень медленно*.

(Издание т-ва И.О. Вольф, без указания переводчика)

2. Учительницей была старая Черепаха, но мы обычно звали её *Жучихой*.

— Почему же вы называли её *Жучихой*, если она не была *Жучихой*? — спросила Алиса.

— Ведь она ж *учила нас*!

(Пер. А. Щербакова под ред. М. Лорие)

3. — Он был *Питон*\ Ведь мы — его *питонцы*!

(Пер. Б. Заходера)

4. Учительницей у нас была тётя Черепаха. Но мы её звали *Черемама*.

— Вот странно! Почему? — удивилась Алиса.

— *Не называть же тётю Черепапа*\

(Пер. Л. Яхнина)

5. У нас был старый, строгий учитель, мы его звали *Молодым Спрутом*... Мы его звали так потому, что он всегда был с *прутиком*.

(В. Набоков. «Аня в стране чудес»)

6. — Мы его звали *Спрутиком*, потому что он всегда ходил с *прутиком*.

(Пер. Н. Демуровой)

Перед переводчиками стояла нелёгкая задача: создать прозвище, мотивацией которого была бы смешная игра слов, основанная на созвучии, и при этом не слишком удалиться от «морской» семантики самого прозвища (*Tortoise* — морская черепаха).

В примере (1) переводчик вовсе отказался от использования прозвищ, но и юмористического эффекта, пожалуй, не добился. В примере (2) придумано прозвище *Жучиха* (далёкое от морской тематики), однако оно не слишком созвучно словам, предлагаемым как мотивация, — «она *жучила* нас». Перевод (4) получился довольно смешным, однако мотивация (Черепашу называли *Черемама*, потому что не называть же её *Черепана*) всё-таки мало логична, что нехарактерно для Кэрролла, у которого даже в выстраиваемом им абсурдном мире есть своя логика. Да и приём, который используется для создания юмористического прозвища, весьма далёк от применяемого Кэрроллом.

Пожалуй, наиболее удачными следует признать варианты Б. Заходера (3) и Н. Демуровой (6), хотя только в последнем точно воспроизводится сам принцип, по которому образовано прозвище в оригинале (омофония слова и словосочетания). Нельзя не отметить и сходность решений В. Набокова и Н. Демуровой, использовавших практически одну и ту же игру слов, хотя, согласно статье Н. Демуровой, описывающей её работу над переводом, она не была знакома с вариантом Набокова, выполненным намного раньше. Странно только, что Набоков создал прозвище не на основе прямой омонимии (*Спрутик*), а почему-то использовал перифразу (*Молодой Спрут*) — явно в ущерб ясности и эффектности игры слов.

Обратимся теперь к качественно-смысловой структуре прозвищ с точки зрения соответствий в переводе. В категории антропонимических прозвищ (§ 3.3.2.2) необходимо отметить **трудность сохранения английских аббревиатур в русском языке**. Это сужает возможности передачи таких прозвищ:

LBJ, now, as soon as he got his four-year guarantee, went into Vietnam where nobody wanted us... *LBJ*, he was an *FDR* man.

Джонсон, как только получил гарантию на четырёхлетний президентский срок, полез во Вьетнам, куда нас никто не просил... *Джонсон* был человеком *Рузвельта*.

(1 Updike)

(Пер. Д.Е.)

Тот факт, что аббревиатурное прозвище является сокращенной формой ИС, делает возможным заменить в переводе сокращение на антропоним.

Бывает, что **антропонимические и эндоцентрические прозвища сочетают ориентацию на антропоним и ассоциативную игру слов**. Когда желательно эту игру слов воспроизвести, приходится опираться на иные ассоциации, которые могут возникнуть у русского в связи с формой иностранного имени.

В пьесе Ш.О'Кейси один из персонажей — домовладелица мисс Мосси, которую жильцы в шутку называет *the Mossie one*, ассоциируя это имя со словом *moss* «мох». Возможен следующий вариант его передачи по-русски:

<p>Speak lower, Angela, or you'll have <i>the Mossie one</i> down on top of us!</p>	<p>Тише, Анджела, а то эта <i>Моська</i> сейчас сюда нагрянет и всем задаст!</p>
<p>(S. O'Casey)</p>	<p>(Пер. Д.Е.)</p>

Эквицентрические прозвища смешанного типа в большинстве случаев поддаются покомпонентному переводу, при котором ИС передаётся автоматически, а нарицательное слово — ближайшим нарицательным соответствием в русском языке (например, *Long John* — *Долговязый Джон*, *Wild Bill* — *Дикий Билл*). Если же прозвище смешанного типа относится к категории экзоцентрических, то сохранение ономастического элемента в нём возможно лишь в том случае, если в русском языке уже имеется устойчивое соответствие такого рода:

<p>The next morning at 11 o'clock when I was sitting there alone, an <i>Uncle Tom</i> shuffles into the hotel and asked for the doctor to come and see Judge Banks...</p>	<p>На следующее утро в одиннад- цать, когда я сидел в номере один-одинёшенек, является ко мне какой-то <i>дядя Том</i> и про- сит, чтобы доктор пожаловал на квартиру к судье Бэнксу...</p>
<p>(O. Henry)</p>	<p>(Пер. К. Чуковского)</p>

Прозвище негров *Uncle Tom*, обязанное своим происхождением книге Г. Бичер-Стоу, и в своём русском варианте — *дядя Том* — воспринимается в том же значении.

Подвидом прозвищ смешанного типа являются многие **имена русских сказочных и фольклорных персонажей** (*Иванушка-дурачок*, *Варвара-краса*, *Василиса Премудрая*, *Кощей Бессмертный*). При их передаче на английский язык удобно использовать конструкцию

«антропоним + the + прилагательное или характеризующее существительное»: Ivan the Fool, Varvara the Beautiful, Vasilisa the Wise, Koshchey the Deathless.

Соответствия **несобственных прозвищ**, как и всех других прозвищ, имеющих в своём составе нарицательный элемент, основываются на стремлении переводчика воссоздать образ и (если она присутствует) характеристику, заложенную в прозвище. При этом нужно учитывать, что в русском языке, как и в английском, существуют стандартные способы прозвищной номинации, своя номенклатура прозвищ по внешним и другим признакам. Это накладывает свои ограничения на возможные варианты передачи.

Так, прилагательные *little* и *tiny*, которые в английских прозвищах встречаются очень часто, крайне редко передаются, казалось бы, подходящим прилагательным *маленький*. Для русского языка естественнее включить в состав прозвища слова *малыш* или *крошка*, например:

Mrs Stark — Lucy Stark,
the wife of the Boss — *Tiny*
Duffy, and I were in the back
seat — Lucy Stark between
Duffy and me.

(R. Warren)

Миссис Старк (Люси Старк,
жена Хозяина), *Крошка* Дафи
и я сидели сзади. Люси
Старк — между *Крошкой* и
мною.

(Пер. В. Голышева)

Показательны в этом смысле и способы перевода различных прозвищ в следующем отрывке из рассказа О. Генри.

Such names as *Shorty*,
Bowlegs, *Texas*, *Lazy Bill*,
Thirsty Rogers, *Limping Riley*,
The Judge and *California Ed*
were in favor.

(O. Henry)

Особенно в ходу были
клички вроде: «*Коротыш*»,
«*Криволапый*», «*Техасец*»,
«*Лежебока Билл*», «*Роджер-*
выпивоха», «*Хромой Райли*»,
«*Судья*» и «*Эд-Калифорния*».

(Пер. М. Урнова)

Можно заметить, что соответствующие друг другу прозвища образованы от различных частей речи: прилагательные в английских прозвищах чаще соответствуют русским прозвищам-существительным {*Коротыш*, *Лежебока-Билл*, *Роджер-Выпивоха*).

ГЛАВА 4. Прочие категории имён собственных

4.1. Топонимы

4.1.1. Компоненты значения топонимов

Топонимы как имена собственные обслуживают категорию географических объектов. В значении топонимов, как и у других ИС, можно выделить не меньше трёх компонентов:

- 1) бытийный, или интродуктивный («существует нечто»);
- 2) классифицирующий — отражающий принадлежность референта к определённом классу (денотату) («это нечто — река»);
- 3) индивидуализирующий («эта река именуется Серебрянка»).

Топонимические денотаты многочисленны: это может быть континент, океан, море, страна, озеро, река, остров, полуостров, населённый пункт, улица, площадь, строение и т.д. В связи с этим классифицирующий компонент значения у топонимов нередко получает формальное выражение.

Во-первых, название денотата может являться неотъемлемой частью самого названия, например, в английском **the Strait of Dover, Jersey City, Coney Island**; во французском **Mont Blanc, l'Île de France** или в русском *Москва-река, Васильевский остров, Рижский залив, Ломоносовский проспект*. Часто оно входит в состав официального именованья, но отсутствует в «бытовом», более кратком варианте — *ср. New York (City), Baffin (Island), (Lake) Nipigon*.

Во-вторых, обозначение денотата может вливаться в топоним как некая псевдоморфема, например: *Новгород, Белоозеро, Kingstown, Peterborough*.

В-третьих, существуют морфемы и псевдоморфемы, не называющие прямо денотат, но специфичные для него. Так, в русском языке для названий городов типичны окончания **-ск, -цк** (*Бобруйск, Липецк*), для деревень и сел (а следовательно, и для городов, в которые они могут превратиться) — окончания — **-ово, -ево, -ское, -ки, -ино, -ье** (*Быково, Матвеевское, Петушки, Выхино, Запорожье*), для названий стран (особенно традиционных) — **-ия** (*Британия*) и т.д. В английском языке аналогичную функцию выполняют окончания **-ton, -field, -bridge, -burg, -borough, -mouth, -land, -hampton, -shire, -cester, -head, -у, -ia** и другие.

Типичные особенности в формальном облике топонимов нередко ведут к возникновению продуктивных моделей, используемых при наименовании новых географических объектов и переименования старых. Этим нередко пользуются и писатели, создавая названия для вымышленных объектов. Можно привести в пример такие названия из произведений В. Хлебникова, как *Никогдавь*, *Числоводск*, *Темнигов*, *Снегополь*, *Тенестан*, *Ветроград*, *Мнестр*⁴¹ (правда, у этого писателя не всегда ясно, использует ли он эти слова как топонимы или как всего лишь результат словотворчества на грани нарицательной и ономастической лексики).

Кроме того, понятийный компонент значения топонимов стремится к дополнительному лексическому наполнению в речи. Потенциально безграничное количество возможных географических объектов, а также различная степень их значимости для общества приводят к тому, что языковой статус различных групп топонимов различен.

В подавляющем большинстве случаев уточнение, к какому именно конкретному референту относится тот или иной топоним, возникает в речи. Невозможно и не нужно знать названия всех географических объектов. Однако в пределах той или иной сферы общения (в отношении топонимов прежде всего территориальной) люди связывают знание ряда известных им признаков географических объектов с их названиями.

Представления и знания, связываемые разными людьми с одним и тем же референтом, конечно, сугубо индивидуальны и могут различаться. Однако в знаниях, которые связывают с одним и тем же топонимом участники одной коммуникативной сферы, можно выделить некий общий минимум признаков (помимо тех, что входят в классифицирующий компонент сигнификата), необходимый им для коммуникации.

Например, хотя разные носители английского языка могут связывать разные представления, скажем, о городе Эксетер (Exeter) в Англии, однако, очевидно, в рамках той языковой общности, где этот топоним имеет существенное значение для коммуникации, общим для говорящих будет знание о том, что это небольшой, но древний город в графстве Девоншир (плюс, возможно, ещё несколько признаков, например, наличие в нём старинного

⁴¹ См. Григорьев В.П. Собственные имена и связанные с ними апеллятивы в словотворчестве Хлебникова. В сб.: Ономастика и грамматика. М., 1981, с. 196-222.

собора и т.п.). Смысл, обусловленный фоновыми знаниями о географическом объекте у членов определённой коммуникативной сферы и возникающий в соответствующих этой сфере контекстах и ситуациях, формирует индивидуализирующий компонент значения антропонима.

Как и антропонимы, топонимы можно подразделить на **единичные и множественные**.

Известность объекта нередко способствует тому, что коммуникативная сфера, в которой реализуется референция топонима, расширяется до всего языкового коллектива. В таком случае признаки референта, подразумеваемые в значении топонима в речи, приобретают общезыковой статус.

Так, практически каждый говорящий связывает с топонимом London такие признаки, как «крупный город на реке Темзе, столица Великобритании», с топонимом Florida — «штат и полуостров на юго-востоке США, средоточие приморских курортов», с топонимом Coney Island — «район в Нью-Йорке, место массовых развлечений». Поскольку данная информация заключена в этих названиях для всего языкового коллектива, она кодифицируется на уровне языка-системы. Такие топонимы, по аналогии с антропонимами, будем называть **единичными**. В их индивидуализирующее значение входит некий минимальный набор наиболее существенных характеристик географического объекта.

Понятийный характер индивидуализирующего компонента топонимов проявляется и в возможности их конкретизации с помощью определителей и артиклей в английском языке: *it is not the Oxford he was used to; There was a different New York surrounding her; There will always be an England.*

Какие же признаки входят в индивидуализирующий компонент значения единичных топонимов? В большинстве случаев, очевидно, указание на примерное местоположение объекта, в частности по отношению к другим объектам. Это иллюстрирует следующий пример:

"No more than two," Sonia said. "Remember, you're in the tropics."

"When it comes to my drinking", Murphy said, "the tropics begin just below Labrador for my wife."

(I. Shaw)

Не больше двух, — напомнила Соня. — Не забудь, что ты в тропиках.

— Как только я собираюсь выпить, моей жене кажется, что тропики начинаются от самого Лабрадора, — сказал Мэрфи.

(Пер. К. Чугунова)

Кроме того, в значении топонима могут отражаться и другие особенности географического объекта: связь с историческими событиями, крупными сражениями (Appomatox, Pearl Harbor, Canossa, Dunkirk, Mafeking, Watergate, Waterloo), общественно-культурная значимость (Broadway, Eton, Oxford, Мecca, Pall Mall), соседство с социально-политическими институтами (Fleet Street, Yale, Westminster, Potomac) и т.д.

Остальной массив топонимов, существующих практически в речи и лишь потенциально способных получить языковой статус с однозначным индивидуализирующим значением, — это топонимы множественные, называемые здесь так по аналогии с множественными антропонимами.

Представление о том, что каждый топоним называет только один объект, отражает лишь желаемое, но не фактическое положение. Обслуживая одну небольшую коммуникативную сферу, множественный топоним может с успехом применяться и в других, изолированных (и даже не слишком изолированных) от данной коммуникативных сферах. Известно, что одно и то же название может встречаться даже в пределах одной и той же административно-территориальной единицы (например, в Якутской области два города с названием *Артык*).

Топонимы же, образованные по продуктивным моделям, повторяются десятками: *Березовка, Талица, Соколове, Красноармейск, Каменка, Советский* и т.п. Особенно наглядно проявляется это правило в названиях улиц: практически в каждом городе есть ул. *Пушкина, ул. Горького, ул. Комсомольская*; а сколько улиц с названием Main Street в Америке! Поэтому даже топонимы, которые не повторяются (если они не имеют языкового статуса), можно отнести к множественным — с точки зрения языка они могут обслуживать любое количество узких коммуникативных сфер.

4.1.2. Топонимы в переводе

В самом общем случае предполагается, что иностранный топоним должен передаваться на русском языке приближённо к исходной форме звучания, то есть по правилам практической транскрипции. Однако на это общее правило накладываются дополнительные соображения. В частности, переводчик может иметь дело с текстом на английском языке, который требуется перевести на русский и в котором содержатся топонимы неанглийского происхождения. В этом случае при передаче топонимов

не действуют, конечно, правила англо-русской транскрипции, а необходимо учитывать правила передачи топонима с языка оригинала. Особо осторожно следует относиться к китайским и вообще восточным ИС. Грубой ошибкой являются попытки передавать их, ориентируясь на англоязычное произношение. Об этом уже говорилось в § 2.3.

Кроме того, серьёзное значение для подбора соответствий топонимам в переводе имеет разделение их на единичные и множественные. Единичный топоним по определению пользуется широкой известностью, которая во многих случаях выходит за рамки языкового коллектива соответствующей страны. Следовательно, на языке перевода уже может существовать устоявшееся традиционное соответствие, которое необходимо использовать.

Следует признать, что передача традиционных соответствий бывает делом нелегким. Например, название одной из германских земель по-английски — Rhineland-Palatinate, но это название не вполне соответствует собственно немецкому, которое можно установить по английским словарям, приводящим топонимы и в их исходной форме, — Rheinland-Pfalz; благодаря этому отыскивается и русский эквивалент — *Рейнланд-Пфальц*.

У топонимов есть одна особенность, заключающаяся в том, что многие из них включают нарицательный элемент. Например, это могут быть слово или морфема, обозначающие денотат. В частности, такое слово обязательно входит в состав названий морей (заливов, проливов), многих островов, полуостровов (и других деталей контура суши), озёр, горных систем, а также объектов городской топонимии (улиц, районов, зданий).

Этому слову, как правило, соответствует по-русски его нарицательный эквивалент, например *Straits of Florida* — Флоридский пролив, *Isle of Man* — остров Мэн, *Lake Huron* — озеро Гурон. Однако иногда такое слово транскрибируется, например, *Malin Head* — *Малин-хед*, *Long Island* — *Лонг-Айленд*. Нередко возникают и такие варианты, где нарицательный элемент и транскрибируется, и переводится, например, *мыс Малин-хед*, *остров Лонг-Айленд*. Такое дублирование представляется избыточным, но в некоторых случаях оно уже вошло в традицию.

Поэтому переводчику следует выбрать какой-либо авторитетный источник на русском языке (словарь географических названий, энциклопедию или атлас), согласно которому и воспроизводить названия в переводе. Среди многих справочников можно порекомендовать «Малый атлас мира», многократно издававшийся.

И, напротив, вряд ли для подобных целей следует ориентироваться на данные из Интернета, — там циркулирует слишком много ошибочной информации.

Однако некоторые топонимы не сыщешь в атласах или энциклопедиях. Это прежде всего объекты городской топонимики — названия районов, улиц, площадей, зданий. Здесь проблема передачи нарицательного элемента также возникает очень часто: как переводить слова *square*, *street*, *building*, *house* — *сквер*, *стрит*, *билдинг*, *хаус* или *площадь*, *улица*, *здание*, *дом*! Следует сказать откровенно, что единого решения эта проблема не находит и решается разными переводчиками и в разных случаях по-разному. В целом, как представляется, доминируют всё же варианты первого типа (транскрипционные). Этому способствует закреплённость таких соответствий, как *Times Square* — Тайм-сквер, *Empire State Building* — Эмпайр Стейт Билдинг, *Fleet Street* — Флит-стрит, *Wall Street* — Уолл-стрит и др.

Отметим также желательность использования по-русски дефиса в составных наименованиях городов, площадей, улиц и т.п. (*Palm Beach* — *Палм-Бич*, *Ft. Myers* — *Форт-Майерс*, *Lime Grove* — *Лайм-Гроув*, *Hyde Park* — *Гайд-парк*, *Carnaby Street* — *Карнаби-стрит*). Слова *сквер*, *парк*, *авеню*, *стрит*, присоединяемые дефисом, пишутся обычно со строчной буквы, так как они уже приобрели статус русских нарицательных (*Гайд-парк*, *Карнаби-стрит*).

Наконец, отдельно следует сказать о передаче русских топонимов на английском языке. Здесь принципы передачи будут различны при переводе связных текстов и при выполнении других задач.

В частности, в картографии (как зарубежной, так и отечественной) русские топонимы воспроизводятся обычно не по общим правилам русско-английской практической транскрипции (приложение 5.1.1), а в соответствии с техническими системами транслитерации русских названий на латинице (приложение 5.3). Согласно этим правилам, вот как могут выглядеть названия некоторых подмосковных городов: Люберцы — *Lübercy*, а ш и х а — *Balašicha*, Щёлково — *Ščelkovo*, Мытищи — *Mytišči*, Жуковский — *Žukovskij*, Химки — *Chimki*. Переводчику следует понимать, что такой метод транслитерации предназначен исключительно для

технического удобства и не связан с переводом. Он используется только для того, чтобы по такой передаче можно было однозначно восстановить исходное название и чтобы ею пользовались разноязычные специалисты (например, в авиации или в почтовых службах). При переводе связанных текстов на английский язык такая транслитерация обычно не применяется.

Некоторую трудность при переводе могут вызвать классифицирующие слова, сопутствующие топонимам, а нередко и входящие в их состав: наименования административных единиц. При переводе с иностранных языков на русский названия административных подразделений чаще подвергаются практической транскрипции (например, *кантон*, *вилайет*, *департамент*); но иногда заменяются аналогами или соответствиями-кальками (так, *county* передаётся как *графство* в Англии и *округ* в США; германские субъекты федерации именуется по-русски *землями*, китайские административные единицы — *уездами*).

Не выработалось однозначного подхода к этой проблеме и в передаче на английский наименований административных единиц России и бывшего СССР (*район*, *область*, *край*, *автономный округ*, *республика*). При передаче их с русского на английский язык имеют место две тенденции — использовать соответствия-аналоги (например, *область* — *region*, *край* — *territory*, *округ* — *area* или *district*) или соответствия на основе транслитерации (*oblast*, *krai*, *okrug*). Можно посоветовать переводчику следующий подход: в текстах литературного характера уместны скорее аналоги (*region*, *territory* и т.п.), в текстах технического и официального характера — транслитерации. Рекомендуемые соответствия:

Административная единица	Соответствие в текстах литературного характера	Соответствие в технических и официальных текстах
район (внутри города)	district	district
район (внутри области)	district	district, <i>иногда</i> rayon
область	region	oblast
округ	area	okrug
край	territory	krai
республика	republic	republic

В названиях районов и областей России первое слово обычно представляет собой прилагательное, образованное от названия районного или областного центра. При переводе рекомендуется использовать не транслитерацию прилагательного, а название этого города, например: *Ивановская область* — Ivanovo Oblast, *Солнечногорский район* — Solnechnogorsk District. Отбрасываются окончания в названиях автономных округов (*Ямало-Ненецкий автономный округ* — Yamal-Nenets Autonomous Okrug). Однако в названиях внутригородских районов, а также областей, названия которых не совпадают с наименованием областного центра, прилагательное транслитерируется как таковое: *Заводской район* — Zavodskoy District, *Ленинградская область* — Leningradskaya Oblast, *Свердловская область* — Sverdlovskaya Oblast.

Особо следует сказать о правилах перевода адресов, или точнее об их написании на латинице. Переводчику следует помнить, что задача этой работы одна — обеспечить, чтобы корреспонденция доставлялась по назначению (если только адрес не включён в литературный текст).

Следовательно, не следует пытаться, как это часто делают неопытные переводчики и секретари, «передельвать» российский адрес на иностранный манер — например, указывать номер дома перед названием улицы, переводить слово *улица* английским Street и т.п.

При написании на латинице российского адреса **рекомендуется применять только транслитерацию (транскрипцию) без элементов перевода и перестановок**. Единственная рекомендуемая перестановка — это указание получателя перед адресом, а не после него. Например:

г. Жуковский
Московской области,
ул. Пушкина, д. 2,
корп. 1, кв. 14.
Тимофееву А.Б.

Mr. A.B. Timofeyev
g. Zhukovsky,
Moskovskaya Oblast,
ul. Pushkina, d. 2, korp. 1,
kv. 14.

4.2. Зоонимы

Зоонимы — это ИС, присваемые животным (в просторечии — клички животных). Ясно, что, в отличие от людей, имеет смысл называть собственным именем далеко не каждое животное. В первую очередь такие имена дают домашним и хозяйственным животным (кошкам, собакам, лошадям и т.д.), но свои имена могут быть и у других животных, имеющих какую-то значимость для общества (например, содержащихся в зоопарках и цирках), в том числе даже у животных, существование которых пока не доказано (вспомним знаменитую *Несси* — гипотетического обитателя шотландского озера Лох-Несс).

Как и среди антропонимов, среди зоонимов можно выделить единичные и множественные. Та же известная всем *Несси* принадлежит к числу единичных зоонимов. К множественным относятся те зоонимы, которые благодаря высокой частотности использования превратились как бы в стандартные клички. Так, в русском языке такими типичными кличками стали, например, *Рекс*, *Джек*, *Джерри* (клички собак), *Васька*, *Рыжик*, *Дымок*, *Мурка* (клички кошек), *Бурёнка*, *Пеструшка* (клички коров), *Буян*, *Гнедуха* (клички лошадей). Можно считать, что в семантике этих зоонимов закреплён категориальный признак (отнесённость к тому или иному виду животных), хотя существует и немало полифункциональных зоонимов, то есть кличек, применяющихся к самым разным видам животных, например, *Мишка*, *Кроха*, *Муська*, *Шалун*.

В английском языке также существует набор наиболее типичных (множественных) зоонимов. Так, по данным некоторых исследований, опубликованных в Интернете, в США за последние годы были наиболее популярны следующие клички для домашних животных (прежде всего кошек и собак): *Max*, *Maggie*, *Buddy*, *Bailey*, *Jake*, *Sam*, *Molly*, *Nicky*, *Coco*, *Sadie*.

Источники и модели образования зоонимов отличаются гораздо большим разнообразием по сравнению с антропонимами или топонимами. Среди таких источников можно выделить:

а) множественные антропонимы. Характерно при этом, что в английской речи широко используются в этом случае дериваты (то есть сокращённые формы — *Mag*, *Sam*, *Ben* и уменьшительные формы с суффиксом -у или -ie — *Molly*, *Nicky*, *Maggie*), а в русском языке — уменьшительно-пренебрежительные формы с суффиксом -к-: *Васька*, *Мишка*, *Сонька*, *Муська*, *Филька*. Впрочем, иногда встречаются и шутливо-уважительные клички, копирующие более

официальные формы обращения, такие как *Василий Тимофеевич* (кличка кота), *Аксинья Ивановна* (кличка свиньи). Следует также отметить распространённость в России практики называть животных иностранными антропонимами, благодаря чему у нас стали популярны клички типа *Джерри, Джек, Барби, Том, Ральф*. Аналогичной тенденции в английской зоонимии обнаружить не удалось; разве что клички некоторых животных, содержащихся в зоопарках, выглядят как заимствования из суахили и других языков Африки, например: *Matata* (кличка бородавочника), *Ashiki, Sabiki* (клички ЛЬВИЦ), *Kwahari* (кличка вилорогой антилопы), *Mwana* (кличка шимпанзе)⁴². Думается, что можно считать эти имена навеянными влиянием популярного диснеевского мультфильма *The Lion King* (1995), где звери-персонажи названы именами, стилизованными под африканские;

б) единичные антропонимы, то есть имена и фамилии известных деятелей настоящего и прошлого, а также персонажей мифов, литературных произведений, кинофильмов и телепередач. Например: *Nixon* (фамилия бывшего президента США), *Nefertiti* (имя царицы древнего Египта), *Genghis Khan* (имя монгольского хана-завоевателя), *Capone* (фамилия гангстера), *Athena, Venus* (имена античных богинь), *Romeo, Capulet* (литературные имена), *Gomez and Morticia* (имена персонажей телесериала «Семейка Адаме», послужившие основой для парной клички двух животных);

в) топонимы и астронимы, например: *Egypt, Nile, Alaska* или русские *Байкал, Амазонка, Африка, Бега*;

г) товарные знаки, названия изделий и продуктов (особенно в английской речи): *Hershey, Cadbury* (марки шоколада), *Havana* (наименование сигар), *Capuccino* (рецепт приготовления кофе), *Bugle Boy* (фирменная одежда);

д) нарицательные имена и другие характеризующие слова и выражения. Они используются обычно для того, чтобы подчеркнуть какую-то внешнюю особенность животного, черту его характера или иную ассоциацию с ним, например *Пеструха, Рыжик, Белянка, Верный, Буян, Лихая, Ночка, Красотка*; в английской речи — *Spotsie, Blackberry, Jasmine, Danger, Ferocious, Sweetie Pie, Honey*.

Когда зооним приобретает статус типичной клички какого-либо вида животных, он легко обретает вторичную классифицирующую номинацию, то есть как бы снова переходит в разряд нарицательных имён. Таковы, например, популярные в прошлом

⁴² Приведены клички животных, содержащихся в зоопарке Sedgwick County в США.

собачьи клички *Бобик*, *Шарик*, *Барбос*, *Жучка*, которые сегодня хотя и осознаются как собачьи клички, но используются в речи и для обозначения любой собаки. Вот почему, например, оправдано решение переводчика русской сказки «Репка», который зооним *Жучка* передал на английский язык просто как Dog.

В лингвистической литературе зоонимы исследованы крайне слабо, и практически никак не разработан вопрос об их передаче в переводных текстах. Поэтому мне придётся ограничиться лишь некоторыми рекомендациями переводчику, основанными на собственных наблюдениях.

Проблему для перевода представляют собой прежде всего те прозвища, которые обладают определённой мотивацией. Если прозвище образовано от нарицательного имени или от характеризующего слова или выражения, то смысл этих исходных слов и выражений, как правило, сохраняет свою актуальность и, следовательно, важен для перевода. Попытка передать этот смысл часто вступает в конфликт с индивидуализирующей функцией ИС, требующей сохранения его уникальной внешней формы.

Для зоонимов внешняя форма ещё более важна, чем для любых других видов ИС. Ведь они предназначены в первую очередь для того, чтобы подзывать животное, которое должно реагировать на определённое сочетание звуков (недаром по-русски используется термин «кликка», родственный словам *клич*, *кликнуть*). Сопутствующие коннотации и ассоциации, присутствующие в смысловой структуре зоонима, занимают подчинённое положение по отношению к этой функции, ибо животные их не воспринимают. Скажем, если заменить кличку Spotsie на «Пеструшка» или «Пятнистая» (преобразующий перевод), а затем попытаться подзвать с её помощью животное, то оно, конечно, не отзовётся на новые «варианты» своего имени.

Подход переводчика к передаче зоонимов будет зависеть в первую очередь от характера и ситуации перевода. **При устном переводе, а также при письменном переводе информационных и других нехудожественных текстов применяются, как правило, ономастические соответствия**, то есть соответствия, передающие внешнюю форму имени близко к оригиналу.

Такие соответствия дают понять слушателю и читателю, что животное — носитель зоонима отзывается именно на данный комплекс звуков. Если же переводчик считает необходимым пояснить слушателю или читателю также и мотивацию прозвища, он может прибегнуть к **уточняющему переводу**, пояснив смысловые коннотации, например, в скобках.

Так, в годы пребывания на посту президента США Билла Клинтона журналисты активно освещали его семейную жизнь, в связи с чем получил некоторую известность и его домашний кот с забавной кличкой Sox (или Socks). О коте Клинтона писали и российские газеты, передававшие эту кличку по-русски так: *Соке {что означает «носки»}*.

Иначе обстоит дело **при переводе художественных текстов**. В этом случае опознавательная функция зоонима неактуальна, а в случае сказочных животных отсутствует вообще. Поэтому, если мотивация и другие смысловые коннотации исходного зоонима ясны и поддаются передаче, возможен **преобразующий перевод**, то есть соответствие с иной внешней формой.

По этому принципу переданы, например, кличка волка White Fang — *Белый Клык* в романе Джека Лондона или, скажем, собачьи клички в повести Доуди Смит «Сто один далматин» (*Missis — Дамка, Lucky — Счастливчик, Patch — Черноух*). В то же время, если смысловые коннотации у зоонима отсутствуют или имеют слишком расплывчатый характер, ему следует подбирать **ономастическое соответствие**. Вот примеры подобных соответствий (также из повести Д. Смит): *Bingo — Бинго, Roly Poly — Ролли-Полли*. Конечно, это необходимо делать с учётом требования благозвучности. В той же повести фигурирует, например, и собака по кличке *Perdita*. Нежелательные ассоциации, вызываемые этим ИС, уже комментировались, поскольку такое же имя принадлежало одной из героинь Шекспира (см. § 2.5). В данном случае переводчики избрали вариант *Пэдди*, несколько преобразовав звучание зоонима.

Имена **сказочных и аллегорических животных** — сложный материал для перевода. Их даже трудно относить к зоонимам, поскольку их носители **персонифицированы** (то есть очеловечены): они разговаривают и часто, подобно людям, живут в домах, носят одежду, занимаются какими-то хозяйственными делами и даже порой имеют деньги. Поэтому имена таких персонажей с

лингвистической точки зрения аналогичны антропонимическим прозвищам. У многих авторов они построены на игре слов, созвучиях, ассоциациях или подтекстах. Переводчику в этих случаях следует руководствоваться теми же принципами, что и при переводе прозвищ. На стр. 101 уже приводился пример с прозвищем *Tortoise* из сказки Л. Кэрролла, и было показано, к каким разным решениям приходят переводчики в поисках адекватного соответствия⁴³.

Нередко **нарицательные обозначения животных приобретают в сказках статус собственных имён**. В этом случае они пишутся с прописной буквы и нередко также употребляются без артиклей (например, *Cat, Dog, Goat, Frog*), хотя написание с определённым артиклем встречается не менее часто. Иногда использование наименования без артикля как бы окончательно закрепляет переход нарицательного обозначения в ИС.

Например, в сказочной повести Пола Гэллико (*Paul Gallico. Manxmouse*) необычный бесхвостый мышонок, названный *the Manx Mouse* по аналогии с выражением *Manx cat* (бесхвостая кошка острова Мэн), именуется так только в первой главе повести, а начиная со второй главы его имя не только теряет артикль, но и сливается из двух компонентов в один: *Manxmouse*. Впрочем, в других книгах этот нюанс отсутствует. Так, в сказочном романе К. Грэма «Ветер в ивах» (*Kenneth Gráname. Wind in the Willows*) одни персонажи-животные именуется с использованием артикля (*the Mole, the Badger, the Rat*), а другие — без такового (*Toad*), и никакой смысловой подоплёки под этим различием усмотреть невозможно.

Важно помнить также, что в **нарицательно-собственном имени** типа *Cat, Fox, Toad* часто **актуализируется родовой компонент**, то есть ассоциация с тем или иным полом. В русском языке такая актуализация всегда происходит в соответствии со значением грамматического рода; при использовании слова в качестве имени сказочного персонажа это значение становится равносильным указанию на его биологический пол.

Когда в английском и русском языках имена персонифицированных животных ассоциируются с разными полами, это сильно осложняет задачу переводчика. Так, вступительная часть сказки

⁴³ Многочисленные примеры имён сказочных персонажей и животных в дилогии об Алисе, а также интересный рассказ о стратегии переводчика этих книг читатель найдёт в статье: Демурова Н. Голос и скрипка. — В сб.: «Мастерство перевода. 1970». М., 1970. с. 150-185.

Оскара Уайльда «Счастливый принц» (Oscar Wilde. The Happy Prince) — это история о том, как полюбили друг друга the Swallow и the Reed — соответственно he и she. Таким образом, в этой паре влюблённых the Swallow (Ласточка) выступает как мужчина, а the Reed (Тростинка) — как женщина. Но по-русски слова *ласточка* и *тростинка* — оба женского рода, и естественность оригинала отчасти пропадает в следующем переводе:

Как-то ночью пролетала тем городом *Ласточка*. Её подруги вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она задержалась тут, потому что была влюблена в гибкую *красавицу-тростинку*.

Этот перевод К.И. Чуковского был опубликован в 1912 году. Очевидно, Корней Иванович и сам осознал неудачность такого варианта перевода и впоследствии исправил *тростинку* на *тростник*:

...потому что была влюблена в гибкий красивый *Тростник*.

Таким образом «мужчина» и «женщина» в этой паре поменялись местами по сравнению с оригиналом. Увы, это никак не отвечает характерам персонажей оригинала: the Swallow обладает в сказке деятельным, прямым мужским характером, а the Reed — девичьей молчаливостью и скромностью. К тому же русское слово *тростник* — собирательное и не может относиться к одной тростинке. Вот к каким искажениям художественного строя произведения привёл лишь тот незначительный, казалось бы, факт, что в русском языке название птицы *ласточка* имеет грамматическое значение женского рода! Мне не известны другие переводы этой сказки, но думается, что правильнее поступил бы переводчик, который оставил бы тростинку *тростинкой*, а ласточку заменил бы на *Стрижа*, благо эти две птицы очень похожи.

С аналогичной проблемой столкнулись и переводчики романа К. Грэма «Ветер в ивах». Среди главных персонажей этой книги — Toad и the Rat, оба мужского пола. Прямые русские словарные соответствия (*жаба* и *крыса*) не годятся по причине женского грамматического рода. Поэтому *жабу* пришлось заменить на *Лягушонка*, а *крысу* — на *Мыша*. Замена одного вида животного на другой оправдывается здесь тем, что мы имеем дело не с заметками натуралиста, а с условной аллегорией людских характеров и привычек, и поэтому конкретный образ животного, который в этой аллегории используется, допускает некоторую модификацию.

Большой простор для фантазии художественного переводчика дают имена **фантастических зверей и существ**, которыми изобилует литература, особенно детская. Нередко писатели создают их не

на основе обычных нарицательных слов, а конструируют из созвучий, в которых только угадываются возможные ассоциации. Ономастическая передача таких ИС обычно не достигает цели. Так, если передать имя фантастического существа the Snark из кэрролловской поэмы-нонсенса *The Hunting of the Snark* как *Снарк*, этот вариант окажется лишённым всякой ассоциативной основы⁴⁴. А ведь английское имя ассоциируется и с глаголом *snarl* («рычать»), и с существительным *shark* («акула»). Стараясь использовать аналогичный принцип для построения русского соответствия, разные переводчики отталкивались от различных ассоциаций. Вот почему так непохожи различные варианты передачи этого ИС: *Змерь* (ассоциация со словами *зверь* и *змея*), *Рыкула* (ассоциация со словами *рык* и *акула*), *Смарк* (этот вариант, принадлежащий Е.В. Клюеву, с одной стороны, похож на английское ИС, а с другой, «играет» в переводе заглавия: «Охота на Смарка», что создаёт ассоциацию с наречием *насмарку*, тем более что в поэме охота действительно заканчивается неудачно).

В заключение следует остановиться на **стандартных фольклорных эпитетах, которые сопровождают имена персонажей-животных в сказочном фольклоре**. В русском фольклоре имена персонафицированных животных часто сопровождаются устойчивыми прилагательными или эпитетами: *Мышка-норушка*, *Лисичка-сестричка*, *Зайчик-побегайчик*, *Серый Волк — Зубами Щёлк* и т.п. Некоторые звери удостоились в фольклоре имён, похожих на антропонимы: *Топтыгин*, *Михайло Потапыч*, *Лиса Патрикеевна*. Такие именованья иногда встречаются переводчикам не только художественной литературы, но и текстов других жанров, например, журнальных и газетных статей.

Как поступать в этом случае переводчику? Логика подсказывает, что желательнее поискать **соответствие-аналог** в английском фольклоре. Действительно, существует некоторое количество таких аналогов, например, *Коза-дереза* ~ *Nanny Goat*, *Серый Волк — Зубами Щёлк* ~ *Grey Wolf* или *Big Bad Wolf*. Однако их количество представляется весьма ограниченным. Некоторые сказочные зоонимы в английском языке не имеют эпитетов: так, обычно лис, мышей и медведей в английском фольклоре именуют просто *the Fox*, *the Mouse*, *the Bear*. Некоторые животные гораздо чаще фигурируют в сказках на одном языке, чем на другом. Например, в английском фольклоре почти не упоминаются *зайцы*, зато в изо-

⁴⁴ Впрочем, этот вариант вполне уместен в литературоведческих текстах, где и используется. Среди других вариантов, создатели которых пытались учесть ассоциативные характеристики имени, ни один не получил пока всеобщего признания.

билии имеются *кролики* (Bunny Rabbit). В русском — наоборот, кроликов нет, зато очень популярен *Заяц* (он же *Косой*).

Главная же практическая проблема состоит в полном отсутствии каких бы то ни было справочников и словарей, где подобные фольклорные персонажи были бы как-то описаны и систематизированы, тем более в сопоставлении с персонажами иноязычного фольклора.

Поэтому при невозможности найти исконный аналог следует подумать о переводе эпитета с помощью **регулярных и продуктивных синтаксических моделей**, каковыми в английском языке являются конструкции с причастием (например, *Курочка Ряба* — the Speckled Hen, *Конёк-Горбунок* — the Little Humpbacked Horse) или с существительным во множественном числе (*Косой*, *Зайчик-нобрайчик* — Squint-Eyes, Hare the Long Legs, Hare the Long Ears).

Конечно, следует быть крайне осторожным в конструировании подобных именовании на языке, который не является для переводчика родным. **В случае малейших сомнений лучше вообще отказаться от передачи эпитета.**

4.3. Астронимы

ИС, относящиеся к небесным телам (созвездиям, звёздам, планетам, астероидам, галактикам и т.д.), на всех языках полностью регламентируются астрономической наукой, поэтому при всех затруднениях следует справляться о них в энциклопедиях и соответствующих справочниках. Следует отметить, что имена многих созвездий и планет взяты из античной мифологии, и хотя в большинстве случаев по-английски и по-русски эти названия совпадают с именами-прототипами (например, Ceres — Церера, Juno — Юнона, Jupiter — Юпитер, Venus — Венера, Vesta — Веста, Flora — Флора, Apollo — Аполлон), по-русски встречаются и варианты, не совпадающие с первоисточником. Так, название астероида *Икар* по-русски отличается от имени соответствующего мифического персонажа (*Икар*), хотя на латыни и по-английски это имя в обоих случаях одинаково — Icarus.

Опасность неточности может подстергать и при переводе с русского на английский. Так, русское название астероида *Географ* совпадает по форме со словом, обозначающим специалиста по географии, однако переводчик ошибётся, если перенесёт эту аналогию на английский язык. Там нарицательному слову *географ* соответствует geographer, а названию астероида — Geographos.

В названиях космических объектов часто используются и антропонимы, принадлежащие астрономам; эти антропонимы обычно также передаются на основе традиции, а не правил практической транскрипции (например, Halley's comet — *комета Галлея*).

Переводчику небеснополезно знать названия созвездий (знаков) Зодиака. Все они имеют в английском языке дублетные названия: один вариант основан на латинском наименовании, другой представляет собой его собственно английское соответствие. Приводим их в таблице:

Названия созвездий Зодиака

Русское название	Английское название латинского происхождения	Собственно английское название
Близнецы	Gemini	the Twins
Весы	Libra	the Balance
Водолей	Aquarius	the Water Bearer
Дева	Virgo	the Virgin
Козерог	Capricorn	the Goat
Лев	Leo	the Lion
Овен	Aries	the Ram
Рак	Cancer	the Crab
Рыбы	Pisces	the Fishes
Скорпион	Scorpius, <i>в астрологии Scorpio</i>	the Scorpion
Стрелец	Sagittarius	the Archer
Телец	Taurus	the Bull

В подавляющем большинстве случаев, даже в гороскопах, используется название латинского происхождения; второй вариант играет вспомогательную роль как синоним, позволяющий прояснить символический смысл основного варианта или избежать его повторения в тексте.

Общая рекомендация: передача астронимов полностью регулируется традицией, поэтому при малейших сомнениях переводчику следует обращаться к справочным изданиям.

4.4. Названия судов, космических кораблей и аппаратов

Сложившаяся практика требует **транскрибировать** названия этой группы, а не подвергать их смысловому переводу. Так, названию судна *Queen Elizabeth* соответствует «*Куин Элизабет*», а не «*Королева Елизавета*». Примеры соответствий для названий космических кораблей и аппаратов: *Voyager* — «*Вояджер*», *Discovery* — «*Дискавери*», *Gemini* — «*Джеминай*»; «*Союз*» — *Soyuz*, «*Мир*» — *Mir*, «*Космос*» — *Kosmos*, «*Луноход*» — *Lunokhod*.

Одним из немногих исключений из этого правила является русское обозначение американского космического корабля *Apollo* — «*Аполлон*», которое было образовано не методом практической транскрипции, а методом транспозиции, то есть на основе слова-прототипа — имени греческого бога.

Следует напомнить также о правилах пунктуационного оформления названий судов. Русские названия следует заключать в кавычки. В английском же тексте кавычки не нужны, но все элементы названия пишутся с прописной буквы. Желательным (но не обязательным) является также выделение названия судна курсивом в английском тексте,

Приходится также констатировать **неурегулированность в английском языке вопроса об использовании артиклей** при названиях морских судов. В одних источниках артикли применяются, в других — нет.

Вот два примера из сообщений информационных агентств, иллюстрирующие этот факт:

1) The *Greenville* surfaced and slammed into the *Ehime Mam*, sinking it off the Hawaiian island of Oahu. — Подводная лодка «Гринвилл», всплывая на поверхность, пробила борт судна «Эхиме Мару» и потопила её неподалеку от гавайского острова Оаху.

2) Starting with *Nimitz*, each ship will undergo an overhaul, and will be brought up to the standards of the latest ships. — Каждый корабль, начиная с авианосца «Нимиц», пройдёт капитальный ремонт и будет модернизирован до самого современного уровня.

При переводе на английский следует также учитывать, что наименования военных кораблей, особенно при первом упоминании в тексте, обычно сопровождаются сокращёнными обозначениями, помогающими читателю определить, что далее следует ИС кораб-

ля, например: HMS — Her Majesty's Ship (корабль британских ВМС), USS — United States Ship (корабль ВМС США), HMAS — Her Majesty's Australian Ship (корабль австралийских ВМС), HMCS — Her Majesty's Canadian Ship (корабль канадских ВМС).

Если в тексте используется обозначение категории судна или корабля (в полном или сокращённом виде), определённый артикль при ИС употребляется обязательно (например, the aircraft carrier *Nimitz*, the USS *Greeneville*).

4.5. Названия компаний и организаций

Общие принципы соответствия названиям компаний. Названия компаний в общем случае подлежат практической транскрипции и не должны содержать элементов перевода, не считая родовых слов *компания*, *корпорация* и т.п. По-русски они должны заключаться в кавычки, например, *корпорация «Дженерал Моторс»*, *компания «Хёндэ»*, *фирма «Эрнстэнд Янг»*.

При передаче наименования компании особенности орфографии оригинала (использование заглавных букв и знаков препинания, кроме апострофа) в основном сохраняются и в передаче на русский язык⁴⁵. Английский апостроф обычно устраняется из русского варианта (Harrod's — *Хэрродс*, Macdonald's — *Макдоналдс*). Сокращения *Ltd.*, *Inc.*, *Co.* традиционно передаются как «Лтд.», «Инк.», «Ко.».

Следует отметить, что в деловой корреспонденции и документации, а также и в газетной практике названия иностранных деловых компаний часто помещают в оригинальном написании на латинице. Надо отдать должное тому, что такая система удобна — она не порождает ошибочных вариантов транскрипции и не создаёт таких трудностей, какие могут возникнуть при восстановлении исходного названия компании из русского варианта.

Если, например, вы прочли в газете упоминание о компании «Роджерс» и хотите навести справки об этой компании в иностранных источниках или в Интернете, данные для поиска информации неоднозначны: возможны варианты написания Rogers и Rodgers (причём не исключено, что каждый из этих вариантов принадлежит какой-то компании). Этой проблемы не возникнет, если и в русском тексте название компании будет дано

⁴⁵ Следует отметить, что до конца 1980-х годов практиковалось написание с заглавной буквы только первого слова в названии компании. Эта практика вряд ли имела какие-то логические основания и сейчас практически забыта.

на латинице. (Конечно, использование латиницы в названиях неприемлемо в художественных текстах.)

Условно к категории «компаний» можно отнести также музыкальные ансамбли. Их названия, как и в общем случае, или передаются по методу практической транскрипции («Битлс», «Эйс оф Бейс», «Спайс Гёрлс»), или вообще переносятся в русский текст в оригинальном написании (особенно в периодических изданиях соответствующего направления).

Напоминаем переводчикам с русского, что по-английски названия компаний не должны ставиться в кавычки, как это делается в русском языке. Кроме того, распространённой ошибкой является опущение кавычек при названии компаний в текстах на русском языке. Этого делать категорически не рекомендуется, так как такая практика, во-первых, противоречит правилам русской пунктуации, а, во-вторых, способна привести к недоразумениям. Названия компаний (но не организаций) по-английски употребляются, как правило, без артикля.

Передача сокращений в названиях компаний и предприятий.

В 1980-е и 1990-е годы определённые затруднения возникали у переводчиков с русского, которым требовалось передать на английском языке названия возникавших тогда в России компаний новых типов — обществ и товариществ с ограниченной ответственностью (ООО и ТОО), акционерных обществ (АО), в том числе закрытых и открытых (ЗАО и ОАО), коммерческих банков (КБ и АКБ). Это требовалось, кроме прочего, ещё и потому, что часто компаниям необходимо было юридически закрепить своё наименование на иностранных языках, в написании на латинице, и это написание отражалось в учредительных документах.

Понадобилось довольно длительное время, прежде чем сложилась какая-то общепринятая практика передачи на английский язык приведённых выше сокращений. Первоначально их пытались переводить, а затем составлять аналогичные сокращения по-английски. Например, АО (акционерное общество) переводили на английский язык как *joint-stock company* и образовывали сокращение — *JSC*. Такое сокращение нередко включалось в официальное название компании на английском языке. Если такое уже произошло, то, получив юридический статус, такой элемент наименования должен использоваться в нем и в дальнейшем.

Однако к настоящему времени переводчики и бизнесмены пришли к другому решению, соответствующему мировой практике. Точно так же, как никто не переводит сокращения Ltd., Inc. (в названиях английских компаний), GmbH (в названиях немецких компаний) или, скажем, Oy (в названиях финских компаний), стали просто транслитерировать латиницей и русские сокращения — АО, ООО и т.д. В результате, например, дочерняя компания банковского дома *Crédit Suisse* стала называться АО *Crédit Suisse*. Название компании РАО «ЕЭС» транслитерируется полностью — РАО EES (хотя встречаются и другие варианты передачи).

Таким образом, при передаче на английский язык названий русских компаний рекомендуется транслитерировать сокращения (если только иной вариант уже не зарегистрирован компанией как её официальное юридическое наименование на английском языке).

Не рекомендуется и расшифровывать сокращения, так как это может привести к возникновению стилистически неуклюжих наименований. Например, если в наименованиях *НК «Сибойл»* (где НК = нефтяная компания; название условное) или *АКБ «Промбанк»* (АКБ = акционерный коммерческий банк, название также условное) перевести сокращения полностью, получим: *Siboil Oil Company* с повтором "oil-oil" и *Joint-stock Commercial Bank Prombank* с повтором "bank-bank". Поэтому, если сокращение входит в состав названия, его следует транслитерировать (НК *Siboil*, АКБ *Prombank*), если не входит — можно передать его частично с учетом требований благозвучности (*Siboil Company*) или вообще опустить (*Siboil, Prombank*).

Классифицирующие слова и топонимы в составе наименований компаний и предприятий. Переводчикам следует помнить о том, что классифицирующее слово (*компания, корпорация, банк, фонд, завод, комбинат* и т.п.) по-русски обычно ставится перед названием, а соответствующее английское слово (*company, corporation, bank, fund, plant, works*) чаще всего следует за ИС.

В наименования многих компаний и предприятий, действующих на территории России и СНГ, включается прилагательное, образованное от названия населённого пункта или региона, например *Рязанский нефтеперерабатывающий комбинат, «Норильский никель»*. Переводя такие названия, следует приводить топоним по-английски в исходной форме: *Ryazan Oil Refinery,*

Norilsk Nickel. Но здесь трудность может быть связана с тем, что упоминание о предприятии может содержаться в тексте безотносительно к тому городу, где оно находится, и контекст не даёт возможности восстановить исходную форму названия этого города.

Например, в статье на тему о новостях бизнеса может упоминаться, например, неизвестный переводчику *Клюевский молокозавод* (название условное). Прилагательное *Клюевский* может быть образовано от следующих гипотетических топонимов: *Клюев*, *Клюеве*, *Клюевка*, *Клюевское*. По возможности переводчику следует навести соответствующие справки. Если выясняется, что завод расположен в населённом пункте *Клюево*, название завода переводится как *Klyuyevno Dairy Plant*. Лишь если информация о местонахождении предприятия недоступна, допустим вариант на основе транслитерации прилагательного: *Klyuyevsky Dairy Plant*.

Названия органов печати, издательств, телевизионных каналов и других средств массовой информации передаются в русском тексте либо по принципу практической транскрипции, либо включаются в текст в написании на латинице (на основе тех же соображений, что и в отношении названий компаний). Они заключаются в кавычки (если только не передаются аббревиатурой); с заглавной буквы пишется, как правило, только первое слово и входящие в состав названия имена собственные.

Если название компании или органа информации целиком состоит из буквенного сокращения и в силу тех или иных причин переводчик принимает решение не использовать в русском тексте латинских букв⁴⁶, то применяются принцип воспроизведения названий букв, входящих в это сокращение, на кириллице. Например: BBC — «Би-би-си», NHK — «Эн-эйч-кей», WGN — «Дабл'ю-джи-эн». Иногда оправдана передача таких сокращений «похожей» псевдоаббревиатурой из русских букв, особенно если воспроизведение названий английских букв трудночитаемо, например: название издательства YMCA Press теоретически надо

⁴⁶ Такими причинами могут быть: политика редакции или издательства, заказавшего перевод (например, издательство считает необходимым избегать в своих публикациях иноязычных вкраплений), или характер переводимого текста (публицистика, беллетристика, детская или популярная литература — там такие вкрапления также нежелательны, так как затрудняют восприятие текста или, например, чтение его вслух).

было бы передавать как «Уай-эм-си-эй Пресс», но закрепился более удобный для произношения вариант «ИМКА Пресс».

Названия многих информационных агентств существуют как в полном, так и в сокращённом вариантах, и в этом случае используется русская аббревиатура полного транскрипционного соответствия: UPI (United Press International) — ЮПИ («Юнайтед Пресс Интернэшнл»), AP (Associated Press) — АП («Ассошиэйтед Пресс»), PTI (Press Trust of India) — ПТИ («Пресс Траст оф Индия»).

Артикль в названиях газет при переводе на русский опускается, хотя в английском языке в названиях иностранных газет сохраняются и артикли (the Times — «Тайме», the Boston Globe — «Бостон глоб», the American Journal of Commerce — «Американ Джорнал оф коммерс», Le Monde — «Монд», Der Spiegel — «Шпигель», La Repubblica — «Република»), а при переводе с русского на английский — добавляется определённый артикль.

Что касается **названий организаций, партий, учреждений, подразделений, комиссий, центров** и т.п., то, поскольку они обычно представляют собой сочетания нарицательных слов, такие названия содержат краткую характеристику организации или указание на её цели. Поэтому они обычно подлежат смысловому переводу. Что касается наиболее известных организаций, то русские соответствия для их названий уже закреплены официально, и переводчику следует их использовать, например: the Liberal Democratic Party of Japan — Либерально-демократическая партия Японии, the World Health Organization — Всемирная организация здравоохранения, the Securities and Exchange Commission — Комиссия по ценным бумагам и биржам, the Organization of Petroleum-Exporting Countries — Организация стран — экспортёров нефти, the US Federal Bureau of Investigations — Федеральное бюро расследований США.

В некоторых случаях, когда название имеет не столько характеризующий, сколько образный или эмоциональный смысл, применяются и транскрипционные соответствия, например, Greenpeace — «Гринпис», «Яблоко» — Yabloko, «За победу» — Za Pobedu. В английском варианте не используются ни кавычки, ни курсивное написание, а только выделение всех знаменательных слов в названии прописной буквой.

Антропоним в составе наименования организации или предприятия. В состав наименований многих организаций и предприятий часто входят антропонимы, то есть имена тех, в честь кого или кем эти организации были основаны. Например, Carnegie Foundation — Фонд Карнеги, McDonald Observatory — Обсерватория Макдоналда, John A. Logan College — Колледж (имени) Джона А. Логана, Guggenheim Museum — Музей Гуттенхейма. В большинстве случаев, как видно из примеров, антропоним в исходном английском наименовании стоит в начале, а в русском соответствии ставится в конце наименования в родительном падеже. В некоторых случаях используются прилагательные, образованные от антропонимов: Smithsonian Institution — Смитсоновский институт, Bodleian Library — Бодлианская библиотека.

Российские предприятия, организации и учреждения, как правило, включают антропоним либо в обороте со словом *имени*, либо в форме прилагательного: *Завод имени Хруничева, Государственный центральный театр кукол имени С. Образцова, Тимирязевская сельскохозяйственная академия, Строгановское училище, Третьяковская галерея*. И в том, и в другом случае следует передавать такие наименования по-английски, используя транскрипцию антропонима в исходной форме в начале соответствия, как атрибутивное существительное: the Khrunichev Plant, the S. Obratsov State Puppet Theatre, the Timiryazev Agricultural Academy, the Stroganov School, the Tretyakov Gallery.

Распространённой ошибкой переводчиков является попытка как-то передать по-английски слово *имени*, для чего иногда используют оборот named after. Например, *автомобильный завод имени Лихачёва*, бывало, переводили как *Motor Works named after Likhachev, что неверно; правильный вариант — Likhachev Motor Works или Likhachev Automobile Plant. Необходимо пояснить: выражение named after допустимо использовать только в пояснительной фразе, например: the Tretyakov Gallery, named after its founder, a famous art collector, is a real treasury of Russian painting. В самих названиях этот оборот не употребляется, и в этом нет необходимости, так как функционально ему по-английски соответствует использование антропонима в начальной позиции в составе наименования.

Если же в рамках одного наименования используются и антропоним, и топоним, то при переводе на английский язык наиболее приемлемыми являются соответствия, где топоним стоит либо в конечной позиции в сочетании с предлогом *of*, либо в начальной позиции в притяжательном падеже. Например: *Московский государственный университет имени Ломоносова* — *the Lomonosov State University of Moscow*, *Moscow's Lomonosov State University* (второй вариант носит менее официальный характер). Если антропоним не упоминается, то топоним может быть употреблен в начальной атрибутивной позиции: *Moscow State University*.

4.6. Названия литературных и художественных произведений

Названия **литературных и художественных произведений** в общем случае переводятся с английского языка на русский как любая осмысленная фраза, хотя следует иметь в виду, что, если произведение ранее публиковалось на русском языке, желательно переводить его название не самостоятельно, а использовать название из имеющегося перевода. Это относится и к тем случаям, когда такое название является не дословным (например, роман П. Х. Джонсон *The Good Listener* был издан по-русски под названием «Особый дар») или даже вообще никак не соотносится с оригинальным (американская комедия *Some Like It Hot* известна у нас под названием «В джазе только девушки»). Итак, если переводчик имеет основания полагать, что произведение, название которого ему встретилось в тексте, уже переводилось или по крайней мере анализировалось в нашей стране, следует обратиться к соответствующим энциклопедиям по литературе, кино и другим искусствам, где русский вариант этого названия уже, возможно, указан.

Однако в англоязычных странах сложилась иная практика в отношении названий иностранных произведений обще-европейского культурного фонда. Переводные названия там используются только в отношении не слишком большого числа широко известных произведений, переведившихся на английский язык. В остальных случаях название обычно приводится на языке оригинала (если этот язык пользуется латиницей) или в транслитерации (при упоминании, например, произведений русских писателей).

Например, обратившись в словаре Webster's New Biographical Dictionary к статье Victor-Marie Hugo, мы обнаружим, что **все** произведения писателя Виктора Гюго указаны там по-французски без перевода, хотя они, несомненно, переводились на английский язык. В статье о Д.И. Писареве упомянуты две его публицистические работы: *Realisti* и *Borba z.a zhizn*, также без английского перевода этих названий.

Этим же принципом руководствуются практически **всегда** в отношении произведений западноевропейского театра — драматических и особенно музыкальных. Другими словами, названия балетов и опер приводятся в английском тексте неизменно в оригинальном написании и не переводятся на английский язык.

Поэтому, например, тот, кто переводил с русского языка на английский программку к опере Доницетти «Любовный напиток» в постановке Московского музыкального театра, не учёл существующей традиции, переведя это название как *Love Potion*; следовало бы привести его в оригинале по-итальянски — *L'elisir d'amore*.

Соблюдая эту традицию, англичане иногда даже отказываются от «родных» имён. Так, опера Верди «Отелло» имеет по-итальянски название *Otello*, орфографически отличающееся от наименования трагедии Шекспира, по которой была написана (*Othello*). Тем не менее в англоязычных странах, упоминая или афишируя эту оперу, не восстанавливают «пропущенную» букву *h*, а пишут её название именно в орфографии Верди.

Впрочем, названия популярных произведений русского музыкального театра (например, опер и балетов П.И. Чайковского) известны в англоязычных странах в переводных соответствиях: «Щелкунчик» — *The Nutcracker*, «Спящая красавица» — *Sleeping Beauty*, «Пиковая дама» — *The Queen of Spades* (иногда также по-французски как *La dame pique*), «Лебединое озеро» — *Swan Lake*.

Что же касается **произведений современной поп-музыки** (песен, альбомов, музыкальных клипов), то их названия очень часто носят совершенно условный характер, и попытки переводить их на-

талкиваются на неразрешимые трудности. Поэтому в настоящее время обычно практикуется перенос их в текст русского перевода без изменения на английском языке или в транскрипционном варианте (например, если раньше известная песня ансамбля «Битлс» переводилась как «Девушка», то сейчас более приемлемо писать Girl или «Герл»).

Общая рекомендация: при переводе с русского на английский язык текстов, содержащих названия западноевропейских литературных и драматических произведений, допустимо (а в отношении музыкальных произведений — фактически обязательно) использование названия на языке оригинала (если этот язык пользуется латиницей) или в практической транскрипции.

При переводе с английского на русский приоритет отдаётся ранее опубликованному варианту названия, если, конечно, переводчик не считает, что в нём была допущена грубая ошибка, которую следует исправить.

Заключение

Проблема передачи имён собственных в межъязыковой и межкультурной коммуникации стара, как и само общение между народами. Связанные с ней сложности и ошибки возникали и, к сожалению, будут возникать в силу как субъективных, так и объективных причин. Однако количество неточностей и ошибок зависит от того, насколько осознанно мы подходим к разрешению трудностей и анализу их причин. В этой книге автор попытался проанализировать эти причины и показать, каким образом они влияют на варианты передачи ИС и их усвоение иноязычной средой.

Объективные причины сложностей связаны прежде всего с особенностями ИС как лингвистических знаков. С одной стороны, для ИС играют особую важную роль различительные свойства их внешней (звуковой и письменной) формы, позволяющие отграничивать одни индивидуальные предметы от других предметов той же категории. С другой стороны, и содержательная структура ИС не только не пуста, но и во многих случаях настолько богата, что служит источником для образования разнообразных переносных значений, а также нарицательных дериватов.

В этом главное объективное диалектическое противоречие, с которым связаны трудности при передаче ИС. Оно связано с внутренними свойствами ИС как словесных знаков. Другие объективные противоречия носят внешний характер и определяются той языковой средой, которая пытается использовать и освоить ИС. Следует чётко понимать, что любое использование иноязычного ИС в речи есть именно акт межъязыковой и межкультурной коммуникации и результатом его является взаимодействие двух языковых и речевых систем, двух культурно-психологических традиций. Хочется надеяться, что в данной книге удалось выявить и изложить эти объективные факторы.

Что же касается субъективных причин, по которым в передаче ИС возникают проблемы, то они в большинстве своём связаны с языковыми посредниками — прежде всего переводчиками, преподавателями иностранных языков и журналистами, которые далеко не всегда видят глубину проблемы и не всегда вооружены

осознанной стратегией решения практических задач языкового посредничества. Помочь им сформировать эту стратегию также призвана настоящая книга.

Переводчик не в силах устранить объективные диалектические противоречия, связанные с функционированием имени в иной языковой среде, но он может и обязан знать о них и в максимальной степени учитывать их в своей работе. Благодаря этому мы вполне можем избежать субъективных ошибок и неточностей. При этом, конечно, необходимо опираться на тот богатый опыт, который накоплен предшествующими поколениями переводчиков и лингвистов. Частью этого опыта являются правила и рекомендации, приводимые в приложениях. Единообразное применение этих правил поможет в вашей практической деятельности и позволит избежать разнобоя и неточностей.

Автор будет благодарен за отзывы и сообщения о проблемах, сомнениях и находках, которыми читатели, возможно, захотят поделиться. Всё ценное в этих отзывах будет учтено в последующих изданиях книги.